

Помни обо мне

ПОЯВЛЕНИЕ ЮРЫ

История эта похожа на приключенческую повесть, хотя ничто в ней не выдуманно и она полна подлинного жизненного драматизма.

«Помогите найти Таню». Вот с чем пришел ко мне Юра, сын моего приятеля Сергея Петровича Зарубина. Мы с Сергеем Петровичем вместе учились. Потом наши пути разошлись. Зарубин стал крупным инженером, а из меня инженера не получилось. Но дружеские отношения сохранились. Зарубин женился. По любви. Анна Григорьевна, его жена, к технике не имеет касательства, она искусствовед. Поэтому атмосфера их дома насыщена искусством. Старший их сын, Евгений, инженер, пошел по стопам отца. Юра заканчивает среднюю школу.

Мальчик как мальчик. Развитой, начитанный, любимец в семье. Изредка заводит со мной разговоры на литературные темы.

И вот появляется у меня. Произносит две или три ничего не значащих фразы и объявляет:

— Помогите найти Таню.

Что за Таня — у меня ни малейшего представления.

— А почему ее надо
искать?

Выясняется, что Таня — одноклассница Юры. Исчезла несколько дней назад. Не пришла в школу. Сперва думали, заболела. Пошли навестить. Мать говорит, уехала на целину. Юра уверен, что это не так: Таня никогда не говорила о целине.

— А почему это так вас заботит?

— Таня — мой товарищ.

— И только?

Лицо его розовеет. Кажется, этого вопроса лучше не касаться. Но он выдерживает мой взгляд.

— А чем могу быть полезен я?

— Именно вы!

Вот она — цена писательской популярности! Юра читал мои детективные повести и наивно воображает, что тот, кто пишет о разведке, сам должен быть хорошим разведчиком.

Но отказать в помощи тоже нельзя.

— Куда же все — таки она могла деться?

— Все дело в матери.

— Думаете, это мать ее услала?

— Никуда она ее не услала, но косвенная виновница — она!

О чем — то Юра умалчивает, а я не расспрашиваю. Возможно, поэтому я и узнал историю отношений Тани и Юры.

Через несколько дней меня вызвала по телефону Анна Григорьевна:

— Зайдите к нам.

В сборе вся семья. Сергей Петрович то и дело снимает очки, выглядит каким — то взъерошенным. Анна Григорьевна более сдержанна, однако и ей не по себе. Спокойнее других Евгений, хотя и у него на лице саркастически — недовольное выражение.

Юра у окна. Всматривается во что — то такое, что видно ему одному.

— Вы только подумайте! — вибрирует контральто Анны Григорьевны. — Юра не хочет держать выпускные экзамены. Собирается куда — то ехать!

— Мальчишеская блажь, — вмешивается Сергей Петрович. — Какой — то модный нигилизм

Втроем уговариваем Юру закончить школу. Евгений молчит, но, судя по его улыбочкам, держится доброжелательного нейтралитета в пользу родителей.

Внимательно рассматриваю Юру. Черты лица у него, пожалуй,

порезче, поглубей, чем у брата. Волосы темные, только что не черные. Густые брови. Карие глаза. Быстрые и влажные, как у жеребенка. Крупный прямой нос. Бледные, чуть розовые губы. Смуглые щеки. Резко очерченный подбородок. Не то чтобы очень красив, но такие парни нравятся девушкам.

— Просто неразумно бросить школу перед экзаменами, — говорю я. — Пустить насмарку десять лет

— Неблагоразумно, — иронически соглашается Юра.

— Да, неблагоприятно, — подтверждаю я. — Насколько все усложнится для вас в будущем!

— Ему открыта прямая дорога в университет, — стонет Анна Григорьевна. — У него блестящие способности

— Разум и благоразумие не одинаковые понятия, — назидательно поясняет Юра. — Благоразумие божок обывателей

Однако он постепенно позволяет себя убедить.

Анна Григорьевна облегченно вздыхает.

— Преподаватель химии прочит Юре блестящую будущность, — делится она со мною своей мечтой. — С его работой об инсектицидах знакомилась на химфаке

Сергей Петрович заключает разговор:

— Ты даешь слово?

— Ладно, — мрачно соглашается Юра. — Подчиняюсь благоразумию.

Через месяц Юра внезапно опять появляется у меня.

Июньский вечер, тепло. Но Юра в костюме. Ему хочется выглядеть старше своих лет.

— Как дела?

— Порядок.

Лезет во внутренний карман, протягивает аттестат.

— Ого! Одни
пятерки

Желтый закат льется в раскрытое окно. За стеклами шкапов светятся корешки книг. На подоконнике в глиняной обливной вазе букет сирени. Лиловые гроздья кажутся розовыми. Юра подходит к цветам, прячет в них лицо. Как ни серьезничает, а все — таки еще очень молод!

— Рассказать вам о Тане?

ВСТРЕЧА В ТРЕТЬЯКОВКЕ

Рассказывает Юра сумбурно, то излишне подробно, то скороговоркой, а чего не договаривает, я мысленно договариваю за него.

Таню он знает шесть лет. С того самого года, когда Зарубины получили новую квартиру и Юра попал в новую школу. Была самой заурядной девчонкой.

Как — то организовывали лыжную вылазку. Пригласили Таню. Не пошла.

— Мама не позволяет надолго отлучаться из дому.

— А что ты делаешь дома?

— Шью, читаю.

Юра дал ей «Жизнь взаимы». Роман Ремарка. Она вернула книгу через два дня.

— Ты это с какой целью дал мне такую книжку?

«Дура!»

Так Юра, конечно, не сказал, но подумал.

В прошлом году осенью Светлана Павловна, преподавательница литературы, задала домашнее сочинение: «Русская природа в

произведениях Левитана». Нашлись, конечно, такие, что
ограничились репродукциями. Но большинство решило пойти в
Третьяковку
Клава
Полухина, секретарь комсомольской организации, предложила
организовать экскурсию Массовое мероприятие! Но Светлана
Павловна воспротивилась:

— Не для галочки посылают вас в Третьяковку, пусть каждый
побудет с Левитаном наедине.

Пошел и Юра. Побыл наедине с Левитаном. И заодно навестил
Нестерова.

— Очень я люблю этого художника. Стою перед «Видением
отроку Варфоломею»
До
чего все необыкновенно! Сухая осень. Опаленная ветерком травка.
Обломанная елочка. За леском церковка. Два голубых куполка. Внизу
серые сараюшки. Гряды зеленой
капусты
Как надо любить
Россию, чтобы так ее написать! И стоит посреди этой России отрок.
Смотрю и не могу наглядеться. Гладкие льняные волосы, огромные
синие удивленные глаза, прямой, чуть вздернутый нос, чуть
припухлые скорбные губы, тонкая
шейка
Да за такую
девушку, с таким лицом, умереть можно!

Встал Юра перед картиной, задумался, ушел в себя.
Оборачивается и
сперва
не может даже понять. Рядом — Варфоломей.

Так заново он открыл для себя Таню. Это была Таня Сухарева,
на которую Юра никогда не обращал внимания.

— Таня, ты?

— Я.

— А ты видишь, кто перед тобой?

— Мальчик

Они вышли из Третьяковки рука об руку. Дошли до
набережной.

— Пошли в кино?

— Нет, нет

Юра не помнит, о чем они в тот раз говорили, но, когда они уже прощались, Таня вдруг широко раскрыла глаза, посмотрела так, точно увидела Юру впервые, и сказала.

— Знаешь, Юра, ты удивительный!

Они стали встречаться каждый день. Таня стеснялась подруг. Юра пораньше выходил из школы и ждал где — нибудь за углом. Скучно им не было. Они гуляли, радовались первому снегу, ходили по музеям

Однажды Юра уговорил Таню пойти в театр. Она редко бывала в театре и очень волновалась. Он повел ее на «Марию Стюарт». Юра не поклонник Шиллера, но он решил образовывать Таню. А перед этим дал прочесть Цвейга.

Когда Мария Стюарт шла на казнь, Таня судорожно вцепилась ему в руку.

— А где собака?

Цвейг рассказывает, как любимая собачка Марии Стюарт выскочила после казни из складок ее платья. Цвейг и Шиллер слились у нее в одно.

Потом ехали в метро. Потом шли пешком. Потом
Потом Потом
остановились в воротах ее дома, и Юра ее поцеловал.

Как — то Юра уговорил Таню пойти в кафе. Выбрали подальше от своего района, чтобы не попасться никому на глаза Таня была в кафе
впервые.

Юра заказал ужин. Сухое вино Тане не понравилось. Тогда Юра заказал ликер, и ликер она выпила. Уговорились вернуться пораньше, но решили потанцевать и не заметили, как прошло время. Вышли из кафе около одиннадцати.

— Ой, что мне будет!

К счастью, на углу стояли такси. Через двадцать минут Таня

была дома.

В школу она пришла с распухшим лицом. На щеке синяк, один глаз заплыл.

— Шла в темноте по коридору, сосед внезапно открыл дверь, — объяснила она.

А после уроков призналась Юре, что ее побила мать.

Мать, оказывается, не спала. Сидела в темной комнате у окна и ждала дочь. Она видела, как подъехала машина, как Таня выскочила из такси, как послала воздушный поцелуй

И как только дочь вошла в комнату, началась расправа.

— И ты молчала?

— А что мне оставалось

— А отец?

— У меня нет отца

Оказалось, Таня не знает своего отца. Он обманул ее мать и исчез еще до рождения Тани.

Мать Тани считает, что все мужчины — негодяи.

— Легче видеть тебя мертвой, — говорит она Тане, — чем обманутой каким — нибудь лоботрясом.

Мать Тани выросла в деревне.

После войны на помощь колхозу посылали студентов. Один из них и обманул Танину мать. Она была еще совсем юной девушкой. Пообещал жениться, увезти с собой, а сам исчез, едва узнал о ее беременности.

Мать уехала от пересудов в Москву. Приютила ее какая — то сердобольная бабушка Дуся, помогла даже устроиться на фабрику. Таня родилась уже в городе. Жизнь, конечно, у матери была не сахарная: работа, ребенок, да еще божья старушка, за которой тоже приходилось ухаживать, как за ребенком.

Бабушка Дуся умерла, когда Тане исполнилось восемь лет. Достались им в наследство комната и незатейливое бабкино имущество: кровать, комод и киот.

После своего признания Таня настороженно посмотрела на Юру:

— Одну тайну ты узнал

— А разве есть еще тайна?

— Есть. Я скажу. Только позже.

Юра не допытывался: рано или поздно Таня все равно с ним поделится.

По правде сказать, он не придавал ее исповеди большого значения: какое, в общем, ему дело, есть у нее отец или нет!

Потом заметил, что Таня ждет и от него рассказа о своей семье.

Он просто предложил:

— Познакомить тебя с моими предками?

— Ой, что ты!

Все же Юра зазвал ее к себе. Она согласилась зайти, когда он поклялся, что дома у него никого нет.

Показал квартиру. Мамины альбомы. Таня все удивлялась, что у Юры отдельная комната.

— Поженимся, тоже будешь здесь

Юра прервал рассказ. Точно спохватился. Я так и не понял, как далеко зашли его отношения с Таней, виноват он в чем перед ней или нет.

Парень он хороший, но избалован.

Однако заподозрить Юру в непорядочности невозможно, в нем рано проявилось чувство ответственности, он был хозяином своего

слова.

ССОРА

Юра помолчал и перешел к событиям, которые и привели его ко мне.

Как ни боялась Таня матери, она согласилась встречать Новый год вместе с Юрой. На школьный бал Таню мать не могла не пустить. А оттуда легко сбежать к Зарубиным.

Юра принялся выяснять, где встречают Новый год родители. Обычно они куда — нибудь уезжали. Закинул удочку: как посмотрят, если у него соберется небольшая компания? Возражений не встретилось. Все было на мази. И вдруг Таня объявляет, что никуда не пойдет: не пускает мать.

— Вина у нас не бывает, но я куплю лимонада и мысленно чокнусь с тобой в двенадцать часов

А тут сюрприз от родителей: они перерешили, надо кого — то пригласить, удобнее дома

— Ты зови своих приятелей, мы тебя не стесним.

Но какое уж тут веселье под контролем папы и мамы!

Все отменяется. Но Юра не огорчился. Таня Новый год не встречает, и он не будет. Так он ей и сказал.

Зато Витька Куценко устроил Юре сцену.

— Приходите, но будут папа и мама

Через день Витька заявляет:

— Встречаем у меня на даче. Я уже объявил родителям, что организуем лыжную вылазку

Отец Витьки — генерал, у них шикарная дача, но зимой они там не живут. Надо поехать, заранее натопить, все подготовить

Юра отказался:

— Нет настроения

На него набросились:

— Сам затеял, а теперь в
кусты

Вечером под Новый год, Витька предусмотрительно заехал за Юрой:

— Собирайся.

Не отступишь!

На даче целое общество. Несколько одноклассников Юры и еще какие — то парни из дома, где живет Витька. Из девочек только Нелька и Светка из их класса.

— Представляю, что будет, если я приду домой пьяным. Меня принялись бы воспитывать с утра до вечера. Отец читал бы лекции, ссылаясь на моральный кодекс, грозил вмешательством комсомола. Мать приводила бы дурные примеры из жизни художников

А Витька не раз приходил домой пьяным и хоть бы что. Не знаю, как Витькин отец командовал на фронте, но перед Витькой он все время в обороне.

Сели. Шум. Радиола. Витька во главе стола.

— Прошу не
церемониться
чего: водки или коньяку?

Юра, тебе

— Я не буду пить.

— Нелька, расшевели его!

В школе ее всем ставят в пример, а тут — губы намазаны, ресницы покрашены, нога на ногу, коленка блестит, как бронзовый пяточок

— Юра, водки или коньяку?

И — чмок!

— Прекрати.

— Что ты нашел в этой несчастной Таньке?

— Прекрати.

— Медуза какая — то.

— Прекрати, тебе говорят!

Насели на меня, выпил я рюмку.

— Потанцуем!

Пригасили свет.

— Юрочка

— Это

Нелька. — Пойдем?

Я пошел. Танцую я прилично. Мама считает, что современный мужчина должен уметь танцевать, и я танцую иногда с мамой, когда бываю с ней на каких — нибудь вечерах. Но тут

— Ты что это делаешь? — говорю Нельке. — Убери ногу

— Дурачок

Я взял ее за руку, подвел к дивану.

— Сиди!

— Юрочка, ты чересчур целомудрен

Юре стало противно. Не должен он был встречать Новый год, если Таня не может. Встал. Кто танцует, кто закусывает. Радиола гремит. Вышел в холл. Так Витька называет прихожую. Оделся. Витька вслед: «Ты куда?» — «В уборную». И — ушел. На станцию. Мимо запыленных снегом дач. Кое — где горит свет. Доносится музыка. А Юра рад, что ушел

Все долгие дни каникул Юра не видел Таню. А когда в первый

день занятий подошел к ней — убежала. Дождь у выхода.

— Таня!

— Нам не о чем говорить.

И так изо дня в день. Избегает. Решительно избегает. В конце концов у Юры тоже самолюбие

Учится Таня все хуже. Не по себе ей. Восковая стала какая — то.

Светлана Павловна тоже пробовала с ней говорить.

— Нет, ничего, Светлана Павловна. Ничего со мной не творится. Хорошо, я мобилизуюсь.

Юра ее еще раз подстерег:

— Таня!

— Нам не о чем
говорить

Какая — то обреченность слышалась в ее
голосе

Видел, как она переживает, но чего — то я
недопонял

День от дня она все заметнее сторонилась людей. И вдруг
исчезла. Случилось это в апреле. Не пришла в школу. День, другой,
третий Решили, что
заболела. Прошла неделя. Тани нет.

Юра к Полухиной:

— Клава, надо
узнать

— Больна.

— Сходи или пошли девочек.

Сходила.

— Ты знаешь, уехала на целину.

— Перед самыми экзаменами?

— И я не понимаю.

— Адрес спросила?

— Мать говорит, не знает.

В классе только и разговоров о Тане. Уехала перед самыми экзаменами!

А тут подходит к Юре Майка, подруга Нельки:

— Мне надо тебе что — то
сказать

Вышли из школы. Майка улыбается:

— Это из — за тебя.

— Что?

— Танька уехала.

— Почему из — за меня?

— После встречи Нового года Нелька нарочно зашла к Таньке.
«Не поехала встречать Новый год? Вот и потеряла Юрку! Он мне там
в любви объяснился » В
общем, раскрыла Тане глаза.

На следующий день Юра говорит Нельке:

— Ты что наделала?

— Выдала желаемое за действительное!

ПОИСКИ

Юра не помнил номера дома, не знал номера квартиры, но самый дом знал хорошо. Старый двухэтажный дом. Первый этаж. Соседи Сухаревых по квартире — какая — то санитарка да инженер с женой, которые приходят только ночевать.

Пошел под вечер. Позвонил. Дверь открыла простоволосая тетка с желтым одутловатым лицом. Юра сразу подумал: вряд ли у них найдутся точки соприкосновения.

— Мне маму Тани
Сухаревой.

— Стучите налево.

Оказывается, соседка.

Налево так налево. Постучал.

— Заходите.

Вот где обитала Таня! Скромно обставленная комната. За шитьем у окна женщина. Вот какая у нее мать! Нестарая. Даже красивая. Две косы вокруг головы. Темно — русые, без малейшей седины. Большелобая. Холодные голубые глаза. На щеках легкий румянец. Бледные губы
Не похожа на Таню. И чем — то
похожа Белая блузка,
темная юбка, тупоносые туфли на низком
каблуке Ничего не
осталось от деревенской девушки, какой она когда — то появилась в
Москве.

Вопросительный неласковый взгляд.

— Здравствуйте. Я
товарищ Тани. Мы учимся в одном классе. Мы хотим
знать В смысле — ее
товарищи. Она так неожиданно уехала. Мы хотим узнать ее адрес.

А Танина мать молчит. Откладывает шитье в сторону. Встает. Сцепила спереди руки. Мало сказать, что взгляд ее недружелюбен. Она не произнесла еще ни слова, но Юра понимает, что она знает кто он, знает все.

— Это вы тогда привезли Таню на такси? Напоили пьяной и привезли?

— Я не напаивал

— Так вот, молодой человек, Таня уехала, и незачем вам больше сюда ходить.

Все — таки Юра пытается что — то сказать:

— Тане необходимо закончить школу.
Понимаете? Комсомольская организация поручила мне

А мать свое:

— Хватит! Каждый день

— Что каждый день?

— Начала пропадать. И утром. И вечером

— Да не бывала она у меня!

— Врете! Лопнуло мое терпение. Я так ей и сказала: пойду в школу и все расскажу!

— Что?

— Про ваши отношения!

— И после этого Таня уехала? Значит, это ваша вина?

И тут же понял, что ответа он не дождется. Вот — вот она заплачет, закричит, и Юра услышит такое, после чего никогда уже не сможет заговорить с этой женщиной

Он не помнит, как очутился за дверью.

Тетка с желтым лицом дежурила в коридоре. Она участливо посмотрела на Юру.

— Прогнала?

Тот кивнул.

— Не обижайся, — утешила она его. — Марья Ивановна не в себе

Зашаркала к двери напротив, потянула юношу за рукав.

— Тебя как зовут?

— Юрий

— Зайди, милоч

В комнате теснее тесного, мебели немного — кровать, стол да рыночный буфет, но вся комната загромождена разным хламом, всякими ящиками, картонками, футлярами из — под загадочных допотопных вещей.

— Заходи, заходи, голубь. Юрой, говоришь, звать
Прасковьей Семеновной. Садись. Так, так. А меня

На стуле тоже какие — то коробки из — под конфет. Юра присел на краешек.

— Серчает? — спросила Прасковья Семеновна, подразумевая Марию Ивановну. — Точила, точила дочь, вот и дождалась. Танюшка матери пуще огня боялась. Слова ни с кем не скажи. Она и не говорила с матерью. Со мной, с соседкой, говорила больше

— А не говорила, куда собирается? — с замиранием сердца спросил Юра.

— Как не говорила! — невозмутимо ответила его собеседница. — Всеми переживаньями делилась, даже письмо оставила.

— А мне нельзя посмотреть?

— Да оно тебе и написано

— Мне? Вы же не знаете меня

— Танюшка разъяснила. Говорит, обязательно придет. Юрой зовут. Начнет допытываться, ты и отдай

— Так давайте

— Сейчас, сейчас,
голубь

Из — под старинной ореховой шкатулки вытянула письмо.

Юра нетерпеливо надорвал конверт.

«Юра, я думаю, ты будешь меня искать. Только все бесполезно. Ни ты, ни мама не хотите меня понять. Я решила уехать. Не ищи меня, это тайна. Мы больше не встретимся, но ты помни обо мне. Мне будет легче при мысли, что ты хранишь меня в своей памяти. Прощай»

Т И неровное, недописанное

У Юры защемило сердце.

Старуха участливо смотрела на гостя.

— Оставила адресок?

Юра отрицательно покачал головой.

— Сильно, видать, обидел. Разуверилась в тебе

— Да не обижал я

Слабая улыбка тронула старушечьи губы.

— Ты от меня не таись, я Танюшке вместо второй матери

Сама Прасковья Семеновна не собиралась таиться перед Юрой.

— Как же это ты, соколик, променял Танюшку на какую — то вертихвостку? — попрекнула старуха юношу. — Мне все известно: и как под Новый год гулять собирались, и как расстроилось все, и как подался ты с какой — то генеральской дочкой на всю ночь на дачу У девки сразу руки опустились. Я ей говорю: никто, кроме бога, не поможет, помолись, он к тебе и вернется. Повела ее к отцу Николаю, это духовник мой. Пошла. Только не нашел он ключа к ее сердцу

Юра отлично понимал: то, что имело значение для Прасковьи Семеновны, не имело значения для Тани — комсомолке искать утешение у бога!

— В сильном была расстройстве, — продолжала старуха. — Поехала я на пасху на могилку к мужу. И Танюшка со мной. От скуки, от печали поехала. Познакомилась там с одной женщиной. Не знаю уж, чем та ее приманила, только зачастила к ней Таня. Она и сманила

Юра — весь внимание:

— Что за женщина?

— Да на кладбище, на кладбище, говорю, познакомились. Зинаидой Васильевной звать, других — то подробностей я не знаю

— А почему, думаете, она сманила?

— А как же! Перед самым отъездом Танюшка с Зинаидой Васильевной домой зашла. И вышли вместе. Забежала ко мне попрощаться, отдает письмо, говорит: «Обязательно придет, Юрой звать, будет мной интересоваться». — «Куда ж ты?» — «В Бескудниково, говорит, пока в Бескудниково». Врать она никогда не умела

Сама Таня ни разу не упоминала перед Юрой ни о какой Зинаиде Васильевне. Вновь и вновь расспрашивал Юра старуху, но та выложила все, что знала. Ясно одно: Таню куда — то заманили, прельстили чем — то
«Не ищи меня, мы больше не встретимся!»

Юра обещал окончить школу не потому, что решил отложить поиски Тани, а потому, что ему пришла мысль обнаружить ее местонахождение более верным способом. Не обязательно самому ехать по совхозам Целинного края. Пришлось бы года два странствовать!

Он поговорил с Клавой Полухиной, и они вместе пошли к директору школы.

— Алевтина Евгеньевна! — торжественно заявила Клава. — Нас тревожит судьба Тани Сухаревой. Тем более что она даже не снялась с учета. Мать говорит, уехала на целину, но адреса, говорит, не

оставила. Мы хотим узнать, где она.

— И как же вы хотите поступить?

Тут выступил Юра:

— Достанем адреса всех целинных совхозов и разошлем запрос, не прибыла ли к ним комсомолка Таня Сухарева.

— А кто будет писать?

— Я!

— Ну, не только ты, — вмешалась Клава, — девочки тоже помогут.

Алевтина Евгеньевна согласилась. Она даже предложила, чтобы запросы рассылались от имени школы.

Чтобы все было совсем официально.

Адреса совхозов достали без труда, и не прошло недели, как письма полетели во все концы Целинного края.

Ответы пришли ко дню окончания школы. Как Юра и предполагал, ни в одном из совхозов Таня не появлялась.

Юра снова пошел к Таниной маме. Опять дверь открыла соседка, опять услышал настороженное «войдите»
На этот раз Мария Ивановна стояла у комода, не то перебирала белье, не то что — то рассматривала. Узнала Юру сразу, побледнела.

— Что еще?

Но Юре важно найти хоть какой — то след

— Ведь это вы
по
вашей вине пропала Таня. Хотели выставить на всеобщее посмешище, испугались

— Никуда она не пропала! — зло, резко говорит Мария Ивановна. — Вот что, молодой человек. Или вы слишком перед ней виноваты, или, извините, просто дурак. Уехала! Понятно? Если из — за вас, значит, вы ее так обидели, что видеть вас не может, а если не

из — за вас, значит, вы ей неинтересны. Если бы даже знала, все равно не дала бы адрес

Спорить? У его собеседницы дрожат губы. Вздвигает себя вроде его мамы

— Школа запрашивала. Нет ее на целине!

— Как? Я заявляла в милицию. Мне определенно сказали: скорее всего, на целине. Сейчас много девчат едет на новостройки, на целину. Так и сказали: взрослая уже, самостоятельная. Будь подросток, сразу бы нашли. Не преступница. Не тунеядка. Обещали поискать. Но если искать всех, кто едет на целину

— Марья Ивановна, давайте поговорим. Накричать на меня вы успеете. Если бы речь шла о моих отношениях с Таней, я бы вас не тревожил. Ничего у нас с Таней не было, вы должны знать свою дочь. Если ее подозревать, значит, нет на свете хороших девушек. Беда в другом: слишком доверчива. К ней змея подползет, а она все в небо будет смотреть, не оторвет глаз от звезд

Мария Ивановна прислушивается. К Юре. К своему внутреннему голосу. Обманщик не пришел бы сюда
И вдруг ее точно прорвало. Оттолкнула стул, достала из комода коробку из — под конфет, высыпала фотографии.

— Вот Танечка, когда в детский садик пошла, вот в школу, вот в пионерской форме
Руки дрожат, губы дрожат
Таня, больше никого. Вся жизнь ее в Тане. — А вот
Одна Таня, только

Протягивает Юре клочок бумаги.

«Дорогая мама! Мне очень тяжело, ты мне не веришь, и мне не с кем посоветоваться. Я решила уехать на целину, так будет лучше. Не ищи меня и никому ничего не говори. Обо мне не беспокойся, я все обдумала, мне плохо не будет. Не сердись. Целую. Прости».

Таня пишет правду, и в то же время все в этой записке ложь.

— Мы учились вместе. Дружили. Только не думайте плохо.

Потом Тане показалось, что я изменил дружбе. И
вот Она не на целине!

— Что же делать?

— Искать.

— В милиции
сказали

— Милиция милицией, но и я буду.

— А где?

— Вы должны
помочь

Увы, Мария Ивановна не знает ничего.

— В последнее время она все куда-то уходила. Думала — к
вам — Вся ее надежда
теперь на этого парня. — Куда?

— Вот это и надо узнать!

ДЕТЕКТИВЫ

Приключенческие книжки Юра почитывал, но что придется воспользоваться детективной литературой как практическим руководством, это ему в голову никогда не приходило.

В бесчисленном сонме сыщиков пальму первенства Юра отдавал мистеру Холмсу. Из всех приключенческих книг только Конан Доил у него и сохранился. На этот раз Холмс понадобился Юре по утилитарным соображениям. Этот английский детектив умел рассуждать, и его умозаключения неизбежно приводили к цели.

Но одному Юре, пожалуй, не справиться. Он мысленно перебрал своих товарищей. Какими качествами должен обладать человек, годящийся на роль доктора Ватсона? Прежде всего он должен быть настоящим другом. Не болтать языком, не оставить в беде, поделиться

последним

Таким
требованиям отвечал Петька! Петя Торцов. Не в пример Юре, он дальше учиться не собирался. Хотел пойти работать еще после восьмого класса. Не позволила мать: очень ей хотелось, чтобы Петя

получил среднее образование. Но сам он решил притормозить. «Надо дать передохнуть маме»
Его отец вернулся после войны с тяжелой контузией, долго болел и вот уже лет десять как умер. Мать осталась с тремя сыновьями на руках. Петя — старший. Работала телеграфисткой, оклад не ахти какой. Петя неизменно твердил: «Оканчиваю школу и поступаю на завод, а дальше посмотрим»

Юра поделился с Петей своими планами.

— Не всякая тайна стоит усилий, затраченных на ее разгадывание, — рассудительно заметил Петя.

— Но эту тайну я должен раскрыть, — возразил Юра. — Ты поможешь мне?

— Спрашиваешь!

Отвлеченные понятия вызывают иногда споры, но в бою друзья всегда плечом к плечу.

Юра считал, что для начала требовалось еще раз как можно обстоятельнее расспросить Прасковью Семеновну о неведомой Зинаиде Васильевне.

— Заходи, заходи, сынок, — обрадовалась старуха.

Юра пристроился между шкатулок и приступил к допросу.

Зинаида Васильевна. Какая она? Как встретились? Как часто бывала у нее Таня?

Увы, Прасковья Семеновна мало что могла сказать. Познакомились на кладбище. Прасковья Семеновна пришла на могилку к мужу, и та пришла. Тоже к мужу. Потом вместе ехали с кладбища. Ни фамилии, ни адреса кладбищенской знакомой Прасковья Семеновна не знала.

Таня бывала у нее. Не один раз. Сама говорила. Как — то ездила с Зинаидой Васильевной в Бескудниково

— А что в Бескудникове?

— Не говорила.

— А как найти Зинаиду Васильевну?

— Не знаю.

Круг замыкался. Чтобы найти Таню, нужно найти Зинаиду Васильевну. А как? Ни адреса, ни фамилии. Никаких следов.

— Да ты не тревожься, — утешила Прасковья Семеновна. — Наберись терпенья. Девка молодая, не стерпит, вернется.

И вдруг Юру осенило:

— На кладбище, говорите, встретились? А когда туда опять?

— Теперь не скоро.

Юра уговорил Прасковью Семеновну поехать на кладбище:

— Больше двух, от силы трех часов не потеряете.

— Да это, милоч, на весь день! Одних пересадок

— Уж поверьте мне

Юра приехал за ней на такси. Та даже растерялась:

— Отродясь в таких экипажах не ездила

Пересекли Москву. По дороге заехали в цветочный магазин, купили цветов.

На кладбище народу, как на бульваре. Воскресенье!

— Вон он где, Архип Петрович мой, покоится.

Прасковья Семеновна посадила цветы, принялась пропалывать травку.

— А где могила мужа Зинаиды Васильевны?

— Да, господи, вот же!

— Не ошибаетесь?

— Я, соколик, тверезая.

— Эта?

— Кажись
эта.

Али вот

— Какая же?

— Либо та, либо эта.

— А может, не та и не эта?

— Как можно! Она тут стояла.

— Так эта или та?

Юра заглянул через оградку. Деревянный крест, окрашенный голубой масляной краской. «Федор Лукич Щеточкин, родился 17 апреля 1906 г., скончался 3 декабря 1953 г., жития его было 47 лет. Спи спокойно, незабвенный супруг!» Но супруг ли он Зинаиде Васильевне? За другой оградкой крест поплоче. «Михаил Иванович Валков. Род. 17.X.1911, сконч. 6.V.1946». Может, Валков?

На обратном пути Юра осведомился еще раз:

— Сколько лет вашей Зинаиде Васильевне?

— Лет сорок — сорок
пять

Проводив Прасковью Семеновну, Юра кинулся к ближайшему киоску Мосгорсправки! Адрес! Зинаиды Васильевны Щеточкиной и Зинаиды Васильевны Валковой!

Он не был уверен, что фамилия Зинаиды Васильевны Щеточкина или Валкова, но, если один из покойников приходился ей мужем, почему бы ей не носить его фамилию?

Через час Юра получил адреса. Зинаида Васильевна Валкова вообще не проживала в Москве, зато обнаружились две Зинаиды Васильевны Щеточкины: одна 1924 года рождения, другая 1918 — го.

Сперва Юра отправился к той, что помоложе. Позвонил.

— Зинаиду
Васильевну

Появилась дама в шелковом стеганом халате. Что — то не то!
Юра вдохновенно соврал:

— Зинаида Васильевна Щеточкина? Мне сказали, у вас
продается пианино

Дама изогнула брови пиявками:

— Мне незачем его продавать!

Тогда Юра отправился в Замоскворечье, к той, что постарше.

Старый дом с мезонином. Со всех сторон лестницы,
пристроечки. Никогда не подумаешь, что в таком невзрачном доме
так много квартир. Каждая клетушка превращена в квартиру, из
всякой комнаты отдельный ход.

Юра не знал, что соврет в этот раз, но врать не пришлось — к
Щеточкиной он так и не достучался.

Решил дождаться ее. Гулял возле дома, ходил вверх и вниз по
лестнице, скучал и
дождался.

К двери подошла женщина, зазвякала ключами. Шесть часов.
Вероятно, вернулась с работы. Три замка открыла, один за другим.
Оберегает себя!

Юра запомнил ничем не примечательное лицо. Бледные узкие
губы, голубые глаза. Теперь, где бы ни встретил, сразу узнает.

Дня три приходил Юра к ее квартире, и всякий раз Щеточкина
аккуратно около шести возвращалась домой.

На четвертый упросил Прасковью Семеновну пойти вместе.
«Вы только постоите со мной, этим вы поможете Тане». Прасковья
Семеновна после прогулки в такси не могла не уважить Юру.

Они стали на противоположном тротуаре.

— Посмотрите на другую сторону. Видите женщину? Она?

— Она, она, — закивала Прасковья Семеновна.

— Пойти спросить?

— Чего спросить?

— Да про Танюшку.

— Ни в коем случае

Так Юра нашел Зинаиду Васильевну Щеточкину.

Не один раз приходил Юра к дому, где жила Щеточкина. И один, и вместе с Петей. Видел, как она появлялась и исчезала. Никто к ней не приходил, жила она нелюдимо, продуктов приносила самую малость, одной мало
Юра
уверился, что у Щеточкиной никто не живет.

Однообразно она жила. Петька без труда установил место ее работы. Проводил как — то утром до чулочной фабрики и встретил по окончании рабочего дня. В кино не бывала, по гостям не ходила, только на работу и с работы, почти все время дома, лишь изредка выбежит зачем — нибудь в магазин.

Предстояло узнать, куда и зачем ездила она с Таней в Бескудниково.

— Как бы ее туда спровадить? — с досадой говорил Петя. — Что придумать?

— Есть! — сказал ему Юра. — В следующее воскресенье поедет.

Он точно прохронометрировал рабочий день Щеточкиной. Выписывала она «Московскую правду». На двери ее квартиры висел ящик «Для писем и газет». Газету приносили после ее ухода на работу, при втором обходе почтальон разносил письма. Щеточкина доставала свою корреспонденцию по возвращении с работы.

Юра опустил открытку утром в пятницу: адрес и всего одна фраза — «Вам необходимо срочно заехать в Бескудниково». Мальчики не были уверены, что фокус удастся, но другого придумать не смогли. Для полной достоверности Юра не поленился съездить и отправить открытку из Бескудникова.

В ящик «Для писем» открытка попала в субботу и вечером

очутилась в руках Щеточкиной.

Не исключено было, что она поедет в Бескудниково немедленно. Мальчики прогуливались перед ее домом до одиннадцати. Но свет в окне погас, Щеточкина не показалась, и детективы разошлись по домам.

Утром они появились под окном своей Джульетты чуть свет, сама она вышла лишь в десятом часу и прямым ходом
направилась в
Бескудниково!

Так мальчики узнали второй адрес.

Они почти не прятались, два парня, увлеченные оживленным разговором. В Бескудникове даже опередили Щеточкину, первыми свернули в Садовый переулок.

Домишки в переулке прячутся в палисадниках, во дворы ведут калитки, за воротами лают псы. Переулок кажется перенесенным в Москву из допотопной провинциальной России.

Щеточкина подошла к одной из калиток, подергала звонок, ответила кому — то за забором и скрылась за калиткой.

Вскоре вышла обратно, лицо ее выражало растерянность, что — то пробормотала и торопливо пошла обратно.

— Злая, — заметил Петя.

— Не ждали, — усмехнулся Юра. — Идет и гадает, откуда взялась открытка.

— Не догадается?

— Откуда ей!

Мальчики не пошли ее провожать.

ХИТРЫЙ ДОМИК

С этого дня они перебазировались в Бескудниково.

Поблизости от дома находиться нельзя: свирепый боксер лаял до тех пор, пока не появлялся хозяин, пожилой мужчина в сером люстриновом пиджачке. Он выходил из — за калитки в переулок и

пытливо смотрел по сторонам. Мальчики прибегли к камуфляжу, улеглись поодаль у чьего — то забора на травке, закинули руки за головы, устремили мечтательные взоры в голубое небо, и человек в пиджачке почти не обратил на них внимания.

На следующий день Юра и Петя слегка изменили маскировку: захватили колоду карт, пустую поллитровку, бутылку положили в траву, сами принялись перекидываться в карты.

Человек, выйдя из дома, заметил их, но не сказал ничего. На третий день он к ним подошел:

— Вы чего тут, ребята?

— Играем! — Петя кивнул на Юру. — Пол — литра уже есть.

— А с чего забрели в наш переулок?

— Тихо, — объяснил Юра. — Милиция не заглядывает.

— Хотите приманить? — Мы аккуратно!

— Сами — то откуда?

— Со стройки. Отдохнем, а к концу смены обратно.

— Нашли бы местечко получше!

— Нам и здесь неплохо.

— Знаете что, дам на пол — литра, только идите отсюда, не нарушайте тишину.

Они взяли на пол — литра, ушли, а на следующий день появились опять.

Человек в пиджачке подошел уже с претензией:

— Как же так? Взяли на пол — литра — и пришли?

— Так мы за вчера взяли, за сегодня уговора не было.

— Не каждый день давать!

— А почему не каждый?

Человек в пиджачке рассердился:

— Вот вызову милицию!

Юра вежливо приподнялся:

— Сходить?

— Тьфу!

Человек ушел.

В его домик нет — нет да и наведывались гости. Все больше мужчины. В добротных пальто, в синтетических модных плащах. Заскакивали в переулок, озирались, звонили, стремительно исчезали за калиткой. Иногда подъезжали на такси. Иногда выгружали какие — то свертки. Расплачивались, отпускали машину и лишь после этого дергали звонок.

Юра вел регистрацию посещениям. Очень уж настороженно вели себя эти люди. «Пятница. 11. 38 — два человека; 14. 30 — трое, на такси; 16. 25 — один». Юра записывал время, количество посетителей, записывал даже номера такси.

Однако толку от этих наблюдений было мало.

Прийти к какому — нибудь определенному заключению мальчики не могли.

— Что — то здесь
нечисто

— Махнем сюда к вечеру? — предложил Юра.

— А что вечером?

— Может, что увидим. Для чего — то приходят
люди

У него возникло подозрение. Самое нехорошее, какое только могло возникнуть.

Но Петя вел себя как доподлинный друг, он не залезал в душу к Юре, не пытался его расспрашивать.

Все в Бескудникове выглядело ночью иначе, чем днем. Садовый

переулок совсем погрузился в прошлый век, стал еще провинциальнее, еще нелюдимее. Каждый дом превратился в загадку. Два фонаря на весь переулок. Ночные тени ползут из — под любой подворотни

Вот и особнячок, принимающий подозрительных гостей. Тишина возле него еще гуще, никакого движения. В окнах свет, только окна плотно зашторены.

Однако чуть подошли к палисаднику, лай взорвал тишину. Пес так и залился
раскалывается! Небо

Мальчишки ретировались.

— Что делать? — огорчился Петя. — Взбудоражит весь переулок!

— Думаешь, зря держат? — Юра достал деньги. — Быстро. В ближайший магазин. Два кило самой дешевой колбасы.

— Подкуп?

Петя проявил удивительную оперативность.

— Отсутствовал тридцать семь минут шестнадцать секунд. А вот и колбаса. Ливерная. Дешевле не было.

— Нарезь. Рывок к воротам и по куску через забор. Тихо — жди, залает — кусок. Покуда хватит.

Вернулись к дому. Петя к воротам. Юра в палисадник. Тишина. Два окна закрыты изнутри ставнями, три плотно завешены. За окнами что — то гудит. Радио? Проигрыватель? Что — то монотонное. В одном из окон занавеска чуть разошлась. Кто — то стоит. Мужчина. Женщина. И еще женщина. Лиц не видно.

Но
Что — то знакомое.
Терракотовое платье. Юра фантазирует. Уверен, что фантазирует. Терракотовое платье есть у Тани. Тягучая какая — то музыка. Юра слышал запись джаза Армстронга. Очень похоже

Вспомнились какие — то романы.

Кино
Притон? Тайный притон! Только как могла попасть сюда Таня! Обманули? Завлекли? Заманили? Он не верил своим глазам, хотя увидел — то он всего лишь

край платья. Сердце его разрывалось. Разбить окно? Вломиться в дом? Бессмысленное предприятие! Двое против
Дюма двое сражаются против двадцати!

Это только у

Юра не боится. Петя тоже не отступит. Но если с Петей что случится

Юра не знал, долго ли стоял под окном. Тишина взорвалась заполошным лаем

Петя перегнулся в палисадник.

— Бежим!

Самое время! Отбежали в темень, подальше. Брякнула щеколда, открылась калитка, кто — то выглянул в переулок.

— Всю колбасу сожрал, — тихо пожаловался Петя. — И никакой благодарности!

— Понимаешь, там притон!

— Какой притон?

— Ты что, не бываешь в кино? «Парижские тайны» видел? Пьют, играют в карты

— А при чем тут Таня?

— И женщины!

— Таня — то при чем?

— Заманили и не выпускают. Трудно, думаешь? В этом вопросе она дура дурой. А потом принуждают

— А милиция?

— Милиция на то и существует, чтобы такое не допускать. Но преступники — то действуют тайно. Ты что в самом деле? Мы же проходили обществоведение.

— При чем тут обществоведение?

— А «родимые пятна»?

Короче, «Ватсон» спрашивал, а «Холмс» разъяснял.

Следовало что — то предпринять. Самим им не попасть в хитрый домик. Порешили уловить момент и просигнализировать милиции. Может, все — таки удастся что — нибудь выяснить.

В следующее воскресенье мальчики залегли подальше, чтобы не бросаться в глаза. Юра захватил театральный бинокль. Позаботились и о декоративном оформлении позиции: поставили бутылку из — под водки, наполненную водой, разбросали по траве карты, развалились в непринужденных позах.

Хозяин хитрого домика привык как будто к их присутствию — очень уж открыто вели себя эти два парня, соглядатаи так себя не ведут.

Юра чувствовал себя настороже, говорил Пете:

— У меня предчувствие, сегодня что — то произойдет.

Вскоре появилась их старая знакомая Щеточкина. Подошла к домику, позвонила, пока ждала, извлекла из — под кофточки конверт, скрылась за калиткой. Вслед за ней подъехало такси с двумя пассажирами. Те принялись вытаскивать из багажника сверток за свертком. Юра насчитал семь свертков, Петя — восемь. Такси уехало, посетители исчезли в доме. Спустя полчаса подъехала еще зеленая «Волга» с тремя седоками. Они тоже вошли в дом, оставив машину на улице.

— Пирушка, — сказал Юра. — Бегу! А ты — во все глаза

Он рысью помчался в отделение милиции.

В кабинете старший лейтенант и майор милиции играли в шахматы.

— Дежурный?

— Ну я, — не спеша ответил лейтенант. — Что случилось?

Юра сказал, что в одной из московских школ вот уже несколько недель, как пропала девушка. Комсомольцы решили ее найти. В

частности, поисками занимаются он, Юрий Зарубин, и его товарищ, Торцов. Они полагают, что девушку заманили в тайный притон, и притон этот находится не так уж далеко от милиции — Садовый переулок, дом номер четыре!

— С чего это вы взяли, что там притон?

— Да мы уже целую неделю следим!

— Смотри, какие сыщики! Откуда ж у вас такое мнение?

— Джаз, танцы и
Сами понимаете!

— Джаз и танцы не возбраняются.

— Поверьте, там это
носит иной характер. То
и дело заходят какие — то люди, привозят свертки,
увозят

— Свертки? — Это уже спросил майор, он заметно оживился, услышав о свертках. — Ну — ну, расскажите — ка!

Юра предъявил свои записи.

Майор оказался начальником отделения. Он с интересом листал блокнот.

— Замечочки — то, оказывается, дельные, — сказал он лейтенанту. — Не прозевать бы! Давай организуй.

Лейтенант встрепенулся.

— Ну — ка, ну — ка, — обратился начальник опять к Юре. — Кто там сейчас?

Юра повторил.

— Вот что, — сказал начальник. — Спасибо за сообщение, мы сейчас отправимся, может, и дельное что. А вас попрошу обязательно заглянуть завтра.

Юру они с собой не приглашали.

— Если найдете там

девушку

— Какая там девушка! — усмехнулся майор. — Нас не девушки интересуют, а свертки

Сперва не придали значения словам Юры и вдруг немедленно собрались, только Юра их и видел!

Он вышел за ними — милиционеров и след простыл: умчались на машине.

Юра зашагал обратно. Петя находился на прежнем месте. Встревоженный и подобранный. Карты и бутылка отсутствовали, он их куда — то убрал.

— Там милиция!

— Знаю.

— А что нам делать?

— Подождем. Посмотрим, чем кончится.

Но ждать не пришлось.

— Гляди, гляди!

Петя стремительно толкнул Юру.

Калитка закрыта, милиционеры ее предусмотрительно заперли, но в заборе, оказывается, есть еще калитка. Из темной щели вынырнули какие — то люди

Четверо! Двое мужчин и две женщины. Они шли, явно стремясь скорей выбраться из переулка.

— Глядя!

— Постой, постой
но ведь это же Таня!
Конечно, Таня! Петро, будь здесь, скажешь милиции. А я побегу!

Юра побежал, но беглецы тоже не медлили. Еще минута, и они скроются.

— Таня! Таня!

Юра закричал изо всех сил, отчаянно, на весь переулок. Беглецы, однако, не обернулись, они и впрямь бежали.

— Таня!

И вдруг она обернулась. Остановилась на мгновение, посмотрела на Юру, приложила палец к губам
и скрылась за углом.

— Стойте!

Не должны беглецы
уйти

Юра добежал до угла, налетел на какого — то типа, и тот схватил Юру за руку.

Юра рванулся, но не так просто вырваться из железных тисков.

— Не спеши, молодой человек.

Так и есть, это один из тех, кто сопровождал Таню!

— Вы ответите

— Тихо

Правая рука скована, Юра хотел ударить левой — он занимался боксом, — но противник выкрутил ему слегка правую.

Юра охнул.

— Ничего, молодой человек.

Гнусный тип: лоб в залысинах, голубые леденцы глаз, щеки в красных прожилках, черная борода щекочет Юре лицо.

С ним не справиться, однако незнакомец не бьет, только держит.

Юра кричит, угрожает, незнакомец лишь сопит, точно Юра обращается не к нему.

Потом отпускает Юру. Нигде уже никого. Чернобородый тоже уходит.

— Не торопись, парень, а то недолго и до греха, — бормочет он на ходу.

Петя нервно топчется на посту.

— Ну что?

— Ничего.

— Милиционеры не выходили?

— Нет.

Мальчики дождались, когда из дома вывели нескольких мужчин. Юра по привычке пересчитал: пятеро. Хозяина дома среди них нет.

Задержанных повели к машине.

Юра кинулся к лейтенанту:

— Здесь не все!

Тот снисходительно улыбнулся.

— Главные здесь

Задержанных увезли, делать больше нечего, и мальчики отправились на станцию.

— Я бы догнал, если бы не этот тип

— Таня видела тебя?

— Да. Но как — то она странно себя ведет

Дошли до станции, дождались поезда, вошли в вагон.

Внезапно Петя прильнул к окну:

— Гляди! — На перрон поднималась Зинаида Васильевна. — Почему ее не задержали?

Юра вдруг хлопнул себя по лбу:

— Понял! Таня загипнотизирована. Отчего бы ей не поговорить со мной? Преступники держат ее под гипнозом!

НАРУЖНОЕ НАБЛЮДЕНИЕ

Анна Григорьевна неодобрительно взглянула на сына:

— Куда это?

— В милицию.

— Надеюсь, ты ничего не совершил?

— Не совершил.

— А зачем в милицию?

— Дела.

— Скажи, пожалуйста, чем это ты в последнее время занимаешься?

— Играю в Шерлока Холмса.

— Неужели вступил в добровольную дружину? Этого еще не доставало! Лучше бы готовился к экзаменам.

В отделении Юре беспрепятственно пропустили к начальнику.

— Вот хорошо. — Майор даже привстал. — Вы оказали нам большую услугу.

Он дружески пожал Юре руку.

— Но задержали ведь не всех?

— Были там случайные люди. Но главные — у нас.

— А девушка?

— Девушку я что — то не заметил.

— Я сам видел! Ту самую Таню Сухареву, которую мы ищем. Несколько человек ускользнули, удрали запасным ходом. Я бросился

догонять, да какой — то тип преградил мне дорогу

— Если они имеют отношение к делу, найдем.

— Что же там обнаружено?

— Тайная база спекулянтов.

— Какое же отношение имеет к этому делу Сухарева?

— Этого я не знаю

Майор щадил своего собеседника.

— Там был притон, в который заманивали девушек!

Майор пожал плечами:

— Не думаю. Собирались и выпивали? Возможно. Но — притон
Такие люди достаточно осторожны. Мы нашли там кое — что поважнее девушек. Целую партию силовых кофточек, только что увезенных со склада. Опоздай на час, их бы уже переправили в провинцию. Мы прибыли как раз в разгар торга. Столичные хапуги торговались с перекупщиками из провинции. Знаете, какой дефицит силовые кофточки?

Майор торжествовал по поводу разоблачения расхитителей.

— А мне кажется, там торговали не только кофточками. Таня Сухарева находится у них под гипнозом!

Майор вежливо улыбнулся:

— А мне кажется, в этом просто не было надобности.

— Таня не способна стать спекулянткой!

— Допускаю.

— А что делала Щеточкина?

— Вы прямо как
следователь

— Но поймите, это очень важно! — взмолился Юра. — Думаю, Щеточкина и сбита Таню с толку

— Щеточкина? —

Майор задумался. — Ах да! Работница какой — то московской фабрики. Мы ее отпустили. Она случайно попала

— Зачем?

— Принесла хозяину дома письмо. Тоже по части купли — продажи. Какая — то ее знакомая просит приобрести пишущую машинку. Она и пришла к знакомому коммерсанту.

— А где письмо?

— Приобщили к делу.

— Нельзя посмотреть?

— Не полагается.

— Это очень важно. Я ведь говорил

— Не волнуйтесь, вы помогли нам, покажем письмо

Начальник пригласил в кабинет следователя, следствие по делу спекулянтов, задержанных в Садовом переулке, шло уже полным ходом.

Юре показали письмо, принесенное Щеточкиной.

«Дорогая сестрица! Есть вам поручение приобрести пишущую машинку. Тут у нас для одной девушки предвидится работа, так просьба приобрести. Раиса Захаровна собирается вскоре в Москву, она возместит расходы, заберет машинку и все прочее и расскажет обо всех наших новостях. Пока мы все живы — здоровы, чего и вам желаем. Остаюсь

любящая

» И подпись: не

то Варвара, не то Вероника, а может быть, и Виринея — не разобрать.

На конверте штемпель почтового вагона, адресовано Зинаиде

Васильевне Щеточкиной, обратного адреса нет. Мало!

— Письмо представляет интерес для следствия?

— Как будто нет.

— А вы не можете его отдать?

— Не имеем права.

— А списать можно?

— Пожалуйста.

Юра переписал письмо.

— А теперь я хочу поточнее узнать, почему вы обратили внимание на этот дом? — обратился к Юре следователь. — Придется снять с вас допрос

Юре скрывать нечего, он рассказал все. Но поиски Тани мало интересовали следователя.

— Это ваше частное дело, — равнодушно заметил он. — Вполне возможно, что Сухарева не имела отношения к преступным операциям

— А кто же все — таки хозяин этого дома? — поинтересовался Юра.

— Некий Солодовников. Павел Ефремович. Надомник. Изготавливает детали для деревянных автомобильчиков, выпускаемых одной игрушечной артелью.

— Вы что же, отпустите его?

— Ни в коем случае. Заядлый спекулянт.

— А зачем ему Сухарева?

Следователь развел руками.

— Ну
неподсудное. это уж дело

— А как все — таки ее найти?

— Пусть кто — либо из близких родственников подаст заявление. Что —нибудь предпримут

Решительно никто не хотел понять озабоченность Юры. Ему пожимали руку, благодарили, делали из него чуть ли не героя — как же, помог милиции обнаружить шайку спекулянтов! И Юра, разумеется, не испытывал огорчения от того, что помог поймать спекулянтов, но все — таки его не покидало чувство глубокой неудовлетворенности: с кем Юра ни сталкивался, ему казалось, что — то главное ускользает почему — то от всех.

Пришлось Юре ломать голову. После событий в Бескудникове ему стало очевидно, что Щеточкина имеет прямое отношение к исчезновению девушки. Но куда могла теперь скрыться Таня?

Тот, кто убегает, всегда имеет фору против того, кто догоняет. И во времени, и в расстоянии. Тот, кто прячется, всегда найдет щель, в которую тот, кто ищет, не догадается заглянуть.

— Теперь в Бескудникове делать нечего: домик опустел, спекулянты задержаны

Задержаны — то задержаны, но не все, кто — то ушел, ушел и увел Таню.

Вероятнее всего, беглецы попытаются скрыться из Москвы.

Всю надежду приходилось возложить на Зинаиду Васильевну. В том, что она связана с преступниками, сомнений нет, через нее только и можно установить новое местонахождение Тани.

Юра посоветовался с Петей.

— А как ты думаешь, — спросил тот, — что означает «прочее»?

Это была идея! Может быть «прочее» и есть Таня? Может быть, надо дождаться неизвестной Раисы Захаровны и та наведет на след?

Несомненно одно, что со Щеточкиной нельзя спускать глаз. Требовалось установить постоянное наблюдение за ее квартирой, Раиса Захаровна ее не минует

Наружное наблюдение! Увы, то, что для криминалиста — практика не такое уж сложное дело, для мальчиков оказалось почти неразрешимой задачей. Они просто физически не могли проводить все время у квартиры Щеточкиной — на них легко могли обратить внимание, да и в собственных семьях слишком продолжительное отсутствие вызвало бы переполох.

Решили каждый вечер по очереди наведываться к дому Щеточкиной, а в праздничные дни не лениться и появляться с утра.

Скучное это было занятие! Только прогуливаясь перед домом Зинаиды Васильевны, Юра понял, как нудно и трудно быть сыщиком. Хорошо еще, что дом, взятый под наблюдение, невелик! За два дня Юра узнал почти всех его жителей и изучил распорядок жизни чуть ли не каждого жильца

И все — таки пришел день, когда настойчивость мальчиков увенчалась успехом. Это было в воскресенье. Часов в девять утра Анна Григорьевна позвала Юру к телефону: «Тебя просит Петя». Юра удивился. Петя дежурил с утра. Юра должен сменить его в полдень. И вот, вместо того чтобы находиться на посту, Петька развлекается разговорами по телефону.

— Ты чего отлучаешься?

— Приехала!

— Кто?

— Та самая особа, которую мы поджидаем.

— Почему ты так думаешь?

— Не могу я по
автомату

Через полчаса Юра был на месте. Петя со скучающим видом стоял под деревом и пялил глаза на окна соседнего дома. Дня два назад кто — то из жильцов, проходя мимо, поинтересовался: «Ты чего тут, парень, высматриваешь?» Петька не растерялся: «Муську». Жилец покачал головой: «Как бы отец с матерью не накостыляли тебе за Муську по шее»
И пошел своей дорогой. Ни о какой Муське Петька, разумеется, понятия не имел.

— Ну?

— Приехала. Та самая. Раиса.

— Почему ты решил, что Раиса?

— А у Зинаиды гости только по предварительной записи

Дождались появления Зинаиды и ее гости. Вид у приезжей мрачноватый, вся в черном, платок надвинут на глаза.

— До четырех ты свободен, — сказал Юра приятелю. — Иду за ними. В четыре на этом же месте.

— А если не вернуться?

— Тогда в восемь.

Юра смело пошел за женщинами. Вряд ли они предполагали, что за ними кто — то следит.

Из тихого переулочка на Шаболовке за полчаса добрались до Арбата.

Подшли к писчебумажному магазину. В нем всегда покупатели, а в воскресенье их особенно много. Щеточкина и ее гостя обратились к продавщице, за спиной которой красовались пишущие машинки. Теперь Юра уже не сомневался — перед ним Раиса, о которой говорилось в письме. Поскольку Щеточкина поручение не выполнила, видимо, Раиса сама решила приобрести машинку.

Продавщица поставила несколько моделей и сразу убедилась, что покупательницы в них нисколько не разбираются.

— Племянница у моей знакомой экзамен на машинистку сдает, — нашла Щеточкина. — Хотим подарок сделать.

Раиса выбрала «Колибри», — должно быть, ее прельстила миниатюрная форма.

Приобретя машинку, женщины тут же отправились обратно, и Юра сдал смену приятелю минута в минуту.

В восемь он собрался на Шаболовку.

— Опять из дому? — остановила Анна Григорьевна сына.

— Как видишь.

— Надеюсь, ты не позволяешь себе ничего лишнего?

— Мама! — воскликнул Юра с упреком. Ее успокоила интонация сына.

— Зинаида уходила. Должно быть, за продуктами, вернулась с полной авоськой, — доложил Петя.

Мальчики заранее условились сосредоточить внимание на Раисе.

— Можешь быть свободен, — сказал Юра. — Смена принята.

— Ты тоже мотай, — посоветовал Петя. — Никуда они сегодня не денутся.

— Погуляю часов до
одиннадцати

Он тоже предполагал, что ни хозяйка, ни гостя никуда больше не пойдут, и лишь для очистки совести решил не нарушать распорядка.

И все — таки он остался не зря, хотя на этот раз его не томило никакое предчувствие.

В начале одиннадцатого во дворе появилась женщина в черном. Раиса! С чемоданом в одной руке и свертком в другой. По очертаниям свертка видно: завернутая машинка. Щеточкина гостью не провожала.

Раиса и Юра доехали до Ярославского вокзала. Раиса стала в очередь в кассу, и, когда она взяла билет до Ярославля, Юра принял молниеносное решение, наклонился к кассирше и тоже попросил:

— Один, общий, до Ярославля.

ВЗГЛЯД С КРЫШИ

У Юры бывали при себе деньги. На всякий случай. Особенно в последнее время. На этот раз их было не так уж много. Рублей около десяти. Билет до Ярославля стоит пять рублей. Так что на обратную дорогу уже не хватало. Но он не мог позволить себе упустить Раису.

Он не знал, приведет ли она его к Тане, но только она могла привести его к ней.

Поскольку в очереди за билетами Юра стоял в затылок Раисе, они попали в один вагон.

На всякий случай Юра сел поодаль
и сладко проспал до утра.
Увы, он оказался плохим детективом.

Проснулся Юра лишь перед Ярославлем. Посмотрел — на часах шесть. Раиса сидит как штык, ни на кого не глядит, лишь губами шевелит.

Поезд остановился. Раиса подалась к выходу. Прохладно, а Юра в одной рубашке. В жару, конечно, хорошо. Но ранним утром Раиса в трамвай. И Юра в трамвай. Доехали до центра. Раиса в автобус. И Юра в автобус. Проехали город. Потянулись пригороды. Домишки, палисадники, садики.

Конечная остановка. Раиса из автобуса. И Юра из автобуса. Свернула в какой — то переулок. Тут Юра двинулся осторожнее. Глазет по сторонам, отстал, будто ему не до Раисы.

Немного прошла, остановилась у ворот, стучит. Юра потихоньку вперед. Будто ему подальше. За воротами лает — заливается пес. Юре уже понятно. Не фотоэлементы же устанавливать для предотвращения неожиданных посещений! Загремела щеколда. Обернулся — Раиса в калитку нырнула
Привет!

Юра обратно. Ворота, калитка, забор. Не ниже двух метров. Не заглянешь во двор. В глубине дом под железной крышей. Какие — то деревца. Березы. Сирень. Над калиткой номерной знак: «Проезжая ул. No 6, Влад. В.Ф.Мучнов». На калитке дощечка: «Во дворе злая собака». И даже не одна! Ручка звонка, и опять же дощечка: «Звоните». Можно, конечно, позвонить, но что толку?

Решил осмотреть крепость с тыла, вышел на зады. Справа от домов огорода к овражку. Нигде никаких ограждений, один лишь номер шесть окружен забором, даже огород обтянут колючей проволокой. К В.Ф.Мучнову не попадешь и без злой собаки!

Не просто проникнуть в тайны дома номер шесть. Если только этот дом скрывает какие — то тайны!

Может быть, Юре только кажется, но рядом — самые обычные дома, зато от шестого номера веет таинственной нелюдимостью. Ни человеческих голосов, ни обычного житейского шума, лишь мрачно поблескивают стекла, задернутые темными занавесками. Что скрывается за ними? Кто выглядывает из этих окон?

Прежде всего надо установить — живет здесь Раиса или только наведальась и проследует куда — либо еще? С дома нельзя спускать глаз, но не может же Юра безотлучно здесь находиться.

Во всяком случае, пока что Юра знает, где находится Раиса.

А дальше?

Эх, была не была, решил он, мир не без добрых людей, только поднабраться смелости.

Он вернулся на Проезжую улицу. Постучал в крайний дом.

На стук выскочила девчушка с пегой косичкой.

— Чего вы? Идите, идите, бабушка заругается. Она не велит с незнакомыми знакомиться.

— Да ты пойми, мне нужно кого —нибудь из здешних комсомольцев. Живет здесь поблизости кто —нибудь из комсомольцев?

— Я сама комсомолка, только бабушка все рано не велит.

— А кто —нибудь посерьезнее из комсомольцев есть поблизости?

— А вы не ругайтесь! Наискосок Сашка Зипунов, он на заводе комсорг

Зипунова дома не оказалось. Придет только в три, после смены.

До трех Юра успел в город, отправил Пете телеграмму: «Уехал Раисой Ярославль тчк Выезжай тчк Предупреди маму отсуствии тчк Возьми стола деньги тчк».

— Ты Зипунов?

— Я Зипунов.

— Дело к тебе.

— Заходи.

Простой мастеровой парень. Открытое лицо, чуб на лбу, вздернутый нос, небольшие насмешливые глаза. Синяя блуза с «молнией», обвисшие на коленях брюки, остроносые нечищенные ботинки.

Он ввел Юру в тесную комнатенку. Койка аккуратно застелена байковым одеялом, этажерка с книгами, стол, стул.

— Располагайся.

Юра расположился на стуле. Зипунов — на кровати.

— Слушаю.

— Я, видишь ли, из Москвы.

— А хоть бы с Марса.

— В общем, я по порядку.

— Беспорядка никто не любит. Давай.

— Что давай?

— По порядку.

Зипунов точно подсмеивался.

Юра откровенно поведал Зипунову о своих заботах. О том, как пропала Таня. Как он и Петя искали ее. Как Раиса привела его на Проезжую

— Понимаешь, исчезла. А потом оказалась в самом что ни на есть гезде спекулянтов. Однако оттуда ее увели под самым носом у милиции

— Как так?

— Сам догонял. Даже догнал. Только угодил в руки одному типу

— А ты бы ему

— Танк! Не вырвешься. А ее тем временем увели!

— А почему ты думаешь, что девушка у Мучнова? Я с ним незнаком, конечно, но если бы что, какой — никакой слушок, а пополз бы.

— А Раиса?

— Какая Раиса?

— Я же рассказываю. Которая к Щеточкиной приезжала. Одного поля ягоды.

— А какая им корысть в твоей Тане? Спекулянтки ведь из нее не получится?

— Мне думается, дело здесь посерьезнее, чем спекуляция. Это лишь одна сторона. Уголовная банда. Ничем не брезгуют и вовлекают молодежь. Любыми способами

— Не ошибаешься?

— Головой ручаюсь! К исчезновению Тани старуха прямое отношение имеет, а она — у Мучнова.

— Тогда пошли.

— Куда?

— К Мучнову. Узнаем, кто у него находится.

— Сперва надо убедиться, что там Таня.

— А как это сделать?

— Понаблюдать.

— Сторожить, что ли, будешь?

— Сторожить не сторожить

Зипунов готов помочь Юре, но они так и не решили, как

выяснить, находится ли Таня у Мучнова.

— Слушай, а кто у Мучнова соседи?

— Зачем тебе?

— Я бы с крыши

— Поближе Юстицкий, пенсионер, — у него зимой снега не выпросишь, а дом покрыт драгоценным шифером. Понимаешь? А по другую сторону Лукинична. Бабка добрая, только дом далековато стоит

— А если все — таки обратиться к ней?

— Попробуем

У Лукиничны ни в чем никому отказа. Работает уборщицей в железнодорожном депо, давно перешагнула пенсионный возраст, но не торопится на покой, маленькая, аккуратная, все хлопочет — и на работе и дома.

— Привет и уважение, Лукинична, — поздоровался Зипунов. — У нас громадная просьба.

Лукинична пытливо рассматривает посетителей.

— Пусти этого парня, — Зипунов указал на Юру, — подежурить на крыше?

— Как на крыше? Он что, кочет?

— Не кочет, а молодой астроном. Интересуется звездами. Прибыл на практику. Обозревает все видимое и невидимое.

— О — ох

Лукинична хмыкнула. — Дурочку нашли. Я хоть и стара, но не без понятия. Ты прямо скажи, что он из дружины. Или, как там у вас, из патруля? Интересуется, мол, кто шастает по огородам. Так?

Зипунов подтвердил:

— Так.

— То — то, а говоришь — звезды! Ваши звезды по земле бегают да в канавах прячутся

Она поглядывала то на Юру, то на Зипунова. — Что ж, пуцу, только чтоб не курить! Дом хоть и страхован, а пожару я страсть боюсь.

В общем, с Лукиничной дело сладилось. Юра очутился на крыше. Однако, как ни прилаживался, с крыши видна только часть мучновского двора.

На дворе кто — то появлялся, но Юра не мог рассмотреть лиц, несомненно лишь, что в доме находятся не только хозяева, но и какие — то посторонние люди.

К ночи Юра спустился.

— Ну как? — поинтересовалась Лукинична. — Много высмотрел звезд?

— Не те, что нужны!

— Смотри, смотри
— Лукинична чувствовала себя участницей патруля. — Сашка наказывал к нему идти, как слезешь

Переночевал Юра у
Зипунова

Новый день не принес неожиданностей. Мучнов ушел на работу, пришел с работы, уходила и вернулась его жена — ходила с авоськой, должно быть, по лавкам или на рынок.

Больше не показывался никто, хотя Юра не сомневался, что в доме находятся посторонние.

На третий день Юра с утра побежал к остановке автобуса, там назначил он встречу Пете.

Они кинулись друг к другу.

— Нашел?

Юра отрицательно покачал головой.

— Значит, домой?

— Нет

С приездом Пети установили два наблюдательных пункта: один

на улице, против дома Мучнова, другой на крыше у Лукиничны.

Но спустя час Петя пришел объясняться. Задрвав голову, он звал Юру с крыши.

— Спустишь, дорогой!

Юра недовольно свесился.

— Раньше ты был аккуратнее.

— А ты пойдй постой, шум на всю улицу.

Юра прислушался. Он не предусмотрел защитного звукового устройства — пес во дворе противника надрывался.

— Невозможно стоять!

— Что же делать?

— Гони пятерку.

— На что?

— Подкупить сторожа.

Вскоре Петя опять позвал Юру.

— Пирожков хочешь?

Он держал целый кулек пирожков.

— Однако аппетит у
тебя!

К удивлению Юры, лай затих, возник было снова и смолк окончательно. Враг утратил бдительность: Петя пустил в ход пирожки.

Под вечер на чердаке появился Зипунов.

— На, Юрка, бери на
вооружение — Он
протянул полевой бинокль. — Цейсовский. Одолжил у одного
отставника.

В бинокль мучновский двор виден как на ладони, Юра ясно различал и самого Мучнова, и какого — то чернобородого дядьку, и девицу
Таня! Увы, то была не

— Откуда ты взял, что Таня здесь?

Петя уговаривал Юру махнуть на Мучнова рукой. Но Юра упрямо лез на крышу к Лукиничне
и на четвертый день увидел наконец Таню.

Это была Таня! В синей косынке, в темном
платьице Самая доподлинная Таня!

Она медленно бродила по двору вместе с девушкой, которую Юра видел накануне.

Он скатился с крыши, пронесся через улицу и забарабанил в калитку.

Сейчас он ее заберет и сразу в Москву!

Калитка закрыта наглухо. За воротами истошно заливается пес. Ухватиться, чтобы приподняться и заглянуть через забор, не за что. Цитадель!

— Кто там?

Голос откуда — то издалека.

Юра опять застучал.

Кто — то подошел, спросил уже из — за самой калитки:

— Чего вам?

— Таня Сухарева здесь живет?

— Кто? Нету здесь никакой Тани.

— А я говорю, впустите. Я точно знаю, что она здесь!

— Идите — ка, гражданин, своею

дорогой

— А я говорю, впустите!

— Может, вы грабитель или еще
кто

— А я вот сбегаю, приведу милицию, тогда убедитесь, какой я грабитель!

— Я уже сказал: уходите.

— Впустите или нет?

— Нету здесь никого.

— Я на самом деле в
милицию

Уговаривать бесполезно, Юра отошел. К нему подбежал Петя.

— Ты что?

— Там Таня!

— Откуда?

— Сам видел.

— А что они?

— Не пускают.

— А ты уверен, что Таня?

— Галлюцинациями я еще не страдаю!

— Беги, милицию — то они пустят!

— А ты никуда. Может, опять вздумают увести. Ни на
шаг

Юра уже не слышал ответа, он бежал по Проезжей, спрашивая прохожих, где находится отделение милиции.

Вид у него был отчаянный, встречные с любопытством смотрели

ему вслед. Что случилось: драка, кража, убийство?

ОБЫСК

Обычная вывеска. Такая же, как в Москве. Хотя сумерки только еще наплывают, над входом горит лампочка. На мостовой мотоцикл с коляской. Двое милиционеров в дверях щелкают семечки.

— Где начальник?

— А ты полегче, — остановил Юру один из милиционеров. — Здесь тебе не танцплощадка.

Но Юра уже в коридоре. За дощатой перегородкой еще один милиционер.

— Товарищ дежурный, где начальник?

— А вам на что?

— Тут целая шайка. Спекулянты. Заманили девушку

Опытный милиционер по отрывистым непонятным словам посетителя сразу угадал, что речь идет о чем — то действительно необычном и важном, потому что тотчас оборвал излишества Юры.

— Не тратьте времени. — Он указал на дверь в конце коридора. — Идите к начальнику.

Юра рванул обитую клеенкой дверь. Какой — то капитан говорил по телефону.

— Вам кого?

— Товарищ начальник!

— А почему не стучите?

— Некогда!

— Ну, если некогда, слушаю.

— В Москве задержали шайку спекулянтов. Но они увезли Таню Сухареву. Я ее нашел. Но меня не пускают. Говорят, ее нет

— Погодите

—

Капитан даже прикрикнул слегка на Юру: когда человек в таком волнении, его иногда необходимо одернуть. — Садитесь и рассказывайте по порядку.

Юра обиделся и взял себя в руки.

— Видите ли, товарищ капитан, в средней школе номер восемьдесят три пропала в апреле девушка

Он снова изложил всю историю.

— А почему вы думаете, что она у этого

Как его?

— Мучнов, дом номер шесть.

— У гражданина Мучнова?

— Я сам видел!

Капитану нравилась запальчивость Юры.

— Хорошо, завтра утром выясню. Созвонюсь с прокурором, поинтересуюсь Мучновым.

— Поздно! — крикнул Юра. — Будет поздно! К утру заметут все следы!

— Но ведь ваши слова — это еще

— Капитан

испытующе поглядел на Юру. — Вы — то, собственно, кем ей доводиться?

— Товарищем

—

Юра вдруг вспыхнул: — Я прошу вас от имени всей нашей комсомольской организации!

— Ладно, не горячитесь, — примирительно сказал капитан и позвонил.

В кабинете тотчас появился бравый милиционер.

— Иванов у себя?

— Еще у себя.

— Попросите ко мне

— Он повернулся к Юре: — Я должен посоветоваться со следователем. А вас попрошу подождать в коридоре.

Юра умоляюще смотрел на капитана:

— Я вас очень прошу. Вы не знаете, на что они способны.

— Знаю. — Капитан улыбнулся: — Способны на
все Если только вы не
ошиблись.

Юра ждал. В коридоре сразу началось движение. Кто — то в штатском прошел к начальнику. Снова появился бравый милиционер. В кабинет прошел еще какой — то лейтенант. Потом позвали Юру.

— Решили ехать, — сказал капитан. — Сейчас подадут машину.

— Следователь Решетов, — представился человек в штатском.
— Вы — то как забрели в Ярославль?

— Да вот, ищем Сухареву, — сконфуженно пробормотал Юра.
— Разве это плохо?

— Кто говорит, что плохо? — Следователь усмехнулся. —
Только редко приходится наблюдать такую самодеятельность.

На улице их ждал милицейский фургончик; ехали и начальник, и следователь, и лейтенант.

— Заходите, — пригласил Юру капитан. — На Проезжую!

Фургончик еще не остановился, а собачий лай уже зазвенел.

Напротив по тротуару нервно прохаживался Петя.

— Ушли, — сдавленно сказал он, подбегая к Юре.

— Кто?

— Высокий старик и еще какой — то чернобородый.

— А Таня?

— Больше никто, я ни на шаг.

— Вот видите, разбегаются, — с упреком сказал Юра начальнику. — А вы — до утра!

— Далеко не уйдут, — произнес лейтенант, подошел к калитке, поискал звонок. — Звоночек — то не звонит, для отвода глаз, что ли?

— А ты стучи!

Пес за воротами надрывался.

— Кто там?

— Милиция.

Щеколда брякнула, калитка чуть приоткрылась.

— Разрешите?

Мучнов распахнул калитку.

— Гражданин Мучнов?

— Я.

— Кто еще проживает с вами?

— Жена и дочка.

— А еще, извиняюсь, кто?

— Больше никого.

Удивительно он спокоен, этот Мучнов, неприветлив, мрачен, но спокоен и вежлив, как если бы его действительно побеспокоили зря.

— У нас есть сведения, что какие — то люди живут у вас без прописки.

— Никого у меня нет.

— Разрешите взглянуть.

— Пожалуйста.

Пес надрывался, но хозяин не спешил его успокоить. Следователь и капитан вошли в дом. Мучнов следом. лейтенант и Юра остались во дворе. Пес рвался с цепи.

— Начальник вам поверил, — нравоучительным тоном рассуждал лейтенант. — Очень неприятно, если все это напрасно. А я так думаю, что напрасно, поскольку домовладелец не обнаруживает никаких признаков беспокойства

Юра виновато смотрел на землю, на крыльцо.

Вдруг он вспомнил, что все эти незнакомцы, за которыми он наблюдал с крыши, как — то странно исчезали у крыльца, — не поднимались в дом, а точно проваливались под землю.

— Они в погребе, — уверенно сказал Юра.

— Кто?

— Те, кого ищем.

— Почему так думаете?

— Следил.

— Каким образом?

— Оттуда

Юра неопределенно махнул рукой, но лейтенант догадался.

— Аэрофотосъемка?

— Вроде.

Капитан и следователь вышли во двор.

— Я же говорю, никого, — обиженно повторил Мучнов. — Пожалуйста

Он с готовностью отпер сарай.

лейтенант поманил следователя, шепнул что — то на ухо, равнодушно отошел.

— А где у вас подполье? — спросил следователь.

— А у нас в доме нет подполья, — печально ответил Мучнов. — Не предусмотрели.

— Пойдемте

Следователь опять вернулся в дом.

— Они в погребе, — повторил Юра начальнику.

— Да погреба — то
нет

Следователь опять появился во дворе.

— Нет хода из дома, — ответил он на вопросительный взгляд капитана.

— Тогда извините, — сказал капитан Мучнову.

— Погодите, — сказал следователь и опять взошел на крыльцо.

Он стоял, постукивая ногой по ступеньке.

— Так, так, — задумчиво сказал следователь, глядя куда — то в небо и все постукивая ногой. — А печку вы чем топите, дровами?

— Дровами, — сказал Мучнов. — Чем же еще?

— А кто рубит дрова? — спросил следователь.

— Кто же, кроме меня? — ответил Мучнов.

— Покажите — ка топорик, которым рубите, — попросил следователь.

— Пожалуйста, — ответил хозяин и вынес из сарая топор.

— А ну, отойдите, — попросил следователь и подцепил топором ступеньку.

— Зачем ломаете? — закричал Мучнов. — Вы ответите!

— Разумеется, — согласился следователь, сунул лезвие в щель,

рванул на себя доску и указал капитану на отверстие. — Вот вам и подполье, прошу.

Капитан вопросительно взглянул на Мучнова:

— Ломать или откроете?

Мучнов побледнел, спокойствие с него сдуло как ветром, сразу стал угодлив и мил.

— Зачем же ломать? — заворковал он. — Сию минуту

Вбежал на крыльцо, повозился в сенях — ступеньки как бы опрокинулись навзничь, открылась идущая вниз лестница.

Капитан с упрёком покачал головой:

— А говорите, не предусмотрели подполья.

Осторожно сошли вниз. Мучнов услужливо повернул выключатель.

Внизу оказалась самая настоящая комната. Без особых удобств, но вполне годная для жилья. Две койки, стол, табуретки, стены обшиты тесом, даже иконы в

углу

На столе раскрытая машинка с вложенным листком. Следователь наклонился, потянул листок, пробежал глазами, покачал головой, аккуратно сложил, спрятал во внутренний карман.

— А где же капитан обвел помещение глазами, —

— здешние обитатели?

— Я же сказал: никого нет.

— А это что?

— Комната.

— Для кого?

— Для себя.

— Что же вы здесь делаете?

— Учусь печатать на машинке.

— Вы кто по специальности?

— Столяр.

— Зачем же машинка?

— На всякий случай.

— Сейчас в моде овладевать второй профессией, — не без иронии заметил следователь.

— Вот — вот, — подхватил Мучнов.

— А почему же учитесь под землей?

— Не отвлекает ничто.

Следователь похлопал рукой себя по карману:

— А что печатали, помните?

Мучнов смотрел на следователя наивными глазами:

— Разве там что напечатано?

— Забыли?

— А вы напомните, — довольно — таки нахально сказал Мучнов.

— Это я вам завтра напомню, завтра мы поподробней поговорим, — зло сказал следователь. — Тоже мне литератор!

— А койка тут зачем? — спросил капитан.

— Отдыхаем иногда с женой.

Капитан рассердился:

— Вот что, Мучнов, бросьте валять ваньку. Где ваши постояльцы?

— Я же сказал, никого нет.

— Опять двадцать пять! Все равно узнаем.

— Я же сказал — никого.

Капитан повернулся к лейтенанту:

— Составляйте протокол.

Юра посмотрел на капитана умоляющими глазами:

— Я не нужен?

— Пока нет.

— Можно уйти?

— Торопитесь?

— Может, еще
догоню

— Навряд! — Капитан сочувствовал Юре. — Вы правы, тут держи ухо востро. Так куда же вы?

— На пристань, на
вокзал

— Что ж, попытайте
счастья

Но сам капитан мало верил, что Юра кого —нибудь догонит или найдет.

Юра выбежал за ворота. Петя нетерпеливо переминался на углу.

— Ты на пристань, а я на вокзал, — распорядился Юра.

— Опять удрали? Может,
повезет

Вместе доехали до города.

— Через три часа у городского театра, а если какая оказия, каждый возвращается в Москву самостоятельно.

Тут Юре подвернулось такси. Он торопил шофера так, точно опаздывал на поезд.

Обежал весь вокзал.

— Не видели старушку с девушкой, в черном, похожи на монашек?

Большинство не видело. Кое — кто безудержно сочинял: как же, видели, тут и сидели, пошли направо, налево; у некоторых двоилось: было не двое, а четверо

Какая — то тетка сказала, что монашенок трое, пошли садиться в поезд

Юра вспомнил, что видел Таню в обществе какой — то девицы. Должно быть, действительно трое.

Побежал на перрон. Вот — вот должен отойти поезд Москва — Хабаровск. Юра побежал вдоль вагонов, вглядываясь в освещенные окна. В вагонах шла обычная дорожная жизнь. Кто — то стоял у окна, кто — то укладывался спать.

Поезд тронулся. Юра приближался к концу поезда. И вдруг ему показалось, что мимо проплыло лицо Тани. Она прижалась к стеклу и смотрела на него испуганными глазами.

Таня или не Таня? Он повернулся. Она совсем прикинула к стеклу, подняла руку и вдруг отшатнулась. Точно кто — то оттянул ее от окна. Юра побежал, но поезд уже набирал скорость. Таня или не Таня?

Поздно! Мелькнул последний вагон, задрожал красный огонек, уплыл в темноту, в ночь, и все заволочло туманом.

ЧТО ВЫ МНЕ ПОСОВЕТУЕТЕ?

Мальчики задержались в Ярославле на целые сутки. Вернее, их задержали.

С вокзала Юра поехал к театру. Петя уже был на месте.

— Ну, что у тебя?

— Старцы погрузились на пароход. Но больше никого.

— Знаю.

— Значит, нашел?

— Как будто видел

Мальчики отправились в милицию. Там слегка подсмеивались над ними, но вообще — то разговаривали ласково.

— Дайте, ребята, разобраться. А утром обязательно приходите

Переночевали у Зипунова. Он оказался, так сказать, очень солидарным парнем.

Утром следователь сперва допросил Петю, а затем наступил черед Юры. Рядом со следователем сидел какой — то товарищ в штатском. То ли следователь, то ли еще кто. На этот раз следователь дотошно расспрашивал Юру и о нем самом, и о Тане, и о Раисе. Интересовался всеми подробностями.

— А вы уверены, что видели в поезде Сухареву?

— Мои глаза меня не обманывают!

— Хорошо, учтем. Возвращайтесь в Москву, теперь мы возьмемся за поиски.

— Но на что она нужна этим спекулянтам?

— Так ведь это ж не спекулянты.

— В Москве ясно сказали

— Спекуляция для маскировки или так, сбоку. Это же антисоветская организация. Тайная религиозная секта.

— Чем же в этой секте занимаются?

— Молятся!

— Что же в этом антисоветского?

— Так они и сами говорят. Но религия в конце концов часто смыкается с политикой. Почитайте — ка!

Следователь протянул Юре листок. По — видимому, тот самый листок, который вытянул вчера из машинки. Это было что — то вроде прокламации. О том, что всем истинно верующим надо готовиться к решающему дню, когда слуги божьи пойдут войной на безбожников.

— Какое же отношение может иметь к этому Таня? Я чем угодно поручусь, что она с чистым сердцем шла в комсомол

— Разберемся во всем. А вы пока что езжайте домой. Учитесь, работайте. Придет время — увидите свою Таню.

— Значит, вы будете искать, а я сидеть сложа руки?

— А что вы — то можете сделать?

— Человек многое может! — с вызовом возразил юноша.

— Конечно, мы не можем вам запретить,
но не советуем.

Короче, Юру убеждали вернуться к обычным занятиям, и Юре нечего было возразить, хотя в душе он и не мог, и не хотел согласиться со всеми этими разумными доводами. Однако в данный момент ему действительно ничего не оставалось, как вернуться домой.

Юра заявился ко мне сразу по возвращении из Ярославля.

— Как успехи?

— Не спрашивайте!

Он поведал мне о своих поисках. Очень уж ему, должно быть, нужно было и высказаться, и посоветоваться, а открыться перед родителями он не решался.

— Совсем запутался. Дважды настигал, и оба раза ее увели. То шайка спекулянтов, то какая — то тайная секта. Какая — то непонятная деятельность. Одного только не возьму в толк: как могла туда попасть Таня? Я обязан ее найти!

— Но ведь ее ищут?

— А я буду в

стороне?

Нет!

Он пришел за советом, и мне следовало дать ему благоразумный совет.

— Вряд ли вам самому под силу ее найти, не так все это просто. И может быть, сама Таня не хочет, чтобы ее искали?

— Тем более! Не всякий самоубийца хочет, чтобы его спасли, но это не значит, что его следует оставить без помощи.

— Гипербола!

— А вы что мне посоветуете?

Юра ждал, и я не мог, не имел права ограничиться какой-нибудь назидательной сентенцией.

— Дайте время подумать. Я бы тоже хотел посоветоваться

— С кем?

— С одним своим другом.

Юра испытующе посмотрел мне в глаза.

— Хорошо, я зайду еще к вам
— Остановился на минуту. — И еще. Если вас вздумают призвать на наш семейный совет, не выдавайте меня

И я не мог не обещать ему сохранить тайну нашего разговора.

Конечно, в разговоре с Юрой можно было ограничиться каким-нибудь умозрительным советом, но вряд ли такой совет способен был принести пользу, Юру следовало направить по такому пути, на котором он мог бы достигнуть цели.

Поэтому я, в свою очередь, направился к одному своему другу, крупному криминалисту, много лучше меня сведущему в том, что называется поисками иглы в стоге сена.

В общепринятом понимании этого слова крупный криминалист — это человек, в совершенстве постигший методику, тактику и технику раскрытия преступлений. Но от себя добавлю, что этого

недостаточно для того, чтобы стать крупным криминалистом. В равной мере он должен быть еще психологом, тонким наблюдателем душевных переживаний и знатоком воздействия внешних обстоятельств на формирование человеческой личности. Потому что без широкого идейного кругозора криминалист подобен сыскной собаке.

Вот к такому человеку доброго ума я и обратился по поводу исчезновения Тани.

Он подверг меня обстоятельному допросу. Что за девочка и что за мальчик. Чем они дышали и как жили. С кем встречались и к чему стремились.

И в конце концов мой друг дал мне совсем не тот совет, какой я рассчитывал от него получить.

— Да предоставьте вы этого Юру самому себе! Девушку, разумеется, рано или поздно отыщут, поисками заняты теперь достаточно опытные люди, но лично я не стал бы расхолаживать парня. Ведь именно сейчас происходит становление его характера. Пусть ищет! Удачны будут поиски или неудачны — зависит от его ума, настойчивости, сообразительности и еще множества случайностей, но пользу ему они принесут. Слишком уж привыкли мы опекать молодежь. Родители, школа, комсомол

печки и потеплее закутывайся на улице

наши мальчики и девочки одуванчиками. Чуть ветер

комсомольцев, когда они становились людьми? Убежденность в своей правоте! Идеи! У парня благородные стремления, и, если он не балаболка, пусть столкнется с жизнью нос к носу.

Танцуй от

Поэтому и растут

Кто опекал первых

СЕМЕЙНЫЙ РАЗГОВОР

Действительно, не прошло после посещения Юры и нескольких дней, как меня пригласили к Зарубиным.

— Юра решил нас убить, — с места в карьер начала Анна Григорьевна. — Воспитывали восемнадцать лет, а теперь все летит насмарку.

— Псу под хвост, — более образно уточнил Сергей Петрович.

«Убийца» сидел за обеденным столом и хладнокровно

поглядывал на родителей.

— Юра решил растоптать свое будущее, — продолжала Анна Григорьевна. — Он не хочет поступать в университет!

— Ничего не случится, если поступлю годом позже, — с полным спокойствием отпарировал Юра.

— Ты дурак. Благоприятные обстоятельства не повторяются.

— А я не ищу их!

— Что же ты собираешься делать?

— Работать.

— Тебе нечего есть?

— Мне нужны деньги.

— Тебе не хватает карманных денег?

— Мне нужна крупная сумма.

— Непонятно.

— Представь себе, я хочу одолжить деньги товарищу. Не могу я делать добро за чужой счет, тем более что многое мы понимаем по — разному.

— Что же ты собираешься делать?

— Я уже сказал — работать.

— Где?

— В СМУ. На строительстве.

— Кем?

— По твоей специальности.

Юра весело посмотрел на мать и поводит рукой, как бы рисуя что — то в воздухе.

— Художником?

— Нет.

— Чертежником?

— Нет.

— Кем же?

— Маляром.

— Кем?! — Надо было видеть Анну Григорьевну. Лицо ее пошло пятнами. На секунду она лишилась дара речи. — По — твоему, я — маляр?

— Если уж тебе так хочется работать, иди ко мне на завод, — предложил Сергей Петрович. — У нас есть чему поучиться и будет кому тебе помочь.

Опершись кончиками пальцев о краешек стола, Юра стоял в позе прокурора.

— Дорогие предки! Я вас очень люблю и уважаю. Но по некоторым вопросам у нас диаметрально противоположные понятия. Поэтому договоримся

Сергей Петрович прищурился.

— Что это за тон?

Но Юру не смутил окрик отца.

— Давай, папа, не придирайтесь. Суть в том, что вы с мамой — люди компромисса, а я, извини, воспитан на более высоких образцах.

— Кто же это тебя воспитал?

— Ты и мама. Сеяли разумное, доброе, вечное, и, представьте, посеяли, хотя сами иногда изменяли тому, что проповедовали.

— Объяснись.

— Я это и делаю. Вы росли и формировались в годы, когда слова часто расходились с делами

Анна Григорьевна обиделась за мужа.

— А ты знаешь, что в те годы твой отец еле уцелел?

— Однако уцелел? И если не пострадал, так не из — за того, что был несозвучен эпохе, а скорей из — за того, что все — таки был созвучен

— Ты обвиняешь отца?

— И не думаю. Просто он продукт своего времени.

— Как ты сказал?

— А я продукт своего.

— И, конечно, ты более совершенный продукт?

— Как это для вас ни прискорбно.

— Знаешь, твое
самодовольство

— Не самодовольство, а историческая закономерность. Разве мы живем не в лучшие времена?

— Но ты — то чем лучше папы?

— Верностью принципам.

— Что же это за принципы?

— Коммунистические!

— Мы уклонились от непосредственной темы разговора, — вернул я своих собеседников к конкретному предмету спора. — Мне тоже думается, что Юре не стоит так легко отмахиваться от университета.

Юра одарил меня убийственным взглядом.

— Закончим, — сказал он, оставляя за собой последнее слово. — Меня вы не переубедите, а если не перестанете, я попытаюсь получить койку в общежитии.

Разговор не слишком приятный! Резкости говорили обе

стороны, но особенно резок был Юра

Филистер посчитал бы спор сына с родителями явлением негативным: отцы и дети! Столкновение поколений!

А я так не считаю, это был полезный разговор, в нем содержалось положительное начало, такой разговор закономерен, он должен, должен был возникнуть по тому или иному поводу.

Мало сказать, что я знаком с Зарубиными, я знаю Сергея Петровича и Анну Григорьевну, они превосходные люди, умные, честные, отзывчивые, иначе они не смогли бы воспитать Юру таким, какой он есть.

Прямолинейность Юры может производить неприятное впечатление, а кое — кто, возможно, назовет ее невоспитанностью. Но воспитанность — понятие условное. Когда — то воспитанностью называлось умение скрывать свои мысли и делать вид, что уважаешь людей, которых заведомо не уважаешь. Что поделать, если старшие Зарубины выросли в обществе, несвободном от ложных понятий. А Юре это не нужно. Ему не нужно притворяться, он хочет не уживаться, а жить с людьми, это разные вещи.

Слишком много хорошего вложено в Юру его же родителями, школой, комсомолом, всем нашим обществом, чтобы требовать от него каких — то компромиссов. Для Юры благополучие душевное важнее благополучия материального, для него важнее слышать голос своей совести, чем внимать сентенциям о вреде табака, от кого бы они ни исходили.

Будь самим собой!

Только это я и могу пожелать Юре, и его счастье, что он живет в обществе, которое может позволить людям быть самими собой.

А то, что он повздорил с родителями? Что ж, не всегда можно обойтись без этого, индивидуальности не только притираются друг к другу, но и сталкиваются.

Зарубины — хорошие люди, и я не сомневался, что старые и молодые Зарубины в конце концов обретут взаимопонимание.

Вскоре после разговора с родителями Юра вновь появился у меня.

Он точно повзрослел, даже шаг его стал размашистее и тверже.

— Советовались?

— Советовался.

— Можно? — Он придвинул стул и сел против меня с таким видом, точно пришел на урок. — Слушаю.

Но я не торопился.

— А как дома?

— Смирились. Как и следовало ожидать. Пригрозил, что уйду в общежитие. Мама даже пришла ко мне ночью. Плакала. Жаловалась на сердце. Она на самом деле страдает стенокардией. Твердила о призвании ученого. «Когда — нибудь ты поймешь, пожалеешь». Но я не мог. Вы понимаете, я не мог сдать

Я понимал. Впервые в жизни Юра вступил в борьбу за то, что называется идеалами. Мать твердила о призвании ученого, а сын, сам того отчетливо не сознавая, ощущал призвание быть человеком.

— Где — то я промазал в своих поисках

Мне припомнилась ироническая улыбка в глазах моего друга.

— Знаете, я посоветовался с одним человеком. Если иметь в виду технику раскрытия преступлений, сказал он, для начинающего ваш Юра действовал совсем не плохо.

Но все это на уровне Шерлока Холмса. Ваш подопечный начитался приключенческой литературы.

Тут Юра сделал движение, желая меня прервать.

— Знаю, знаю, — продолжал я. — Вы не поклонник детективов, но я передаю то, что услышал. Чем вызвано наше неуважение к детективным произведениям, как бы ни были они хороши? Тем, что их авторы недостаточно исследуют человеческие характеры. Холмс умен, образован, квалифицирован, но не умеет проникать в тайны человеческой психики. А когда уголовное дело исследует большой художник, он неизбежно выходит за пределы жанра и

создает подлинное произведение искусства. В этом и заключается разница между Достоевским и Конан Дойлом.

Юра попытался возразить:

— Однако преступления все — таки чаще раскрывают Конан Дойлы, нежели Достоевские?

— Обыденные преступления. Карманные кражи. Чтобы схватить человека за руку, не требуется знать его характер. Вы пошли по облегченному пути.

— Я сделал все, что в моих силах

— Подождите. Это не мои слова. Вы хорошо действовали. Заподозрили Щеточкину, узнали адреса, обратились за помощью в милицию. Все правильно, за исключением того, что вы исходили из неправильной предпосылки. Вы сами говорили, что не встречали девушки чище Тани, и приписали ей низменные побуждения.

Юра возмутился:

— Когда я так говорил?!

— Притон. Спекулянты. Жулики. Как могла с ними связаться Таня, если она такая, какой вы ее рисуете? Вы пошли по пути тривиального мышления. Произошло нарушение каких — то общепринятых норм, и вы сразу приписываете нарушителям самые низменные мотивы.

— Но ведь так всегда и бывает.

— А если они руководствовались возвышенными мотивами?

— Разве это возможно?

— Ничто дурное не способно увлечь Джульетту. Ее могут увлечь чувства, идеи. Может быть, ошибочные, но в своем роде красивые

— Непонятно

— Никогда еще борьба идей не достигала такого накала, как в

наше время. Думаете, нет честных идеалистов, честных капиталистов, даже честных королей? Мы — то знаем, что они обречены, но они ведь уверены в обратном! Выражаясь языком оперативных работников, вы правильно взяли след, но неправильно определили мотивы преступления. Вот причина вашей неудачи. Вы упустили из виду одно звено. Мой консультант сказал, что начинать надо было с того самого священника, к которому водила Таню Прасковья Семеновна.

Юра смотрел на меня со снисходительным сожалением:

— Неужели вы всерьез допускаете, что какой — то поп способен повлиять на современную девушку?

— Я ничего не утверждаю, но вы исследовали все обстоятельства, за исключением одного. А методика следствия требует, чтобы исследованы были все обстоятельства без исключения. Не забывайте, что психика девушки была травмирована. То, что вы рассказывали обо всех этих женщинах, об их поведении, дает мало оснований считать их обыкновенными аферистками

— Но ведь шайка спекулянтов — факт? Бандит, задержавший меня, — факт? Подозрительный притон в Ярославле — факт?

— Все эти факты могли пройти рядом и не задеть Тани

— Что же вы советуете?

— Начать с того, с чего начала Таня: познакомиться с отцом Николаем.

— Смешно!

Юра отошел к окну.

Он смотрит вниз, во двор шумного моего дома, и вся его поза выражает полное несогласие со мной.

— Что же вы будете делать?

Юра прошелся по комнате, остановился перед книжным шкафом, побарабанил по стеклу пальцами, повертел ключом в замочной скважине, повернулся.

— Искать отца Николая. Я мало верю, что это что — то даст, но послушаюсь, исследую и это обстоятельство.

ОТЕЦ НИКОЛАЙ

Не очень — то хотелось Юре разыскивать отца Николая. Он предубежден против всех священников на свете. Но и не идти нельзя. Может быть, именно у отца Николая он узнает подробности, которые помогут более точно определить, что произошло с Таней.

Начинать пришлось с Прасковьи Семеновны.

— Вы говорили, что ходили с Таней к какому — то священнику.

— Не к какому — то, а к отцу Николаю, он духовник мой

— Вот и я бы хотел

— Ты что, парень, смеешься?

— Вы знаете адрес?

— Тебе церковь али квартиру?

— Лучше квартиру

И вот Юра на лестничной площадке многоэтажного московского дома.

Под кнопкой звонка табличка: «Ивановой — 1 звонок.
Успенским — 2
Ципельзону — 5» «Что
это уж и за Ципельзон, — думает Юра, — который не может
обойтись меньше, чем пятью
звонками!» Позвонил.
Дверь открыл седенький человечек в толстовке, с чеховской
бородкой и длинными пегими волосами.

— Мне отца Николая.

— Проходите, пожалуйста.

Он ведет Юру в глубь квартиры.

Старомодная столовая. Тяжелый квадратный стол, стулья с

высокими спинками, буфет со стеклышками. Но за стеклышками не посуда, а книги. Много книг.

— Садитесь, пожалуйста.

Для верности Юра переспрашивает:

— Отец Николай?

В ответ вопрос:

— Вы — верующий?

— Честно говоря, нет.

— Так какой же я вам отец Николай? Николай Ильич

Молчание. Хозяин ждет, что скажет посетитель, а Юра не знает, как начать. Потом сразу пошли навстречу друг другу, отец Николай — снисходя к молодости посетителя, а Юра — видя его простоту.

— Я к вам по не совсем обычному делу. Я ищу одну девушку. Товарища по школе. Таню Сухареву. Говорят, она бывала у вас

— Русенькая? — Николай Ильич припоминает. — Тихонькая такая? Как же, как же, помню. Куда же она исчезла?

Юра всех попов считает обманщиками. Пользуются отсталостью людей. Но человек, сидящий перед ним, не похож на обманщика. Юра уловил это сразу. Отец Николай несколько не рисуется, и, хотя его профессия не вызывает уважения, что — то в нем располагает к себе. «С ним следует держаться поуважительнее, — думает Юра, — не я нужен ему, а он мне, иначе я ничего не добьюсь».

— Послушайте, Николай

Ильич

(Хочешь, чтоб тебя

звали по имени — отчеству?

Пожалуйста!) Вы хорошо помните Таню Сухареву?

— Таню

— Николай

Ильич задумывается. — Фамилию не помню

Русенькая? Была,

была. Заходила. Хорошая девушка. Раза три или четыре.

— Зачем?

— Она вам сказала обо мне?

— Мне сказала Прасковья Семеновна Жукова. Соседка Тани. Старушка. Санитарка. Сказала, что была с Таней у вас.

Прасковью Семеновну отец Николай признает сразу.

— Знаю, как же. Верующая женщина.

Юра не в силах удержаться:

— А вы сами верите?

— Верю. — Николай Ильич мягко улыбается, обманывать Юру ему нет надобности. — Без веры не живет ни один человек.

— Я лично живу без веры.

Николай Ильич смотрит Юре прямо в глаза.

— Тайна вашего рождения вам известна?

— Какая тайна?

— Вы верите, что человек, которого вы считаете своим отцом, действительно ваш отец?

— Я это знаю.

— Откуда?

— Я знаю своих родителей. Знаю отца, знаю мать, у меня нет сомнений в их порядочности.

— Сомневаются, когда не верят. Тайна рождения известна только отцу и матери, да и то не всегда. А уж самому ребенку не известна никак. Он не знает, но верит.

— Чего же стоит вера, которая все подвергает сомнению?

— Наоборот, вера исключает сомнения.

— Сомнения исключают знание.

— Знание и вера сосуществуют, но знание ограничено, а вера бесконечна

Они отвлеклись от непосредственной темы разговора.

— Я не философ, но в школе нас знакомили с историческим материализмом. Бесконечен мир и бесконечно познание мира, а вы все то, что еще не познано, называете верой.

Однако Николай Ильич уклоняется от спора.

— О вере нельзя спорить. Знание рационально, а вера скорее область чувственного, вера иррациональна, она ближе к искусству. Вот вы слушаете музыку, она волнует вас, но разве вы сможете объяснить, почему она вас волнует?

— Какая же музыка волновала Таню?

— Она искала утешения.

— В чем?

— Таня мне не исповедовалась, а если бы исповедовалась, я бы не сказал. Священники дают обет не нарушать тайну исповеди.

— И нарушают.

— Дурные пастыри. — Он сказал это убежденно, с чувством собственного превосходства. — В человеке сильна потребность открыться Кому? Люди легко осуждают и с трудом прощают. Один бог все поймет и простит. А священник лишь посредник между человеком и богом.

— Так какого же утешения искала Таня?

— Хотела утвердить свою веру в того, в ком мы находим спасение.

— И вы утвердили?

— По мере своих сил

Нет, он не

притворяется
Юрой, кажется, действительно верующий священник.

Перед

Вот она — вторая тайна, на которую намекала Таня!
Оказывается, она ходила в церковь, встречалась с попами. Вот на чем зиждилась ее дружба с Прасковьей Семеновной!

Тут в комнате появилась женщина. В сереньком платье, невысокого роста, с тронутыми сединой волосами.

Кивком головы поздоровалась с посетителем, вопросительно взглянула на Николая Ильича.

— Ты бы, Катенька, собрала нам чайку, — попросил тот. — Молодой человек не откажется.

Юра отказался.

— Собери, собери

Она вышла.

— Без нее я бы пропал, — доверительно признался Николай Ильич.

— Жена? — утвердительно спросил Юра.

— Сестра, — поправил Николай Ильич.

Тут Катенька очень кстати принесла стаканы с чаем, а Николай Ильич вернулся к тому, что непосредственно интересовало посетителя.

— Так что же хотите вы от меня?

— Таня ничего не говорила вам о своих намерениях?

— Советовалась, не уйти ли ей в монастырь.

— Разве сейчас есть монастыри?

— Есть. Но

Вероятно, вы учили. В старину монастыри были и политическими и экономическими организациями. А в наши дни
изжили себя.

Как говорится,

— И вы посоветовали?

— Отговаривал.

— Неужели Таня в монастыре?

— Не думаю. Но постараюсь узнать. Зайдите ко мне через недельку.

И Юра поверил, что Николай Ильич в самом деле постарается узнать.

— Спасибо. — Он вдруг спохватился, что так и не назвал себя.
— Вы так и не поинтересовались, кто я.

— А зачем? Я не любопытен, а вы не нашли нужным
представиться — мягко
ответил Николай Ильич. — Может быть, вы желаете сохранить свой
визит в тайне.

— Нет, почему же, — запальчиво возразил Юра. — У меня нет причин скрывать свой визит. Меня зовут Юрий, Юрий Зарубин, мы с Таней учились в одном классе.

ЗА ЧАШКОЙ ЧАЯ

Юра терпеливо выждал неделю.

Сделает что — нибудь или не сделает, раздумывал он об обещании священника. Узнает или не узнает? Священнослужители любят обещать то, что они просто не в силах дать, — такова уж их профессия. Они как страховые агенты, проценты собирают со всех, а вознаграждение получают немногие.

Он выбрал для посещения субботу, по вечерам в субботу обычно все дома.

Дважды нажал кнопку звонка. Никто не появился Юра позвонил еще раз. Безмолвие. Тогда Юра решил узнать, где Успенские. Позвоню — ка я Ципельзону, решил он. Раз, раз, раз
Пять звонков!
Пожалуйста — ка хоть вы сюда, неизвестный гражданин Ципельзон!

И тот пожаловал.

— Вам кого?

С пунцовым мясистым носом, с обвислыми синими губами, с ушами, из которых торчат пучки рыжих волос, в модном грубошерстном зеленом пиджаке Он довольно —
таки сердитый, этот Ципельзон, который любит, чтоб ему звонили пять раз!

— Простите за беспокойство, я к Успенским. Но у них

Ципельзон разглядывает Юру с доброжелательным любопытством.

— Заходите и проходите.

— Но я не знаю

— Вы поняли, молодой человек? Пройдите. У них не заперто.

— А откуда вам известно, что я не вор?

Ципельзон с состраданием посмотрел на юношу:

— Молодой человек! Еще не родился бандит, который вздумает обокрасть святого.

— А разве Успенский святой?

— Высшего ранга! Ни разу еще не поспорил ни с одним из жильцов. Ни из — за газа, ни из — за электричества. Уберет за вами ванную и сделает вид, что даже туда не заходил. Вызовет врача, а потом за свой счет купит вам медикаментов. Человек будущего общества, хотя и отсталых взглядов!

Юра добрался до знакомой двери. Действительно, не заперто. Горит лампа. Никого. Стол сервирован к чаю. Должно быть, Катенька заранее все приготовила. Кресло Николая Ильича со вмятиной на спинке от головы. Буфет с книгами. Что он читает, этот поп? Русские классики: Тургенев, Толстой, Достоевский, Чехов. Философы: Соловьев и Розанов, Шопенгауэр и Ницше. Гм! Ленин, Энгельс С таким держи
ухо остро!

Юра осторожно опустился в кресло хозяина. Не так чтобы

очень мягко. От обивки пахнет чем — то
затхлым

Первой явилась Катенька.

— Сидите, сидите. Коленька скоро придет. Он в церкви, служит
всенощную.

Непонятно это Юре. С одной стороны Толстой и Энгельс, с
другой — наряжается в ризу, размахивает кадилом и уверяет, что так
оно и должно быть!

Катенька то исчезает, то появляется. Насыпала в вазочку
печенья. Постояла. Помолчала. Подошла к гостю.

— Сидите, сидите. Хочу с вами поговорить. Лучше, если вы
поменьше будете к нам ходить.

Юра вскочил.

— Я могу хоть
сейчас

— Вы не поняли. Вы не мешаете нам. Боюсь, мы помешаем вам.

Юра гордо поднимает голову.

— Как так?

— Боюсь, вы недооцениваете моего
брата

— Катенька,
оказывается, не так проста, как могла показаться. — Николай Ильич
болен, смертельно болен, но у него сильный характер. И, на беду тех,
кто с ним общается, он безупречно честен. А ведь честность
подкупает людей.

Ого, как рассуждает!

— Чем же опасен Николай Ильич?

— Верю в бога. Хотите не хотите, он и вас приблизит к богу. У
вас неокрепший ум

— Ну, знаете ли, я материалист, — уверенно возражает Юра. —
Меня не так — то легко
сбить

— Но все — таки можно. А я думаю, что религия нынче молодым людям ни к чему.

— Разве вы не верите?

— Не знаю. Во всяком случае, не так, как Николай Ильич. Ему пришлось пережить побольше моего.

Вот тебе и Катенька!

— А вы не бойтесь за меня.

— Я не за вас, а за все ваше поколение. Слишком все легко вам дается. И веру, и отрицание бога надо принимать с большей серьезностью.

Грустная улыбка у Катеньки!

Юре даже стыдно за свою заносчивость.

— Не тревожьтесь за меня, — доверчиво говорит он седенькой женщине. — Я много читал. Я люблю искусство. Я атеист не потому, что кто — то сказал мне быть атеистом, а потому, что изучаю законы природы. Знание природы и религия несовместимы.

— Дай бог, дай бог, — торопливо соглашается его собеседница.
— Бегу! Чайник уже кипит

Вновь появляется она уже с Николаем Ильичом. Священник приветливо протягивает руку.

— Вот кто, оказывается, у нас в гостях

«Какой он маленький и несчастненький, — думает Юра. — Хорохорится, а сам скоро умрет!»

— Будем чай пить, — продолжает Николай Ильич. — Пришлось служить всенощную. Все молодые священники сегодня на совещании, а у отца Вениамина билеты в Художественный театр.

«Сделал он что — нибудь или не сделал? — думает Юра. — Или опять заговорит меня
»

Но священник не хочет томить юношу.

— Я навел справки. Ни в какой монастырь ваша Таня не поступала.

— А как вы это узнали? — Юре нужно это знать наверняка. — Не сердитесь, но я хочу быть уверен

— Знакомства, — добродушно объясняет Николай Ильич. — Не значит такой.

— Разве монахи где — нибудь значатся?

— Разумеется. Учет в церкви поставлен не хуже, чем в любом учреждении.

— Как смешно, — сказал Юра. — Отдел кадров при церкви!

— А как же иначе? В отдельном храме священнослужителей не так уж много, но вообще у церкви обширные кадры.

— И даже монахи учтены?

— Конечно. Так что это уж точно: Сухаревой Татьяны нет ни в одном православном монастыре.

— В общем, я и сам так думал, — задумчиво признается Юра. — Для нее это недостаточно романтично.

— О какой романтике вы говорите?

— Она не из тех, кто бежит в церковь между делом. Если уж отдается чему, так с полной самоотдачей. Тайна и самопожертвование — вот что ее может увлечь.

— Вы хотите сказать, ей нужны внешние атрибуты? Детское восприятие!

— Все религии рассчитаны на детский возраст человечества.

— Не меряйте их на один аршин. Есть примитивные религии, возникшие как следствие страха перед природой, а христианская религия — это целая философия

Екатерина Ильинична разлила чай, пододвинула гостю чашку.

Все как у добрых знакомых. Оранжевая чашка с золотым ободочком. Печенье, конфеты, сахар. Очень приветливое чаепитие.

Мирно и хорошо, подумал Юра. А на самом деле не так — то уж мирно и не так хорошо. Ничего, конечно, нет страшного в том, что какой — то комсомолец чаевничает с каким — то попом, — страшно то, что вот такой же, совершенно такой же комсомолец может поддаться проповеди такого попа, в чем — то согласиться, поколебаться, уступить
А там пошло и пошло!

Есть в этом обходительном Николае Ильиче что — то привлекательное, он умный, добрый, ненавязчивый. И Юра вдруг ощутил опасность, точно просачивающуюся из пор его собеседника:
умен и хитер, добр
и прилипчив, ненавязчив
и въедлив. Такие способны повести за собой! Покорит добротой, уведет от борьбы, от любой борьбы

Добрый боженька куда как опаснее злого бога, люди привыкли к злу и научились сопротивляться злу, а с добротой труднее справиться, чем с жестокостью.

Чай чаем, но Юра чувствовал, даже, возможно, понимал, что за этим чаем, за этим столом он находится в состоянии борьбы.

И есть даже очевидцы этой борьбы в лице седенькой Катеньки, которая сочувствует Юре и не может не любить брата!

Николай Ильич обхватил ладонями чашку.

— Что же вы собираетесь делать?

— Искать.

— А не разумнее ли предоставить девушку своей судьбе?

— То есть как предоставить судьбе?

— Она ищет бога, и не надо ей мешать в поисках.

— А если она погибнет?

— Вы не думаете о душе.

— Хотел бы я видеть хоть одну душу без тела!

— Вы не хотите понять: над нынешней юдолью плача имеется еще другой, небесный мир, который возвышается над этим и в котором мы хотим и можем спастись.

Юра упрямо поджимает губы.

— Я верю в опыт, и не только в свой, конечно, а в опыт всего человечества.

Николай Ильич подходит к буфету и роется в книгах.

— Вы кем готовитесь быть?

— Химиком. Лично меня увлекает органическая химия.

— Короче, естественник? — Николай Ильич раскрывает книгу.
— Позвольте, я вам прочту

— Какую —нибудь богословскую софистику?

— "Существует невещественный Бог, живой, мудрый, вездесущий, который в бесконечном пространстве, как бы в своем чувствилище, видит все вещи сами в себе"

— Надо, чтобы их видел я!

— Не согласны?

— Нет.

— А ведь это Ньютон. Величайший естествоиспытатель. Вам не приходилось читать его теологические сочинения?

— Меня они мало интересуют. Ньютон жив в нашей памяти своими естественнонаучными достижениями.

— И тем, и другим. Наука и религия не противоречат друг другу, они нуждаются во взаимном дополнении.

— Чем же они дополняют друг друга?

— В области познания физической природы доминирует наука, но в нравственной области разум уступает место характеру и познание — вере.

— В этом нам с вами не столкнуться: вы считаете источником познания свойства нашего ума, а я — объективные закономерности природы.

— Ах, милый человек! Чтобы достичь высшей премудрости, нельзя ограничиваться скудным запасом знаний, который предоставляет в наше распоряжение житейский опыт

Он опасный человек, этот просвещенный поп, но Юра не поддается его софизмам и, чем лучше понимает хитроумность своего противника, тем большую тревогу испытывает за Таню.

Доброта, доброжелательность,
терпимость
Ципельзон
хвалит своего соседа по квартире. Конечно, с Успенскими легко жить, с ними не поссоришься, они уступчивы, не мелочны, даже великодушны, всегда готовы сбегать для больного соседа за лекарством в аптеку, ни один хрупкий и жалостливый обыватель ни в чем не осудит Николая Ильича.

Юра и читал, и слышал о попах — стяжателях, о попах — развратниках
Таких
разоблачить просто! Попробуй кто проявить к Тане нечистоплотный интерес — она сама даст такому отпор. Мерзость легче раскрывается перед людьми, чем одетая в нарядные одежды тонкая духовная проповедь. Такие, как отец Николай, не торопятся обращать людей к богу, дают им время подумать, погрузиться в себя, исподволь затягивают в лабиринт сомнений и неразрешимых вопросов, каждому предоставляют возможность самостоятельно искать бога
Вот чем опасен этот
незлобивый и честный священник!

— Вы опасный человек, Николай Ильич, — откровенно признается Юра. — Опасный тем, что под религиозные понятия пытаетесь подвести научную основу.

— Бог создал меня по своему подобию, — возражает Николай Ильич. — Поэтому человеку свойственно мыслить.

— Вы и погубили Таню, убедив ее в существовании бога.

— Я же не гибну от этого?

— Вы натура уравновешенная. А Таня слишком эмоциональна.

Да, Николай Ильич противник крайностей! Не надо, мол, противопоставлять себя обществу, в него надо проникать исподволь, тише едешь — дальше будешь

— Но ведь с ней еще ничего не случилось?

— Случилось!

Николай Ильич с опаской взглянул на Юру.

— Связалась с какими — то странными людьми, подпала под их влияние

— Расскажите.

В голосе Николая Ильича звучит даже требовательность.

И Юра со всей своей непосредственностью откровенно поведал священнику о своих приключениях: о Щеточкиной, о Раисе, о Бескудникове, о поездке в Ярославль

— Все это гораздо серьезнее, чем вы даже думаете, — задумчиво произносит Николай Ильич. — Прасковья — то Семеновна что говорит? Куда ушла Таня?

— Ничего не говорит. Говорит — в странство.

— Какое странство?

— Ну, на богомолье.

Николай Ильич даже подался вперед.

— Вы сказали: странство.

— Богомолье, странство
придирайтесь к словам. В общем, ушла искать бога.

Не

Но Николай Ильич как — то особенно насторожился.

— Подождите, Вопрос мой серьезнее, чем вам кажется. Откуда взяли вы это слово?

— От Прасковьи Семеновны.

— А она откуда?

— Что — то в этом роде сказала Таня, когда прощалась с ней.

Николай Ильич помрачнел.

— Вы даже не представляете, как много сказала она этим словом. Этим термином пользуются лишь в одной секте

— Дело не в терминах.

— Да это та самая вешка, которая показывает, куда ушла Таня! Вы слышали что — нибудь о бегунах?

— Не помню, может, и читал

— Это одна из самых опасных ересей. Бегуны, скрытники. Теперь они зовутся — истинно — православные христиане странствующие

Николай Ильич всерьез взволновался. Он и чашку отодвинул, и стул; любит сидеть, а тут принялся ходить; всегда бледен, а тут порозовел

Встал и Юра.

— Почему вы думаете, что Таня попала именно в эту секту?

— Вы сами сказали — ушла в странство. Вступают в секту и уходят в странство.

— Зачем?

— Искать бога, молиться! — Николай Ильич даже всплеснул руками. — Этакая доморощенная российская мистика. Скрываются от людей, истощают себя, молитвами доводят себя до одурения

— Он подошел

к сестре: — Что делать?

Катенька укоризненно посмотрела на брата:

— Ах, Коля

— Что Коля? — с тревогой переспросил Николай Ильич. — Ну, что?

— Может быть, вообще не нужно
заниматься
бросила на Юру виноватый взгляд, —

— тут она

богоискательством.

Молодежи и без того хватает
забот

— Замолчи! — с досадой оборвал ее Николай Ильич. — Нельзя сравнивать христианскую философию со всякими извращениями!

На мгновение все замолчали, стало слышно, как где-то за стеной бодро тараторит громкоговоритель.

Николай Ильич приблизился к Юре.

— Таню надо спасти! Надо спасти! — нервно повторил он несколько раз. — Ее нельзя оставлять в плену у этих фанатиков. Что вы будете делать?

— Искать, — насмешливо проговорил Юра. — Я уже сказал.

— Не так это просто, на то они и скрытники! — воскликнул Николай Ильич. — Придется потратить много времени, много труда

— Это меня не пугает, — спокойно сказал Юра. — Вы — то чего волнуетесь?

— Как же не волноваться? — воскликнул Николай Ильич. — Вырвать ее надо из этой ереси! Я же говорю — фанатики! Они до того ослеплены ненавистью ко всему новому, что готовы весь мир ввергнуть в междоусобную войну, ни с чем не хотят мириться

— Полагаете, ваш бог лучше?

— Я не хочу сейчас спорить, я хочу вам помочь, — строго

произнес Николай Ильич. — Поиски будут хлопотны

и

обременительны

— Он

полез в карман, протянул Юре деньги: — Хочу помочь. Тут двести рублей. Вчера получил жалованье. Найду еще

На этот раз порозовел Юра:

— Зачем это?

— Но я действительно хочу

помочь

— Николай Ильич

и стеснялся и настаивал. — Расходы будут обременительны, и моя совесть

Он действительно добр, но одновременно и суетлив, и жалок, этот неожиданно растерявшийся попик, и Юра вдруг почувствовал к нему легкое презрение.

— Спасибо

— Он

отстранил деньги, — Обойдусь без вашей субсидии.

— Но почему?

— Потому что вы же во всем виноваты, а теперь собираетесь ее спасти!

Николай Ильич вздернул кверху бородку:

— При чем тут я?

— Объясню, — произнес Юра нравоучительным тоном. — Ведь это вы убеждали ее в существовании бога. Регулярно предлагали по рюмочке винца, а когда втянули в пьянство, собираетесь спасти

Нет уж! — Юра с

ненавистью посмотрел на поповские деньги. — Как —нибудь обойдемся без вас!

Он вспылал, не мог не вспылить, позже он осуждал себя за вспышку, но Юру всегда возмущало лицемерие.

— Извините, — сказал он, стараясь говорить как можно спокойнее. — Я признателен вам за хлопоты, за советы, за консультацию, но дальше я уж как —нибудь сам. Ни бегство от людей, ни смирение перед горем не помогли еще ни одному

человеку!

От Юры я и услышал о его встречах с Николаем Ильичом Успенским.

— Человек субъективно хороший, но что из того, если он служит плохому делу? Ведь это он, он толкнул Таню к религии. И дело, в конце концов, не в том, к кому она потянулась — к православным или к этим, как он их называет, бегунам. Дело в ином. Она бежала от жизни, бежала в придуманный, призрачный мир. В этом ее беда

— Однако отец Николай помог выяснить подоплеку ее исчезновения.

— И он, и вы. Все помогли в оценке фактов.

— Что же вы собираетесь делать?

— Искать. Еще не знаю как, но искать. Не успокоюсь, пока не найду. Мне понятно, что это не просто. Зимой я, вероятно, проведу в Москве. Буду работать и
готовиться к странству!
Поднакоплю денег, а
весной

В его голосе звучала удивительная уверенность в успехе.

СОСЕДКА

Тем временем, покуда Юра метался в поисках Тани, с ней происходило вот что.

До встречи в Третьяковке Таня почти не замечала Юру. Она вообще не слишком — то обращала внимание на мальчишек. А тут, перед Нестеровым Тот — и не тот!

Юра открыл глаза, и Таня вошла в него: вот ты, оказывается, какой, мы одинаково видим с тобой прелесть жизни, прелесть этой картины, прелесть просветленного познания мира

Таня не помнила, о чем они говорили, возвращаясь домой, но только все, что говорил Юра, было умно, интересно и необыкновенно понятно, и она искренне сказала на прощание:

— Знаешь, Юра, ты удивительный!

Они стали встречаться. Почему — то ей было немного стыдно. Встречи были их тайной. Они ходили в театр, а перед этим Таня прочла ужасную книгу про Марию Стюарт, и в театре она сказала какую — то глупость, и от стеснения, прощаясь, позволила себя поцеловать и сама поцеловала Юру. И даже ходила в кафе, и пили вино, и танцевали, а потом мама била ее по щекам, и Таня думала, что все перенесет, все перенесет ради Юры.

И вдруг все рухнуло, оказалось, что Юра такой же, как все. Даже не как все, а хуже, хуже

Отчаяние Тани было безмерно. Мама права. Мама права, говоря, что мужчины только и думают, как бы обмануть
обмануть,
опозорить и надсмеяться! Правильно мама била ее по щекам. Так мне и надо! Так мне и надо
Все. Все. Конец.

Правильно говорила Прасковья Семеновна: людям верить нельзя, верить можно только богу

Мама тоже не говорит, что бога нет. Но в церковь не ходит. Занята. Фабрика, дом,
дочь
Некогда. Она вообще никогда не заставляла Таню молиться. Понимает: иное время и люди иные. Дети становятся пионерами, комсомольцами. Не надо им путать жизнь.

Только Прасковья Семеновна не согласна со своей соседкой. Нет — нет да и прихватит Танюшку с собой в церковь. «Пойдем, посмотришь,
послушаешь
»

Сперва Таня больше ходила для развлечения. Мать отпускала ее с Прасковьей Семеновной — «пойди, погуляй». Таня не говорила, что идет в церковь, ей нравилась игра в тайну. Сперва ее забавляло, что она молится богу по секрету от мамы, потом привыкла. Игра в тайну приучила к скрытности. Постепенно игра завлекла, стала потребностью.

Обида на Юру заставила вспомнить о церкви.

Первое ее сильное
чувство
Юру, и вдруг все
заколебалось!

Она так верила в

Ужас и отчаяние овладели
ею

Она потянулась за
утешением. Больше она не взглянет на Юру. Больше не взглянет ни

на одного мальчишку. Надо куда — то
кинуться

Куда? В ней

вдруг стало нарастать религиозное чувство, потянуло к
богу

Где он? Какой он?

Она стала всматриваться.

Икона

Еще вчера это

было нарисованное привычное лицо. Но она стремится проникнуть
глубже, дальше. Оно живет

теперь

Господи! Господи

Иисусе Христе

Правильно говорят. Он один никогда не обманет, не
обидит

Тихий,

благостный. Вечное молчание. Вечное доброе молчание.

Дома Таня молчала. В школе приходилось еще разговаривать,
задавали вопросы учителя, обращались одноклассники, а дома
молчала, очень уж у нее было подавленное настроение.

Даже мать заметила, что с Таней что — то творится.

— Что это ты такая?

— Какая такая?

— Точно не в себе.

— Я в себе.

— Будто не вижу.

Тут Таня расплакалась, не выдержала и расплакалась перед
матерью.

— Да что с тобой?

— Просто все надоело.

— Обидел тебя кто?

— Обидели. В школе.

— Ну, в школе пустяки. Не обидели бы где в другом месте.

Замолчали. Каждая думала о своем. Мать стерла с окна пыль. Сходила в кухню, вымыла ботинки. Вернулась, взялась подрубать новую простыню. Она никогда не сидела без дела. Таня тоже села за стол, достала из портфеля учебники

Вдруг она почувствовала, что мать смотрит на нее.

— Ты что? — спросила Таня.

— Уж если не хочешь со мной поделиться, — сказала мать, — сходи в церковь, помолись, может, и полегчает

Если бы Таню спросили, религиозна ли ее мать, она затруднилась бы ответить. Называет себя верующей, хотя с богом у нее своеобразные отношения. Она обращается с богом примерно так, как африканцы обращаются со своими божками: все хорошо — идола мажут маслом и ставят на почетное место, а если плохо и молитвы не помогают — хозяин поворачивает божка спиной кверху и задает ему порку. Мать обращается к богу, когда ей надо на что — то пожаловаться или чего — то попросить, она разговаривает с богом, как жена с мужем: дай то — то или купи то — то, хотя бог обычно ведет себя как скупой и равнодушный супруг: ничего не обещает и ничего не дарит. Сохранять ему верность помогает привычка. Лучше безвредный бог, чем новые непроверенные Друзья.

Однако бог — то бог, но от бога ничего не услышишь, а мать может и посоветовать, и поддержать.

— Меня обманули, — осмелев, говорит Таня и опускает голову.

— Как это обманули?

— Ну

Один мальчик.

Из нашей школы произносит Таня шепотом. — Думала, любит, а он

— А он?

Точно стекло разбилось. Таня поднимает голову, Мать бледнее, чем простыня на ее коленях.

— Что с тобой, мамочка?

— Что он тебе сделал?

— Ничего.

— Что он тебе сделал?

— Да, право же, ничего.

В голосе матери истерические нотки.

— Что вы с ним делали?

Голос матери дрожит.

— Да ты что, мама?

Ну, разговаривали
раз
опускает голову. — Один
раз

Один
— Таня опять
поцеловал он меня.

Лицо матери багровеет.

— Дрянь! — произносит она негромко, но выразительно. — Я
тебя растила, берегла, а
ты
управу! В школу пойду! Пусть узнают, какая ты! Пусть обоих
пристыдят

Я найду на тебя

— Мама!

— Теперь мама, да? Я и учителей
пристыжу
вами!

Смотрят они за

— Мамочка!

— Уйди! Уйди от меня! А то опять заработаешь! Видеть тебя
сейчас не могу!

Таня знала: румянец на щеках матери — признак гнева. Лучше уйти.

Вышла в коридор, прижалась лицом к стене, заплакала.
Неужели мать в самом деле пойдет в школу

Страшно подумать!

— Ты что, Танечка?

Душевная женщина Прасковья Семеновна. Ни с кем никогда не ссорится. Достатки ее невелики — работает санитаркой в больнице, а всем готова помочь.

— Мать, что ли, обидела?

Обнимает Таню за плечи и ведет к себе.

Вся комната у нее загромождена ящичками, коробочками и футлярами из — под каких — то загадочных вещей.

— Садись, милоч, на кровать. Дать тебе апельсин? Меня один больной угостил.

Говорит, как водичка льется, утешительно журчит голосок.

— Мать, что ли, обидела? — переспрашивает Прасковья Семеновна.

— Да нет, просто так. Неприятности.

— А ты перекрестись, — советует Прасковья Семеновна. — Сразу полегчает.

Таня улыбается и крестится, больше в угоду доброй Прасковье Семеновне.

— Вот и хорошо

Прасковья Семеновна облегченно вздыхает.

— Не с кем посоветоваться, — жалуется Таня. — К маме не подступиться

— А ты с учителями.

— Что вы!

— Или с подругами.

— Не могу.

— И правда, какой от них толк, такие же
девчонки — Добрая
женщина задумывается. — Хочешь, сведу к одному человеку?
Большого ума мужчина. К нему многие ходят. И поприветит, и
присоветует

— Кто это?

— Духовник мой. Отец Николай. Я к нему шестой год хожу к
исповеди, всем священникам священник — простой, добрый,
уважительный

— А мне он зачем?

— Ты послушай пойдешь, это не театр, денег он с людей не
берет

Мать тоже советует сходить в церковь. Но о чем можно
говорить со священником?

А Прасковья Семеновна все журчит и журчит:

— Ни о чем я тебя не спрашиваю, мне, старой дуре, не
разобраться, а этот и просветит, и
наставит

Журчит, журчит, и Таня начинает думать, что она ничего не
потеряет, отчего бы и не пойти, может, она и говорить с этим отцом
Николаем не станет, а вдруг впрямь умный человек, сумеет
утешить

— Хорошо, — соглашается Таня.

— Ах ты голубка моя! — восклицает Прасковья Семеновна. —
Это бог наставил тебя!

УТВЕРЖДЕНИЕ В ВЕРЕ

Уговорились пойти в воскресенье. Не слишком рано, после
двенадцати, когда отойдет обедня. Прасковья Семеновна заранее
условились со священником.

Шли быстро, будто на работу. Свернули в подъезд старого многоэтажного дома.

— Разве не в церковь?

— Зачем? Поговоришь на спокойе, без лишних глаз

Дверь им открыла пожилая женщина, почти старушка. Кивнула Прасковье Семеновне, знала, должно быть, о посещении, повела за собой.

Таня шепотом спросила Прасковью Семеновну:

— Жена?

— Сестра.

Таня не очень — то рассматривает комнату. Все ее внимание поглощено человеком, к которому они пришли. Умный или так себе? Добрый или только притворяется добрым? Старенький и простой. Это увидела сразу. Чем — то похож на доктора, который лечил ее, когда она болела корью, и чем — то не похожий ни на кого.

Прасковья Семеновна подошла под благословение.

— Благословите, батюшка.

Он наскоро ее перекрестил и торопливо отдернул руку, точно стеснялся Тани.

— С чем пожаловали?

Указал посетительницам на стулья.

— Да вот, привела к вам девушку.

— На предмет чего?

— Для назидания.

Отец Николай усмехается:

— В каком же назидании
нуждается

Вас как зовут?

— Таня.

Таня не выдерживает:

— Вот мне говорят: молись, молись, а я даже не знаю

— Есть ли бог?

Отец Николай угадал. Этот вопрос часто задают, и он неизменно отвечает — есть. Но когда речь заходила о доказательствах, отец Николай не столько прибегал к доводам рассудка, сколько обращался к чувствам собеседника.

Он и на этот раз не пытался ответить, указал Тане на кресло, подал ей книжку:

— Почитайте. Евангелие. Не торопитесь. Поразмыслите. И о нем, и о себе

Раскрыл книжку, отошел. Вполголоса говорил с Прасковьей Семеновной. Потом голоса смолкли. Таня выглянула из — за спинки кресла — никого. Ее оставили одну.

Священник раскрыл перед ней Евангелие от Матфея. «От Матфея святое благовествование». Главу, где повествуется о мучениях и казни Христа. Таня принялась читать. Поначалу медленно, отвлекаясь мыслями к себе. Но постепенно фабула ее увлекла. Она стала обращать внимание на отдельные выражения, и ее по отношению к самой себе охватила ирония — что у нее за страдания в сравнении с муками, выпавшими на долю этого человека! «Плевали ему в лицо и заушали его, другие же ударили его по ланитам
» Таня опять подумала: есть ли бог? Ведь в Евангелии речь идет о сыне человеческом! Но мог ли выдержать все это человек, если бы не был богом?

Книжка увлекала все больше, вдохновение, с каким она написана, покоряло все сильнее, все казалось таким же поэтичным, убедительным и достоверным, как в сказках Андерсена. Сказки ведь для того и существуют, чтобы находить в них утешение.

Таня до того увлеклась, что не заметила, как в комнату вернулся отец Николай.

Она вздрогнула, когда он звякнул чашкою у буфета.

— Простите
вскочила, — Я
задерживаю

— Таня

— Ну как? — спросил он. — Есть бог или нет?

— Должно быть, есть, — несмело призналась Таня. — Потому что человек не способен вынести такую жестокую муку.

Все нравилось Тане у отца Николая, и прежде всего сам отец Николай. Немало плохого слышала она о попах.

Стяжатели, пьяницы, мздоимцы, сластолюбцы, развратники и прежде всего обманщики: служат богу, в которого сами не верят. Но отец Николай чужд этих грехов. Он прост, скромн, воздержан в еде и питье, равнодушен к деньгам и к женщинам и действительно верит в бога. Живет вместе с сестрой, еле — еле сводит концы с концами: сестра работает где — то бухгалтером, оклад отца Николая больше, но он охотно помогает всем, кто к нему обращается. На самом деле выполняет заповедь любить ближнего, как самого себя.

Таня пришла второй раз, третий. Ее приветливо встречали. Отец Николай ни в чем не убеждал, не расспрашивал. Таня сама рассказала о своем детском горе, о том, что все люди какие — то чужие друг другу, все сторонятся ее, и сама она не очень — то к ним стремится.

Она приходила к доброму, умному и расположенному к ней пожилому человеку, получала книгу, полную намеков и обещаний, читала Евангелие, погружалась в мир сложных иносказаний, и растревоженное воображение уносило ее из мира, который жил, действовал и буйствовал вокруг нее, в таинственный мир собственной души

Наступает вечер. За окнами еще светло, а в комнате сумерки. Читать трудно. Таня закрывает книжку и взглядом ищет отца Николая. Он сидит напротив, в старом высоком кресле, закрыв глаза, откинув голову на продавленную спинку. Ему надо идти служить всенощную, но он все чаще и чаще пропускает службы, уступает место молодым, энергичным и деловитым своим коллегам, все чаще жалуется на сердце, подобно Тане, все чаще остается наедине с самим собой.

Таня всматривается в отца Николая, и ей становится страшно. Уж не умер ли он, пугается она, такой он неподвижный и бледный.

— Отец Николай! — зовет она шепотом.

— А? Что? — откликается он, как бы приходя в себя.

— Я вас разбудила?

— Я не спал

И между ними начинается разговор, который так важен, так бесконечно важен для Тани.

— Я хочу вас спросить: вы всегда верили в бога?

— Конечно.

— Прямо с самых детских лет?

— Вера, конечно, углублялась, совершенствовалась

— Вы еще в молодости стали священником?

— Видишь ли, Таня, я ведь из духовенства, священство в нашей семье наследственная профессия, меня с детства готовили к нему. Но, конечно, и я прошел сложный путь к постижению бога. Колебался, даже не верил, намеревался стать врачом. Но не захотел огорчить отца и пошел в семинарию. Верил и не верил, сомневался и служил
До какой — то степени тянул служебную лямку. Но людей не обманывал, всегда верил, что христианская религия укрепляет нравственность, что православные обряды дисциплинируют человеческую душу. Поэтому служил. Хотя
Хотя
временами и сомневался.

— А сейчас?

— Верю.

— Значит, вас тоже что — то толкнуло?

— Как тебе сказать

Однажды меня арестовали. Обвинили в том, что веду антисоветскую агитацию

— А на самом деле?

— Я не вел ее.

— А потом?

— Попал в исправительно — трудовой лагерь. По правде сказать, там было несладко. Тяжелый труд, голод, жестокое обращение. Среди начальства и там попадались добрые люди, но жестокое обращение предписывалось сверху. Люди опускались, подличали, предавали друг друга. Сохранился я там лишь с помощью веры, а верующих разделил бы на две категории: коммунистов и христиан. Потому что настоящие коммунисты тоже верили. Пусть по — своему, но верили в правду, в торжество справедливости. Они умирали, но не позволяли дурно говорить о своей власти, потому что и в лагерях Советская власть оставалась для них своей. Вот там — то я как бы заново постиг бога. Я бы погиб, если бы не верил в вечное спасение

— А что вы делали, чтобы спастись?

— Ждал. Верил: неправда погибнет и наступит торжество правды.

— А как приблизить торжество правды?

— Ждать.

— Тогда лучше умереть.

— Танечка, что ты! Это страшный грех перед господом. Мы не властны над своей жизнью

— Значит, мириться с неправдой?

— Приходится.

Что он говорит?

Добрый он, конечно. Но какой — то уж очень малоподвижный. Может быть, это возраст? Или характер? Или он сам не уверен
хочет задумываться
хочет!

Над этим Таня не
Не

Долго продолжается этот разговор. Тане так хочется понять, где же правда. Есть ли какой — нибудь смысл в той вере, о которой

говорит отец Николай. Но, видимо, постигнуть это не так просто.

Она встает.

— Прощайте.

— Когда зайдешь?

— Больше я к вам не приду.

— Что так?

— Уйду в монастырь.

— Ты убежишь оттуда, там приспособливаются к обстоятельствам еще больше, чем в миру.

— Я найду себе монастырь.

— Долго придется
искать

Да что же это такое? Сам отец Николай все подвергает сомнению в этом и есть его суть? Приспосабливаться, соглашаться нужны движение, жертвы, подвиг! Тане хочется противоречить бороться Наперекор маме. Всем наперекор.

А может быть,

А Тане

Наперекор Юре.

Она не подходит под благословение, как делала иногда, подражая Прасковье Семеновне.

— Прощайте.

— Господь с тобой.

Она уходит с теми же сомнениями, с какими пришла в этот дом

Тихо прикрывает дверь. Добрый человек отец Николай, но устал от борьбы. А может, и не боролся никогда. Все приемлет, со всем смиряется. Сама Таня хочет верить с такой силой, чтобы не вступать с собой ни в какие компромиссы.

— Пойдешь завтра к обедне?

— Нет.

— Отца Николая видела?

— Нет.

— Тебя что, опять твои комсомольцы перебороли?

— Нет.

— Да что ты, голуба моя, заладила? Все нет да нет!

— Неправильно все, Прасковья Семеновна.

— Что неправильно?

— Говорят одно, а делают другое.

— Да кто делает — то?

— Да хоть тот же отец Николай. Больше дома отсиживается, а в церкви заправляют ловкачи и хапуги.

— Это кого же ты называешь хапугами?

— Молодых попов. Я наблюдала. У них одно на уме: побольше получить, поскорей отслужить, скинуть рясу и — в гастроном

— Грех так говорить!

— Да ведь правда!

— Не нам судить
пастырей

— А я не сужу, я только кон — ста — ти — ру — ю.

КЕЛЬЯ

Таня охотно согласилась поехать с Прасковьей Семеновной на кладбище.

Мужа Прасковья Семеновна похоронила давно, но вспоминала

о нем постоянно. То — то случилось при Архипе Петровиче, то — то после него, то — то нравилось ему, то — то не нравилось. Архип Петрович оставался для Прасковьи Семеновны высшим, так сказать, судьей в оценке явлений жизни.

По дороге заехали в цветочный магазин. Прасковья Семеновна на свою зарплату живет в обрез, но для Архипа Петровича ничего не жаль, купила горшочек цикламенов.

На кладбище голо, пустынно. Апрельский ветерок подсушил дорожки, кое — где зеленеет ранняя травка, могилы и клумбочки обложены прошлогодним пожухлым дерном. Посетителей мало.

Дошли до кладбищенского захолустья, где ни купцов, ни статских советников, где сплошь невзрачные памятники и кресты, могилы последних десятилетий. Добрались до Архипа Петровича.

Деревянный заборчик синего цвета, ажурный чугунный крестик, купленный Прасковьей Семеновной у какого — то проходимца, вернее всего, позаимствованный продавцом с чьей — то заброшенной могилы, фотография в черной металлической рамке, веночек из жестяных листьев

Прасковья Семеновна принялась вкапывать в землю горшочек с цветком. Таня пошла побродить по сырым дорожкам. Грустно вокруг, а на душе еще грустнее. Прочитала надписи на памятниках, вернулась обратно.

Прасковья Семеновна замерла на скамеечке, лицо у нее отсутствующее, должно быть, молится, земля сырая, на коленях сейчас не постоишь.

Чтобы не потревожить ее, Таня опустилась на скамеечку по соседству, — молится и не молится, но тоже задумалась, не сразу поняла, что ее о чем — то спрашивают.

— Кого, девушка, похоронили?

Даже вздрогнула от неожиданности. Не заметила, как возле нее очутилась эта женщина. В сизом пальто. В клетчатом шерстяном платочке. Лет сорока. Лицо простое и какое — то очень участливое.

— Простите. Спрашиваю: кого похоронили?

— Не хоронила я

— Значит, еще хуже. Надежду похоронили. Обманул кто или обидел?

— Никто меня

— Очень уж вы туманная

Подошла Прасковья Семеновна:

— С кем это ты, Танюша?

Незнакомка встрепенулась:

— Это мама ваша?

— Нет, соседка, в одной квартире живем.

— Говорю, больно грустная ваша Таня. Думала, похоронила кого. Чего ж она сюда?

— Я на мужнину могилку, а Таня за компанию.

— И я к мужу. Рядом с вашим лежит.

Завязался общий разговор — об уходе за могилками, о мужьях — какие это были хорошие люди, как внимательны были к женам.

С кладбища поехали втроем. Незнакомка проводила новых знакомых до самого их дома.

— Очень мне Танюша понравилась, — сказала она на прощанье. — Только чего — то сильно печальна. Не иначе как на душе обида.

— Может, зайдете? — забеспокоилась Прасковья Семеновна. — Чайку сообразим

Незнакомка отказалась:

— Спасибо, тороплюсь, поздно.

И еще раз погладила Таню по руке:

— Ты, доченька, не ищи у людей правды, ищи у Него. Он никогда и никого не оставит ни в беде, ни в горе.

Бывают же такие случайности! Таня возвращалась из школы и у самого своего дома столкнулась с незнакомкой, с которой вчера разговорилась на кладбище.

— Танечка!

— А вы разве здесь

— Да не здесь, а была по делам. Как настроение?

— Ничего.

— Ничего — пустое место. Очень уж ты мне понравилась! Проводи меня.

Тане неудобно отказаться, женщина приветливая, да еще так ее хвалит.

Пошли по тротуару, опять говорила больше незнакомка, в душу к Тане не лезла, ничего не выпытывала, только вела себя так, точно все ей известно, уговаривала не расстраиваться, ласково утешала и лишь подчеркивала, что у людей помощи не найдешь, не оставит один бог.

А когда слова ее как — то обволокли Таню, она вдруг предложила поехать к ней, посидеть у нее дома.

— Отвезу — ка я тебя к себе, Танечка. Очень уж ты пришлась мне по душе. Узнаешь дорогу, будешь заходить, как взгрустнется

Не спрашивая согласия, повлекла Таню за руку, и не успела Таня подумать, ехать или не ехать, как очутилась в троллейбусе, а сойдя с троллейбуса, пошла уже с незнакомкой, как со старой знакомой.

А та назвала остановку, улицу, переулок, в который они свернули, и сказала, чтобы Таня запомнила и номер квартиры, и дом.

— Только других ко мне не приваживай, — предупредила новая знакомая. — Я всяких шалтай — болтай не люблю, я сразу разобралась, что в тебе божья душа.

А когда ввела Таню к себе в комнату, то и назвалась:

— Зовут меня Зинаида Васильевна, так ты меня и зови.

В комнате чисто, уютно, тихо, Большая кровать с горою взбитых подушек, комод, иконка в раме за стеклом, на подоконнике комнатные цветы — столетник, фуксия, лилия, на полу фикус под самый потолок, в углу на стене вешалка с одеждой, отрывной календарь, грамота

— За ударный труд, — без тени хвастовства пояснила хозяйка, заметив взгляд Тани. — На чулочной фабрике я работаю.

Вела себя свободно, непринужденно. Тане почудилось, будто бывала она в этой комнате много раз.

— Пойду чайник на газ поставлю

Ушла, надолго оставила Таню одну, Таня в одиночестве как — то еще больше привыкла к комнате. Вернулась с кипящим чайником.

— Не соскучилась? А я в булочную сбегала, конфеточек для тебя купила

Напоила Таню чаем, ухаживала за ней, как за дорогой гостьей, ни о чем не расспрашивала, наоборот, рассказывала о себе:

— Одна живу, совсем одна, раньше общая квартира была, да я отгородилась, прорубила отдельный вход. Муж у меня машинист был, попал в аварию, с тех пор у меня никого. Другие скучают, а я помолюсь — и все на месте. Хочешь, почитаю тебе?

Убрала со стола посуду, усадила гостью поудобнее, подложила под руку ей подушечку, зажгла настольную лампу, из комода достала книгу.

— "Кто ищет Христа, пусть тот вступит в странническую жизнь и ищет Его и действительно найдет Бога в сей жизни. Кто желает совершенства, пусть тот изберет странническую жизнь, в ней познает он путь к совершенству, в ней найдет совершенство. Очистится от скверн, освободится от всякого лукавства, облечется в сокрушение и смирение. Кто хочет преуспеть, тот должен учиться сему вне своего отечества, и хотя он еще на земле, но сердце его уже на небе

Читала не торопясь, иные слова повторяла, внушительно, громко, заметно было, что чтение доставляет удовольствие ей самой.

— Что за книга? — поинтересовалась Таня.

— "Цветник", — объяснила хозяйка. — «Цветник нравственный». Есть такая старинная книга.

Не все понятно, что читает Зинаида Васильевна, но самый звук ее голоса, мягкий свет, тишина вокруг растревожили Таню чуть не до слез, и она вдруг, неожиданно для самой себя, призналась Зинаиде Васильевне в том, что ее любил один человек, а теперь разлюбил, что осталась она одна и ничего больше не хочет от жизни.

Она что — то преувеличивает, что — то искажает, сама не различает, где правда и где выдумка, преображает действительность, как подсказывает ей ее чувство

Зинаида Васильевна погладила девушку по голове и опять ни о чем не стала расспрашивать, лишь сказала:

— А ты молись

И опять обратилась к книжке:

— "Девство настолько выше брака, как золото выше серебра, как пшеница выше соломы, жемчуг — раковины, золото — земли, плод — корня. Всякая добродетель велика, и приобрести ее — предмет самого сильного желания, однако нет столь высокой добродетели, как девство. Ибо девство есть та добродетель, которая перее всего воссияла в раю, прежде чем змий коварно обманул наших прародителей. Брак начинается и оканчивается тлением, девство же возводит мир к нетлению и делает людей ангелами"

И Тане стало так покойно, так утешительно, что все обиды отодвинулись куда — то далеко — далеко. Выходит, она правильно сделала, что ушла от Юры: девство выше брака. И она подумала, что обязательно придет сюда еще раз, придет не один раз.

Дремота сковывала ее все сильнее. С трудом заставила себя подняться.

— Спасибо, — сказала Таня. — Пора. Если позволите, я опять забегу завтра.

— А ты не молись, — сказала Зинаида Васильевна. — Никто

тебя не неволит. Побудь одна, подыши тишиной, успокойся. Смотри на Него

Зинаида Васильевна взглянула на икону и тотчас отвела взгляд, ни к чему не хотела принуждать Таню.

— Останешься?

— Остаюсь.

Тане и вправду не хотелось уходить, так спокойно и тихо в полутемной прохладной комнате.

— Ну, а я пошла, — сказала хозяйка.

— А если кто зайдет?

Зинаида Васильевна точно ждала этого вопроса.

— Не отвечай, будто тебя тут и нету.

Сильными сухими пальцами взяла Таню за плечи, и та подчинилась, привстала. Подтолкнула Таню к одежке, висевшей на гвоздиках, вбитых в стену, задернутой натянутой на бечевку простыней, отдернула простыню, сунула руку за платя, уперлась — и стена подалась

Все было так просто, так естественно, и вдруг перед Таней открылась какая — то тайна, хотя на самом деле открылась лишь неприметная дверь в стене, оклеенная такими же, как и вся комната, обоями в голубеньких цветочках.

— Иди, иди

Зинаида Васильевна подтолкнула ее.

Таня отшатнулась:

— А что там?

— Тайничка моя, схоронушка.

— Зачем?

— Да ты не бойся, иди, никто не потревожит. Я вернусь, выпущу

Таня нерешительно пошла. Дверь низенькая, пришлось наклонить голову. В комнате полусвет, а здесь совсем темно. Зинаида Васильевна зачиркала спичками.

— Сейчас, сейчас

Розовый огонек метнулся и задрожал. Зинаида Васильевна зажгла лампадку. Выступило из тьмы лицо — длинное, коричневое, с беспокойными невидящими глазами. Христос. Какой — то странный Христос. Узколицый, неестественный, от всего отрешенный

— Садись. — Зинаида Васильевна усадила Таню. — Побудь, побудь тут. Скоро приду

Точно боялась, что Таня передумает. Сразу ушла, быстро закрыла за собой дверь. Таня слышала, как щелкнул не то замок, не то крючок.

Сперва Таня испугалась, но вскоре чувство страха прошло. Что плохого может сделать ей Зинаида Васильевна?

То ли фитилек разгорелся за красным стеклом, то ли привыкла она к розовому полумраку, но уже можно рассмотреть чуланчик. Она сидит на железной койке, накрытой грубым суконным одеялом. В головах столик, вроде тех, что ставят под цветы, в ногах табуретка. Яснее всего выделяется в розовом полусвете образ Христа, похожий на иконы, которые Таня видела в Третьяковке.

И вдруг Тане становится удивительно спокойно и хорошо. Она одна. Впервые в жизни чувствует, что действительно одна. Нет никому дела до нее, и ей ни до кого нет дела.

Мигает огонек, плывут розовые тени, тайно дышит тишина. Все отступает, Таня наедине сама с собой. Ни школы, ни Юры, ни даже мамы. Никакой суеты. Она смотрит на коричневого Христа, и он точно оживает. Ей страшно и сладко, как в детстве, когда она оставалась вдвоем с бабушкой Дусей.

Фитилек потрескивает. Колеблется слабое пламя. Таня подходит к лампадке, пальцами пытается снять нагар
и гасит огонек.

Что она наделала? Что наделала, когда вошла в этот таинственный чулан? Что сейчас с нею случится?

Но ничего не случается. Только она еще больше одна. Ей страшно и уже не хочется быть одной. Она всматривается в темноту. Вспоминает лицо Христа. Нечеловеческое какое — то лицо. И вдруг

начинает молиться.

Она еще не сознает, что молится.

«Господи

Господи, не

оставь меня одну, помоги мне. Господи Иисусе Христе, не оставь меня

» У нее мелькает

мысль, что она молится. О чем? Ни о чем. Просто так. Просто чтобы не было так одиноко

Тихо приоткрывается дверца.

— Заснула?

Таня не спешит выйти, но Зинаида Васильевна торопит:

— Иди, иди. Могут прийти, тогда уж до ночи

Висят на стене платья, завешенные простыней, никому не догадаться, что за ними что — то скрывается.

— Зинаида Васильевна, а на что вам этот чулан?

— Какой чулан? Это келья. Захочется остаться наедине с богом, вот и скроешься

Тане кажется, что Зинаида Васильевна чего — то не договаривает.

— Иди, иди, дочка, небось мать ждет. Только не проговорись.

СТАРЕЦ ЕЛПИДИФОР

Раза три уже пряталась Таня в келье Зинаиды Васильевны. Зайдет, перемолвятся, взглянет та на девушку:

— Пойдешь?

И Таня уйдет в дверь под платьями. Сидит, глядит на Христа. Она уже привыкла к нему, лицо его не кажется уже далеким и необычным. Поговорит наедине — то ли с Христом, то ли сама с собой. А то и заснет. Так хорошо, так спокойно спится в темной келье.

Она и на этот раз пришла к Зинаиде Васильевне за тишиной.

— Пойдешь?

Таня кивает.

Зинаида Васильевна помедлила, прежде чем открыть, вздохнула, пропустила Таню и тут же закрыла дверь.

Сразу со света не видно ничего. Таня села на койку. Фитилек еле горит. Почему — то ей страшно.

— Господи
прошептала она. —
Господи

— Молись, молись, — услышала вдруг она, и кто — то провел рукой по ее волосам.

Она замерла от ужаса. Что только не померещится!

Подняла руку к голове
и нащупала чью — то руку.

— Кто это? — спросила Таня сдавленным голосом.

— Молись, молись, — услышала в ответ. — Воззвав к господу,
не утрашишь ничего на
земле

Посмотрела вверх и увидела над собой старого — престарого старика. Розовая борода. Невидящие глаза.

— Что вам нужно?

— Еще одну овцу вернуть в стадо господне!

«Недоставало еще, чтобы меня называли овцой», — подумала она не без юмора и тут же об этом забыла. Очень уж необычно и страшно появление этого старца. Что он хочет с ней сделать? Что сделает?

Но он ничего от нее не хочет. Сел рядом, взял за руку. Он не такой громадный, каким было представился. Правда, выше Тани и, кажется, действительно очень стар. Борода у него светится, как розовое серебро.

— Не бойся, дочка, — чуть шамкая, произносит он. — Не бойся ничего, как только прогневить господа.

— А чем можно его прогневить? — неожиданно спрашивает Таня.

Кажется, она уже не боится этого неведомо откуда взявшегося старика.

— Мирской суетой, — поясняет он. — Токмо одной мирской суетой.

И Таня вдруг начинает плакать. Она сама не знает почему. Плачет, и все. Ей делается все легче и легче.

— Вот так, вот так, — приговаривает старик. — Вот так и откроется тебе истина.

— Кто вы? — спрашивает Таня сквозь слезы.

— Недостойный раб господа бога
нашего

— Откуда вы?

— Ниоткуда. Странник. Выше всех подвигов есть подвиг странничества. Странствую и ищущу Христа

Говорит он долго, не все Тане понятно, непонятен смысл, непонятны отдельные слова, он шамкает и проглатывает слоги, но речь его успокаивает

Дверь открывается.

— Святой отец
дверью Зинаида Васильевна. — Покушать?

— За

Старик поднимается.

— Пойдем, — обращается он к Тане

И вот они за столом. Зинаида Васильевна живет скромно, но сегодня расщедрилась: на скатерти и селедочка, и огурчики, и

грибки, и даже копченая севрюга — большая для нее роскошь, баранки, фруктовый сахар и мед. Для такого гостя не жаль ничего.

Под лампой старик еще худее и старше, волосы у него даже не белые, а зеленоватые от старости.

Он встает:

— Возблагодарим господу перед трапезой

Зинаида Васильевна придвигает тарелки:

— Отец Елпидифор

Старик ласково улыбается:

— Хлебушка бы мне. Ржаного. И луковичку.

Зинаида Васильевна подает черный хлеб и лук, гость отламывает ломоть, чистит луковицу и крепкими, хоть и желтыми зубами с аппетитом вгрызается в луковицу.

— Отец Елпидифор, рыбки!

— Давно не приемлю. Боящийся бога не объедается. Пресыщение чрева не что иное, как умножение помета.

Но все это ласково, не в осуждение, а в поучение.

Сжевал хлеб, стрыз луковицу.

— Водички бы.

— Чайку? Кваску?

— Водички

Застучали за дверью, кто — то пришел. Таня оглянуться не успела — старичок бесшумно вскочил. Зинаида Васильевна бросилась к вешалке, и — старика как не бывало, исчез, как мышь, и Зинаида Васильевна сбрасывает уже с двери крючок.

— Ох, мать Раиса, перепугала

Еще одна старуха. Только не такая простая, как отец Елпидифор. На плоском лице тусклые глаза и, как две веревочки, тоненькие синеватые губы.

Вошла. Перекрестилась. Пронзительный взгляд на Таню:

— Кто такая?

— Девушка одна. Ищущая.

Зинаида Васильевна как бы оправдывается.

Пришедшая кидает взгляд на хозяйку. Та наклоняет голову.

— Прибыл?

Зинаида Васильевна опять наклоняет голову.

— Можно?

— Сейчас спрошу. — Заглядывает под одежду. — Заходи.

Пришедшая скрывается под платьями.

Таня чувствует себя соучастницей тайны.

— Кто это?

— Инокиня Раиса.

— Я про старика.

— Какой он тебе старик? Дерзость говоришь. Старейший преимуществ, вот кто! Уразумела? Самый что ни на есть превысший среди истинных православных христиан.

Зинаиде Васильевне, рассказывала она сама, давали комнату в новом доме. Она отказалась, привыкла, мол, к своему домику, к своей улице. Таня не очень поняла причину отказа. Теперь понятно. Комнатушка Зинаиды Васильевны на отлете. Дом старый, лестнички, клетушки, мезонины. Вход прямо с лестничной площадки: незаметно придешь, незаметно уйдешь. Вот и сейчас Таня прошла, никто не видел. Она часто заходит теперь после школы.

Постучалась. Должно быть, пришла не вовремя.

— Кто там?

Ответила. Молчание. И опять:

— Кто там?

Прячутся!

Наконец дверь открылась:

— Ах, это ты,

Танюша

Заходи, заходи.

А мне в Бескудниково надо. Проводишь
меня?

Мешает сейчас Таня. Но Зинаида Васильевна действительно собралась уходить. Может, и она мешает? Бог ведает, кто сейчас скрылся в чуланчике. Но с Таней Зинаида Васильевна ласкова. И вот они едут в Бескудниково.

Как ни смешно, но у Тани ни копейки. Уходя, не догадалась взять хоть сколько — нибудь мелочи.

— Не стесняйся, Танюша, я заплачу.

— Что вы, Зинаида Васильевна, за благотельница?

— А я и есть благотельница.

Долго едут в автобусе. Приезжают в Бескудниково, идут мимо больших домов, сворачивают в проулок. Вдоль заборов торчат кусты бурого репейника. Останавливаются у калитки.

— Подожди, Танюша, дельце у меня
сюда

Зинаида Васильевна доверяет Тане, считает, видно, своей. В палисаднике домик. Зинаида Васильевна скрывается в нем и тут же возвращается.

— Вот и все.

Выходят к станции, идут вдоль железнодорожного полотна.

— Давай походим, мне домой часам к семи, не раньше.

Переходят полотно. Пригородный голый лесок. Березки, рябинки, тополя. Зеленеют одни елочки.

— Хорошо? Весна! А я, Танюша, и впрямь благодетельница: благодетельствую истинным христианам, поддерживаю странников.

— А вам — то какая корысть?

— Христу служу, ноги господу
омываю

— Добрая вы

— Тебе, Таня, тоже путь в странство, слаба ты для мира, беги
его

Почки на деревьях набухли, вот — вот прорвутся, дышит теплом ветерок, овеивает запахами сырой земли. Обволакивают Таню ласковые слова, непонятное безволие овладевает ею. Зинаида Васильевна права, до чего же легко идти: ветерок, тепло,
тихо

Проносится мимо электричка, и Таня приходит в себя.

— Нет, Зинаида Васильевна, разве можно оставить маму?

— Как знаешь, как
знаешь

Возвращаются в Замоскворечье. Прежде чем отпереть дверь, Зинаида Васильевна стучится каким — то условным стуком. В комнате никого. Зинаида Васильевна подталкивает гостью к потайной двери:

— Поди, поди, помолись.

У Тани будто привычка уже — зайти в чуланчик, посидеть в полутьме, помечтать, поделиться мыслями с богом. Она теперь каждый раз заходит в свой тайничок.

Но сегодня она здесь не одна.

— Пришла, дочка?

Старейший преимуществей!

— Помолись,

ПОМОЛИСЬ

Тянет ее руку книзу. Он очень старый, «лет сто ему», говорит Зинаида Васильевна, но силы в нем много, прикоснется — и невозможно противиться: руки как железные. Таня сама не замечает, как становится на колени.

— Молись

Отец Елпидифор кладет ей на голову руку, и странное ощущение наполняет Таню. Будто это она и не она, от всего она будто отрешена, и ничто, ничто ей не нужно.

— Господи

Господи — твердит она, убаюкивая себя жалобными словами. — Прости. Помоги. Спаси

Таня не очень хорошо отдает себе отчет, чего она просит у бога. Она уже не принадлежит себе, она сделает все, что прикажет ей этот неизвестно откуда взявшийся загадочный древний старик.

Таня не может объяснить, зачем ходит она к Зинаиде Васильевне. Что тянет ее в темный и душный чуланчик? Тайна, которая связала ее по рукам и ногам?

Зинаида Васильевна не смотрит на Таню.

— Уходит отец Елпидифор!

— А я?

Таня сама не знает, как это у нее вырвалось.

Как же она останется без отца Елпидифор а? Кто поможет сосредоточиться в молитве, пожалеет без слов, утешит, не выслушав жалоб?

— Проси. Проси, чтобы взял с собой.

— Куда?

— В странство.

Страшно и соблазнительно погрузиться в таинственный мир,

исчезнуть в царстве сказок и приключений, уплыть, как капитан Немо, в глубины неведомого Океана

— А он возьмет?

— Глупая! Проси. А возьмет или не возьмет

Сто лет отцу Елпидифору. Восемьдесят из них он провел в странстве. Без документов, без денег, без дома. Еще мальчиком принял истинную веру, искусен был в богословских спорах, тверд на своем. Его преследовали, ссылали в Соловецкий монастырь, сидел в тюрьмах — и в царской, и в советской, — скрывался в самых потаенных местах, всем истинным христианам стал примером благочестия и ревности к вере. На соборе в Новосибирске избрали Елпидифора главою всех истинно православных христиан.

Снаружи стучат: один удар, пауза, два удара, пауза, еще два удара

— Инок Елисей и мать Раиса

Зинаида Васильевна не ошиблась.

Елисей ничем не похож на инок, в пиджачке, в картузе — мастеровой и мастеровой, разве несколько старомоден.

Раиса недовольно взглядывает на Таню и обращается к Зинаиде Васильевне:

— Собрался?

Все смотрят на поношенные платья, которыми замаскирован тайник, но никто не осмеливается потревожить старца, все молчат.

Елисей громко вздыхает:

— Золотые минуты.

Зинаида Васильевна вопросительно глядит на Елисея.

— Машину наняли, ждет на углу, — поясняет тот. — Счетчик дело знает

Таня сдерживает улыбку: Соловки, тюрьмы, глухомань
и такси!

Но вот из — за старых юбок появляется старейший.

Высокий, худой, костистый, с пронзительным взглядом, он напоминает какого — то феерического профессора из сказочного спектакля: на голове бесформенная шапка, напяленная на черную скуфейку, на плечах черная ряска и накинутое поверх старомодное пальто вроде крылатки.

Старец ни на кого не смотрит, все заранее обговорено.

Все, в том числе и Таня, становятся на колени. Елпидифор складывает руку в двуперстие, благословляет:

— Во имя отца

Таня не выдерживает, припадает к ногам старца. Вот сейчас, сейчас он скроется и унесет с собой тайну, которой она едва коснулась

— Возьми меня, возьми, заberi с собой! Отче,
отче

Так учила говорить Зинаида Васильевна, но Таня не помнит уроков, не замечает, как слезы льются из глаз, не понимает, как унижительна ее поза

Ах, эта привычка жить постоянно ведомой за руку! Кто — то куда — то тебя ведет, кто — то обо всем за тебя подумает Полное отсутствие самостоятельности. С первых шагов детей опекают мамы, бабушки и даже соседки, а потом воспитательницы в детских садах, пионервожатые, педагоги
Вот оно и сказалось! Таня боится остаться одна

Всегда находятся люди, готовые за тебя думать и куда — то вести, а от самой Тани требуется немного: послушание и покорность.

Старец застывает, склоняется к девушке, но Елисей тут как тут, вздыхает и настойчиво смотрит на старца.

— Золотые минуты, — произносит он как бы про себя.

Старец выпрямляется:

— Господь вас
благослови

Пошли!

Таня плачет.

Елпидифор не оборачивается, ни на кого не глядит, но все понимают, что обращается он к Зинаиде Васильевне:

— Привезешь ее в Бескудниково. Я дам
знать

Зинаида Васильевна не провожает иноков, запирает дверь: по соображениям конспирации не следует показываться на людях со своими гостями.

Таня медленно поднимается с пола.

— Что он сказал?

— Возьмет он тебя, возьмет, — утешает Зинаида Васильевна. —
Возьмет тебя в странство.

БЕГСТВО

Все решала за Таню мать: куда пойти, что купить, какое сшить платье, ехать ли в пионерский лагерь.

Даже вступая в комсомол, Таня задала матери полувопрос:

— Хочу вступить в
комсомол

— Смотри сама, — уклончиво ответила мать. — Я не
препятствую.

На этот раз Тане самой предстояло принять решение, ломающее всю ее жизнь, и нельзя было посоветоваться ни с мамой, ни с кем — либо еще. Начнешь говорить, а мать, чего доброго, и в самом деле побежит в школу

Вечером Таня все — таки попыталась проститься с матерью.

— Мама, я думаю ехать на целину.

— Сперва кончи школу, тогда поговорим.

— Мама, ты будешь обо мне скучать?

— Скучай не скучай, когда — нибудь все равно оставишь.

— Спокойной ночи

— Спи.

Утром мать торопилась на работу, но Таня опять ее позвала:

— Мама Тебе
бывает скучно одной?

У Тани навернулись на глаза слезы. Мать озабоченно взглянула.

— Что это ты размокропогодилась? Не простыла?

— Нет, нет

— Смотри!

И ушла. Навсегда,
навсегда

Но к Прасковье Семеновне Таня накануне все — таки зашла попрощаться.

Та разговаривала с щеглом, чистила ему клетку. Прасковья Семеновна дежурила в больнице по неделям: одну в день, одну в ночь. Эта неделя у нее ночная.

— Ты что, Танечка?

— Проститься хочу.

— Далеко собралась?

— Ухожу.

— Иди, иди. С богом.

— Нет, я насовсем ухожу.

— То есть как насовсем?

Таня замаялась. Она не умела и не хотела врать.

— На целину. Работать.

— Смеешься? А школа? Неужто Марья Ивановна

— Мама ничего не знает.

— Ты, девка, не в себе.

— Не могу я здесь больше. Помогите маме, если что.

— Ты вправду, девка, что — то
того

— Прасковья Семеновна! У меня к вам просьба. Вот письмо. Если придет мальчик. Из нашей школы. Он обязательно придет. Будет спрашивать про меня. Вы ничего ему не говорите. Просто отдайте. Только чтобы не знала мама. Придет один

— Да что ты надумала?

— Я не надумала. Так надо.

— Что надо — то?

— Уехать.

— Да неужто ты впрямь собралась на целину?

Таня промолчала.

— Не обманываешь?

— Не спрашивайте меня, не могу я.

— Да куда же тебя несет?

— В странство.

— Какое такое странство?

— Ну, вроде как на богомолье.

— Куда же это?

— Сперва в Бескудниково, а
потом
говорите никому.

Далеко. Только не

— А не эта самая
Как ее? На кладбище
встретили

— Зинаида Васильевна?

— Не она сманула?

— Какое это имеет значение?

— Одумайся, сходи к отцу
Николаю

Таня поклонилась Прасковье Семеновне чуть не до земли:

— Прощайте.

— Ты, девка, впрямь не в себе!

— Простите

— Я еще поговорю с
тобой

Но прежде чем поговорить еще с Таней, Прасковья Семеновна решила посоветоваться с отцом Николаем — на себя она не надеялась, — а когда наконец надумала идти к священнику, Тани простыл и след.

Все последние дни перед своим бегством Таня находилась в смятении. С одной стороны, она решила порвать со всем окружающим, уйти в странство, с другой — жаль было оставить все, что ее окружало. Как мама ни строга, как ни сурова, она посвятила Тане всю свою жизнь. Больше у мамы нет никого. Жаль было школу, книги, Москву. Жаль даже тихую комнату, в которой выросла, играла и делала уроки. Где — то в самой глубине сердца точила мысль, что никогда уже больше не увидит Юру. Жаль было свой переулок и даже тротуар возле дома, где знакома каждая выбоинка.

Уходить или не уходить? Никогда — ни в школе, ни в комсомоле — не числилась она в активистках, делала лишь то, что делали другие, не любила вырываться вперед. Если возникала дилемма — сказать или не сказать, пойти или не пойти, сделать или не сделать, Таня предпочитала не сказать, не пойти, не сделать. Она принадлежала не к тем, кто ведет, а к тем, кого ведут, и теперь, когда настала решительная минута, она не то чтобы решила не идти в странство, а скорее не решалась идти

И никуда бы не пошла, кончила бы школу, стала бы учиться дальше, поступила бы на работу, и ничего бы с ней не произошло, если бы те, кто охотился за этой перепелкой, оставили ее в покое. Но бог, как говорили ее новые знакомые, а на самом деле темный и злобный фанатизм не позволял этим охотникам за человеческими душами снять расставленные силки. Кто первым схватил ее за руку, тот и повел

«В чем я больше всего нуждаюсь? — думала о себе Таня и себе же отвечала: — В справедливости».

А жизнь вокруг нее несправедлива. Когда — то обидели ее маму. Беспечно, бездумно, безжалостно. А вместе с мамой обидели Таню. Мама бежала от пересудов в Москву. Всю жизнь работает не покладая рук. А хоть чем — нибудь вознаградила ее судьба? Всю жизнь одна и одна. Да и бабушка Дуся, уж до чего добрая была женщина, а что хорошего видела в жизни?

Один Юра показался ей каким — то особенным. А он не лучше других. Хорошо, что она вовремя опомнилась. Иначе ей пришлось бы вести такую же безрадостную жизнь, на какую были обречены и мама, и бабушка Дуся, и все женщины, которых она знает.

Никому до нее нет дела. Маме нужно, чтобы о Тане не говорили плохого. Учителям, чтобы она не получала двоек. Подругам, чтобы она ничем не отличалась от них. Да у нее и не было никогда настоящих подруг.

А теперь появились какие — то неведомые люди, которые зовут ее в иной мир, где правда, любовь и справедливость. Они не скрывают, что путь в этот мир мучителен и труден, но Таня не боится страданий

И едва Таня села у окна и раскрыла «Преступление и наказание», роман писателя Достоевского, который ей давно советовали прочесть и который она недавно взяла в библиотеке, как

раздался звонок.

Таня открыла дверь и увидела Зинаиду Васильевну. Та выглядела весьма встревоженной и повергла Таню в немалое смущение.

— Что ж не идешь? Нас ждут

Она засыпала свою подопечную вопросами и смутила ее еще больше. И Таня, вместо того чтобы ответить, что ничего еще не решила, торопливо принялась собираться.

— А у вас ничего, — сказала гостя, оглядываясь. — Думала, беднее живете.

— А что брать?

— Самое необходимое. Вот халат захвати.

— Это мамин.

— Все равно бери, сгодится наставнице.

— Какой наставнице?

— Твоей.

— А кто моя наставница?

— Мать Раиса.

— Боюсь я ее

— А ты думала, все отец Елпидифор будет гладить тебя по головке?

Но Таня не послушалась, не взяла халат, не хотела обижать маму.

— А мать ты подготовила?

— Написала, что уезжаю на целину.

Действительно, еще накануне, сидя рядом с матерью за столом, Таня написала ей письмо, что уезжает на целину, в совхоз, хочет

самостоятельно попробовать свои
силы

Письмо лежало у Тани в портфеле, и сейчас, перед уходом, она собиралась выложить его на стол.

— А деньги у тебя есть?

— Нет.

— А дома есть?

— Есть сколько — то.

— Возьми, а то мать не поверит, без денег далеко не уедешь.

Таня выдвинула ящик комода, деньги всегда лежали в одном месте.

Зинаида Васильевна заглянула одновременно с Таней:

— Сколько?

— Рублей сорок

— Бери, а то не поверят, что уехала. Все бери.

— Я хотела маме
оставить

— Обойдется

Таня достала деньги. Зинаида Васильевна тут же их отобрала.

— Сама передам
Она не сказала кому.

Таня сложила пальто, платица, белье,
чулки

— Документы не забудь, — напомнила Зинаида Васильевна. —
Все, какие есть. Не оставляй ничего.

Паспорт, членские билеты ДОСОМ, ДОСААФ, комсомольский
билет
Зинаида Васильевна увязывала одежду в узелок. Нет, комсомольский
Таня оглянулась.

билет Таня взять не решилась. Оглянулась еще раз. Подошла к этажерке с книгами, вытянула первую попавшуюся книжку, положила билет меж страниц, поставила книжку на место.

— Взяла документы? Крестись, и идем

Обе перекрестились. Таня окинула комнату прощальным взглядом — ей захотелось заплакать, броситься на мамину кровать, — закрыла глаза, отвернулась и ушла в странство.

ДЕДУШКА, БАБУШКА И ВНУЧКА

Таня догадывалась, куда они едут, в автобусе добрались до Бескудникова, прошли в заросший репейником переулок, очутились у знакомого особняка.

Встретил их истошный собачий лай

В палисаднике скалил зубы привязанный к забору свирепый боксер с такой страшной мордой, что любой прохожий невольно остановился бы на почтительном расстоянии от забора.

Пес Зинаиду не испугал. Она уверенно двинулась к калитке, и тут же появился хозяин особняка, очень похожий на своего пса: такая же ощеренная плоская рожа, расплюснутый нос и вытаращенные настороженные глазки.

Не успели, однако, они очутиться во дворе, как вновь затренькал звонок, и от пинка в спину Таня сразу очутилась в темной и тесной камерке.

В новом тайнике было далеко не так уютно, как у Зинаиды Васильевны, пахло пылью и куриным пометом, руки упирались в шершавые доски, не на что ни опереться, ни сесть.

Выпустили Таню оттуда только под вечер.

— Выходи! — коротко приказал хозяин.

Впустил в дом, ввел в комнату. Комната как комната: тахта, стол, стулья, на подоконниках герани и фуксии, а в углу высокий, до потолка, киот с темными иконами. За столом Елпидифор, Раиса и еще какой — то субъект, в скуфейке, с черной окладистой бородой.

— Что стоишь? — прошипела Раиса. — Кланяйся!

Таня поклонилась.

— Разве так? — вновь прошипела Раиса. — Послушествоуй по уставу. Стань на колени, коснись земли — Обернулась к хозяину: — Покажи.

Тот встал рядом с Таней, сделал все, как сказала Раиса, поклонился Елпидифору земным поклоном.

— Видела?

Таня поклонилась снова.

Елпидифор и Раиса вышли из — за стола, все встали перед киотом, Таню Раиса поставила рядом с собой.

Молились долго. У Тани закружилась голова от голода, от усталости. Она уже ничего не соображала.

Кончили молиться за полночь. Раиса повела Таню за собой, через сени, в комнатенку, заставленную гардеробом и двуспальной кроватью. Раиса легла на кровать, Тане велела лечь на полу, на войлочную подстилку. «Как собаке», — подумала Таня. Она уже отказалась от себя. Подчинилась, легла и тотчас заснула — так она намаялась за день.

Вставали до света, молились, потом Раиса читала вслух разные духовные книги, наставляла Таню, потом опять молились, потом каждый мог заняться своими делами, но Раиса говорила, что в это время надо молиться про себя, потом опять молитва, допоздна, до ночи, не то что задуматься, некогда даже прийти в себя. Умываться не полагалось, ели раз в день, пустые щи и какую — нибудь кашу, иногда вечером давали еще ломоть хлеба.

Хозяина дома старцы и Раиса зовут Павлушей, хотя ему не меньше сорока. Он молчалив, услужлив и себе на уме.

Иногда дребезжал звонок. Тогда поднималась паника. Старцы лезли в погреб — лаз устроен в большой комнате и прикрыт листом линолеума. Раиса забиралась в гардероб. Таню прятали в какую — то пристроечку, где хранились доски и разный хозяйственный скарб.

Потом Таня заметила, что иноки не слишком опасались посетителей, скорее, те боялись, чтобы кто — нибудь не заметил их появления. После одного из таких посещений Таня увидела в комнатухе, где ночевала с Раисой, целый ворох шерстяных дамских кофточек. В другой раз у киота лежала связка хлорвиниловых плащей. Нетрудно было сообразить, что Павлуша не только благодетель, но и спекулянт. Иноки смотрели на это сквозь пальцы, а когда Таня высказалась перед Раисой: «Что же это за христианин? Восьмая заповедь говорит

не укради", а Павлушины махинации весьма близки к воровству», — Раиса так на нее цыкнула, что Таня сразу прикусила язык.

— В антихристовом государстве заповедь преступить не грех.

Позже, вечером, после молитвы, Раиса воспитывала свою подопечную:

— Проклят и окаянен, иже не стяжа послушания. Три подвига драгоценны перед богом: когда человек принимает свои несчастья с благодарением, когда старается, чтобы дела его были чисты перед богом, и когда отказывается от всех желаний и пребывает в послушании своему духовному отцу.

— А Павлуша при чем? — осмелилась спросить Таня. — Он государство обкрадывает.

— Я поясняла уже, против сатанинского государства можно нарушить Твое дело — не видеть, не слышать, не понимать и только полагаться на своих духовных наставников. Грех не на тебе, а на том, кто разрешил. Твое дело — повиноваться, без повиновения никому не спастись

— Раиса угрожающе помотала своей змеиной головкой. — А за то, что не поимела терпения, ибо несть долготерпелив и тайны не терпит хранить, отбей пятьдесят поклонов, ибо тот в смирении выше, кто с первого слова падает ниц и принимает на себя всяческую клевету.

Не поняла Таня смысла этих речей, но в глубине души ей стало как — то нехорошо от этих недобрых слов. «Сатанинское государство» Ведь это о нас, о нашей стране

Смутные мысли роились в Таниной голове, но она не посмела возразить, отбила поклоны и в изнеможении повалилась на свою подстилку, твердя себе в утешение, что христианское смирение в том

и заключается, чтобы стать безропотной рабой своих строгих наставников.

Как — то к вечеру в каморку пришла Раиса.

— Поддай документы! — приказывает она Тане.

Та не сразу понимает.

— Документы

Таня достает из рюкзака паспорт, билеты всяких добровольных обществ, нерешительно держит их двумя пальцами.

— Понимаешь, что носила антихристовы печати?

— Понимаю.

— Рви!

Таня неуверенно раздирает паспорт по корешку. Хоть она и бесповоротно решила уйти в странство, ей почему — то жаль свои документы

— Рви, рви, — торопит Раиса. — На мелкие кусочки!

Отступить некуда, теперь она в их руках, попробуй не подчинись, они еще, чего доброго, так ее осрамят
рвет

И Таня рвет,

— Теперь пойдём.

Раиса ведет Таню на кухню, там топится печь.

— Бросай! — приказывает
Раиса

Таня сама совершает аутодафе, собственными руками сжигает Таню Сухареву. Вспыхнули обрывки бумаги,
и нет уже Тани
Сухаревой, все дым, тлен, мираж, есть только неразумная девушка, бегущая от самой себя.

Потом Раиса ведет Таню к Елпидифору.

Он сидит на тахте в большой комнате.

Таня отдала ему поклон, опустила глаза, села на краешек стула.

Старец пригладил бороду, пытливо взглянул на Таню:

— Так как, не раздумала?

Елпидифор куда добрее Раисы. Что — то участливое прозвучало в его вопросе, за восемьдесят лет странства он познал сколь труден путь, на который вступала девушка. Отказаться от молодости, отказаться от всех земных радостей, год от году стариться лишь и стариться

— Готова ли к подвигу?

Таня сердито посмотрела на Раису, нечего той сверлить ее своими острыми глазками, Таня не слабее, у нее хватит сил превозмочь все на свете.

Но ответить так и не успела. В комнату ворвался Павлуша. На нем лица нет.

— Милиция!

Сразу же возник общий переполох. Но так могло показаться только с первого взгляда. Эти люди привычны к переполохам.

Елпидифор спокойно идет прочь, Раиса хватая Таню за руку, влечет за собой

Позже Таня подивилась, как быстро они сумели собраться.

Еще тренькал звонок, как Елпидифор, Раиса, Таня и чернобородый инок — Таня уже знала, что зовут его Никодим, — очутились во дворе, за сараем. Иноки в пальто, в шапках; Раиса не только сама успела одеться, но и Тане помогла на ходу накинуть пальто.

На улице смеркалось. Постройки тонут во мраке. Звонка не слышно. Должно быть, Павлуша уже отпер дверь. Все четверо сбились кучкой в закоулке между сараем и забором. Таня не понимает для чего, но вдруг Елпидифор нырнул в какую — то щель, а за ним и Раиса с Таней. Оказывается, в заборе есть еще одна неприметная калитка.

Прямо против дома синееет милицейская машина. Беглецы рванулись в сторону, быстро засеменяли по переулку.

Шли молча, без слов понимали — нужно поскорее добраться до угла.

И вдруг Таня слышит свое
имя

Кричит Юра! Все настойчивее, все громче!

Но Раиса точно клещами вцепилась в Танину руку.

— Таня!!!

Таня лишь повернула голову, но прежде, чем Юру, увидела Никодима, видела, как Никодим вынул из кармана какой — то предмет, не разобрала, что за предмет, но почему — то ей почудилось, что это — орудие убийства.

Тогда она перевела взгляд на Юру, он бежал изо всех сил, она различала его, несмотря на темноту.

Раиса влекла Таню вперед, и Таня боялась крикнуть, только поднесла палец к губам, давая Юре понять, что им невозможно поговорить. Однако Раиса тут же потянула ее за угол, а Никодим, к ужасу Тани, остановился.

И вот Раиса с Таней уже свернули. Никто их больше не догоняет, на улице тихо, в окнах ни огонька, и лишь вдали тускло мерцает уличный фонарь.

Елпидифор и Раиса идут уверенно, знают, куда свернуть, все им здесь, должно быть, знакомо.

Доходят до железнодорожной станции, садятся в электричку, через десять минут вылезают на Савеловском вокзале и пешком идут по ночной просторной Москве.

На мгновение у Тани мелькает
мысль

Вернуться? Даже не мысль, а какое — то смутное ощущение. Но она тотчас подавляет минутную слабость. Стыдно. Что она скажет маме? И, еще хуже, что скажет в школе? Будут расспрашивать. Осуждать. Исключат из комсомола

Нет уж, раз

пошла, так иди!

Должно быть, Москва никогда не спит. Только ночью она какая — то необычная. Точно Таня попала в театр. Дома, заборы, деревья представляются бесконечными декорациями.

Иноки идут по Москве так же уверенно, как в Бескудникове. Петляют переулками, минуют скверы, пересекают улицы. Никто не обращает на них внимания. Откуда — то со стороны Каланчевки выходят к Ярославскому вокзалу.

Здесь, как и днем, всюду народ, светло, оживленно, шумно. Иноки съеживаются, сразу становятся меньше и тише. Раиса семенит к кассе. Втроем идут через зал ожидания, не проронив ни слова, долго сидят на деревянном диване.

Близится утро. Старейший говорит что — то Раисе. Та мелкими шажками семенит к буфету. Хотя иноки привыкли поститься, однако и им, должно быть, подвело животы. Инокия возвращается с разведки. Обсуждается меню завтрака. Чай нельзя — дьявольский напиток. Кофе тоже нельзя. Но о какао в священных книгах ни слова, и, поскольку оно не запрещено, иноки считают, что оно разрешено. Берут еще по булочке.

— Черствые? — осведомляется Раиса. Ей хочется, чтобы булочки были черствые: меньше утех человеческой плоти.

Но буфетчица обижается:

— Известно, не сегодняшние, день только начинается

После черного хлеба и воды водянистое какао кажется сказочным напитком. Вот что может помешать подвигу
Таня отставляет
стакан.

— Спасибо.

— Ты что?

— Воздержусь

Елпидифор ласково улыбается. Раиса наклоняется к Тане, бормочет:

— Преподобный Ефрем Сирин учит, что боящийся господа не объедается

Берет стакан и допивает — не пропадать же добру. Над Раисой дьявол уже не властен.

По радио объявляется посадка на первые утренние поезда. Все трое устремляются на перрон.

В вагоне тесновато, двое солдат сразу уступают места.

— Дедушка, к окошечку.

Бабушка

А внучку к нам.

Дедушка, бабушка и внучка садятся в ряд, Раиса придерживает Таню за руку.

— Спасибо, — шепчет Таня.

Раиса щиплет ее. Больно — и не заплакать!

Солдаты интересуются:

— Далеко?

— Может, нужно что?

Трудно сказать, что заставляет солдат ухаживать за молчаливой тройцей — миловидность Тани или уважение к старости.

Иноки молчат, и Таня в их присутствии не смеет ответить.

— Строгие у вас старички, — с сожалением замечает один из солдат.

Таня смотрит вниз, как наказывала Раиса.

— Покурить не желаете? — не унимается солдат.

— Не курю, — сдержанно отвечает Елпидифор и вдруг просит, и в его голосе звучит страдание: — Оставьте вы нас, у нас горе

Больше он ничего не добавляет, предоставляя соседям широкое поле для догадок.

— Извините, — смущенно произносит солдат и больше уже не осмеливается тревожить ни Таню, ни стариков.

Вагон вздрагивает, плывут станционные постройки, поезд набирает скорость. Они едут, едут — куда? зачем? для чего? — дедушка, бабушка и внучка.

КРЕЩЕНИЕ

Едва поезд тронулся, Таня притулилась у окна. Не спалось. Елпидифор и Раиса о чем — то перешептывались. Солдаты утомнились и залезли на верхние полки. «Так, должно быть, чувствуют себя арестанты», — подумала о себе

Таня И вдруг она точно
провалилась. В никуда. И так же внезапно проснулась.

Рассветало. Вагон покачивало. Рядом дремала Раиса. Громко посапывали солдаты. Но Елпидифора не было. Почему — то она испугалась. «Вышел, — подумала она, — сейчас вернется». Елпидифора она боялась меньше Раисы. Но Елпидифор все не шел. Тогда Таня осторожно тронула пергаментную руку Раисы.

— Мать Раиса Мать
Раиса

— А? Что? — встрепенулась та.

— Где старейший?

Раиса недовольно поперхнулась:

— Не твое дело.
Сошел

— А мы не вместе?

— Бес в тебе говорит, девка, — рассердилась Раиса. —
Обязательно поближе к
мужику

— А мы где сойдем?

— Где надо.

Сошли в Ярославле. Хоть Раиса приказывала беспрестанно смотреть в землю, Таня успела прочесть вывеску. «Не глазей, не

глазей по сторонам», — не переставала твердить старуха. Ехали в трамвае, в автобусе, куда — то очень далеко. Сошли где — то в пригороде, нырнули в лабиринт немощеных улиц. Одноэтажные домики прятались в палисадниках, за заборами росли вишни и яблони.

— Вот и дошли, — сказала Раиса.

Остановились у глухого забора. Раиса оглянулась по сторонам и отчетливо постучала. Из — за забора послышался лай, потом чьи — то шаги, потом голос:

— Кто там?

— Во имя отца и сына и святого
духа
принимаете?

Странников

Калитка распахнулась.

— Заходи, заходи! — прикрикнула Раиса на Таню и толкнула во двор.

— Аминь, — сказал впусивший их мужчина и захлопнул калитку.

На цепи прыгал лохматый пес, гавкал и злился, не обращая внимания на окрики хозяина.

Тот склонил голову перед Раисой, а на Таню бросил пытливый взгляд.

— Послушница моя, — лаконично пояснила Раиса.

— Виктор Фролович, — представился хозяин.

— Брат Виктор, — поправила Раиса.

Он сравнительно молод, пожалуй, нет тридцати, но брюшко уже выпирает, румяные щеки лоснятся, точно смазаны салом, только серые глазки шныряют, как у голодного зайца.

— Надолго, мать? — не удержался он от вопроса.

— Как поживется, — неопределенно ответила Раиса. — Странников нет?

Виктор Фролович поморщился:

— Живет одна, прошлогодняя.

— Не вздумай вместе поселить, — распорядилась Раиса.

— Зачем же

Он повел их в дом, через комнату, где у окна сидела моложавая женщина с пухленькой девочкой на коленях. Возле них стояла рыженькая девушка.

Таня догадалась: у окна — жена, а стоит — та, «прошлогодняя», как назвал ее Виктор Фролович.

Обе бросили на вошедших любопытный взгляд, но хозяин тотчас провел прибывших в темный коридор, пошарил у стены, толкнул раздвижную дверь, и гости очутились в своем временном обиталище.

Комната не комната, чулан не чулан. Нечто такое, где можно находиться и в то же время оставаться как бы не существующим для любого неосведомленного посетителя.

Деревянная скамья, сложенная раскладушка и стул — вся обстановка их нового обиталища. Тане оно представилось унылой щелью, но Раисе, прятавшейся на своем веку в завалинках, в ящиках, в канавках и чуть ли не в печных трубах, жилище казалось вполне комфортабельным.

Здесь — то и поселились инокиня и ее послушница.

Большую часть времени они проводили в молитве, да еще время от времени Раиса вела с Таней душеспасительные беседы. Только странничество угодно богу, доказывала она, а жизнь обычная, какую ведет большинство людей, грозит погибелью

— А как же брат Виктор? — удивилась Таня. — У него дом, жена, дочка

— Так он видовой, — раздраженно ответила Раиса. — Какая ты беспонятная! Живет для прикрытия божьего дела.

Таня изредка покидала отведенную им с Раисой конуру,

выбегала во двор, даже бродила по огороду.

Жену и дочку Виктора Фроловича видела ежедневно, а рыженькую девушку встретила еще лишь один раз. Появилась Раиса и так цыкнула на девушку, что та сразу точно растворилась в воздухе. Раиса утверждала, что всякий, кто готовится принять крещение, подобно Христу, должен сорок дней и ночей провести в одиночестве.

Сама Раиса то совещалась о чем — то с Виктором Фроловичем, то куда — то исчезала, то что — то обзревала в огороде — не в пример своей подопечной вела деятельную беспокойную жизнь.

Неожиданно она сообщила, что уезжает на несколько дней в Москву.

Таня растерялась:

— А я?

— Молись да поменьше толкись на людях.

Не хотелось Тане оставаться под присмотром Виктора Фроловича, но он почти не обращал на нее внимания, разве только кормил получше, чем при Раисе: то каши даст с маслом, то сахару с хлебом и кипятком.

Раиса вернулась через два дня в необычно хорошем настроении.

— Теперь скоро, — сказала она.

— Что скоро? — спросила Таня.

— Вознесешься на крыльях благодати к престолу господя, — загадочно ответила мать Раиса.

Встали до света. Сонная Раиса толкнула Таню ногой. Старуха спала на широкой деревянной лавке, прямо на доске, без подушки — «инокия я, а видишь, как изнуряю плоть». Таня рядом, на раскладушке, тоже ничем не застланной. Таня вскочила. Раисе еще дремалось, не хотелось вставать. Минуту нежилась, встала и тут же принялась отбивать поклоны. Таня догадалась: сама на себя наложила епитимью. Таня молчала, ждала приказания. Раиса оглянулась:

— Чего пнем
стоишь?

Таня опустилась на колени.

— Господи
господи
мя

помилуй

Они долго кланялись перед иконой. Внезапно Раиса встала. Сегодня она была в каком — то приподнятом состоянии.

— Пора.

— Что пора? — невольно спросила Таня.

— Молись, молись, — рассердилась старуха. — Много будешь знать, скоро состаришься.

Тане вдруг стало весело.

— Скорей инокиней
стану

— Охальница! Наказать бы, да день больно уж
посвященный

Сдула с Тани веселье.

Вышли во двор. Восток занимался зарей — рыжей, желтой, тревожной, точно небо подпалили понизу спичкой. По двору шел Виктор Фролович, нес от ворот ведро с водой. Не опуская ведра, поклонился Раисе.

— Благослови, матушка.

— Господь с тобой. Откуда носишь?

— Из колонки.

— А где у тебя дождевая?

— В бочке.

— Пора, — сказала Раиса.

— Слушаю, матушка. — Виктор Фролович обернулся. — Только придется пособить.

Раиса засемила в огород.

На краю огорода, за грядкой с картошкой, в тени ракитовых кустов — яма, на дне темнеет бурая стоячая вода. Таня еще в день приезда, бродя по огороду, наткнулась на яму. Подумала — для полива.

Раиса остановилась перед ямой.

— Бочку у сарая видела? — спросила она. — Придется перетаскать воду.

Тут Таня поняла, что значит «пора», и ей стало страшно. Не радостно, а страшно, вопреки тому, чему учила Раиса. Сегодня ее будут крестить
Что — то
сдавило ей горло.

— Видела, — покорно шепнула Таня.

— Это тебе урок. — Раиса пальцем ткнула девушку в бок. — Исполни.

Таня принялась перетаскивать воду.

Вода точно уходила под землю, яма была какая — то проваленная. Урок Таня выполнила только к полудню.

— Теперь иди молись, — наказала Раиса. — Обеда тебе сегодня не положено, готовься.

Таня ушла в каморку, встала на колени, твердила молитвы. Голова кружилась, есть не хотелось, непонятная слабость разлилась в теле, казалось, будто она уходит от самой себя.

Вспомнилось все, что недавно было ее жизнью: Москва, мать, школа и
Нет, нет, больше
никого не хотела она вспоминать. Все ушло, ушло и никогда не вернется.

Неслышно вошла Раиса.

— Молись, молись, не мечтай, — привычно пробормотала инокиня и сняла с полки «Цветник нравственный», свою любимую книгу. — Крещена ты все — таки или нет? — в который уже раз осведомилась Раиса и принялась разьяснять своей подопечной

значение предстоящего обряда: —

Впрочем Агаряне своих детей во младенчестве крестили у православных священников, но благодать крещения принимали за волхование, не с правым разумом принимали крещение детей, и святые соборы постановили обращенных крестить снова.

У Тани не было уверенности, что она крещена, письменных свидетельств тому не существовало, но вряд ли бабушка Дуся оставила Таню некрещеной, она иногда напоминала, что приходится Тани крестной матерью.

Таня не ответила, но Раиса и не ждала ответа, сама нашла ответ, сообразуясь с каноническими правилами:

— Сегодня сподобишься
благодати Комсомольцы
подобны енкратитам, саккафарам, апотактитам и прочим
еретикам

Она долго втолковывала Тани что — то о саккафарах и апотактитах. Тани стало страшно, захотелось бежать, но не было ни сил, ни денег, ни документов.

«Смирись, смирись, — мысленно твердила она себе. — Возврата уже нет»

Раиса опять ушла. Она то уходила, то возвращалась, недоверчиво поглядывая на девушку. А та и молилась, и плакала, и уносилась мыслями куда — то далеко — далеко. В Москву, в Третьяковку и еще дальше

Она все время чувствовала себя на распутье. Хочется обратно, домой, в тепло, в привычную жизнь, а ветер гонит вперед, в дождь, грязь, слякоть и рядом безжалостные суровые люди, которые не позволят ни повернуть, ни убежать

С каждым часом Раиса делалась все хлопотливее. День был на исходе. Слазила в дорожный мешок, достала длинную холщовую рубаху, подала Тани:

— Одевайся

Никого не слышно, не видно. Таня подумала, что крестить ее

будет Раиса: правила разрешают инокиням крестить обращенных, — и девушке стало грустно, что благодать на нее снизойдет через Раису.

Она все — таки осмелилась спросить:

— А кто же будет крестить?

— Одевайся, одевайся, — поторопила Раиса и с умилением возвела очи горе: — Старейшин преимуществ приехал, сам хочет. Такой милости редко кого достаивает

Таня быстро скинула платье, вопросительно оглянулась.

— Все, все скидавай, — сказала Раиса.

Таня сняла белье, натянула рубаху, холст после вискозы показался шершавым, такой он был новый и чистый, и опять оглянулась. Раиса взяла ее за руку, Таня вскинула на старуху глаза.

— Старейший у ямы?

— Какая такая яма? — одернула Раиса. — У купели.

Во дворе никого, один лишь пес на цепи щурится на низкое солнце.

Не выпуская руки девушки, Раиса повела ее в огород.

Опустив глаза, шла Таня меж грядок, прислушиваясь, не идет ли за ее спиной Елпидифор

Было очень тихо. Таня подняла голову и обмерла. Возле ямы справа старейший, еще какой — то инок с черной бородой, хозяин дома, а слева, отдельно от мужчин, жена Виктора Фроловича, их четырехлетняя дочка, девушка, которую Таня мельком видела в день приезда, и какая — то незнакомая старуха.

Все молчали, может быть, благоговей перед старейшим, а может быть, чтобы не привлечь ничьего внимания за забором.

Раиса подвела девушку к Елпидифору. Тане показалось, едва заметная улыбка пошевелила бескровные губы старца, но он тотчас сурово поглядел на свою паству и строго сказал:

— Стань лицом на восток.

Таня растерянно посмотрела на воду, на небо: не могла сообразить, где восток.

— Спиной к солнцу, — пришел ей на помощь Елпидифор, сам стал лицом к ней и перекрестился.

Все последовали его примеру. Началась служба. Елпидифор читал молитвы, Раиса заменяла хор, сипловатым дискантом подтягивала старцу. Иногда к ней присоединялись чернобородый и незнакомая старуха. Однако Тане казалось, что по — прежнему все происходит в тишине.

Вишня топорщила ветки, точно вырезанные из черного железа, понуро висели на раките узкие листья, тускло поблескивала в яме вода.

— Давайте, — негромко распорядился Елпидифор, став вполоборота к Раисе.

Старуха подскочила к девушке, принялась торопливо стягивать с нее рубашку.

Таня смутилась, ей стало стыдно, страшно.

— Что вы!

— Дура! — сердито буркнула старуха, продолжая стягивать рубашку.

Таня подняла руки к груди, краска стыда залила ей лицо.

— Входи, входи в купель, — быстро сказал Елпидифор, подталкивая ее в воду.

Таня полезла в яму, заспешила, оступилась, ушла ногами в тину, взбаламутила воду. Вода успела за день нагреться, была как парное молоко, доходила до груди, но Тане все равно было стыдно и страшно.

Елпидифор взмахнул крестом, отдал его Раисе, положил руки на голову Тане и стал с силой погружать ее с головой в воду:

— Крещается раба божия
Таисия

Во имя

отца
высунуться. — Аминь!
сына
ее голову в воду. —
Аминь!
Окунул в третий раз. —
Аминь

— Помог Тане
И
— Опять погрузил
И святого духа. —
Выходи!

Надел на шею Тане медный крестик на коричневом шнурочке, услужливо поданный Раисой. Жена Виктора Фроловича накинула на плечи Тане простыню, наскоро обтерла, помогла побыстрее натянуть рубашку.

— Вот и окрестили тебя,
Тася

Ее даже не спросили, каким именем назвать! Теперь она, значит, Таисия

Во дворе загавкал пес. Все тревожно взглянули на старейшего. Он все — таки дочитал молитву.

— Идите, — распустил он молившихся.

Все сразу куда — то подевались. Раиса повлекла Таню обратно в каморку.

На дворе покрикивал Виктор Фролович. Пес замолк. В помещении совсем темно. Раиса повернула выключатель. Стало светло и неуютно.

— Подкрепись, — говорит Раиса, выкладывает на стол ломоть хлеба, луковицу и сухую таранку, медлит и неохотно добавляет: — А это от отца Елпидифора

— Достает из кармана юбки яблоко и подает Тане.

ПОДПОЛЬЕ

Наутро Раиса позволила Тане выйти во двор.

— Пойди подыши, порадуйся божьей благодати.

У крыльца прохаживалась девушка, которую дважды видела Таня.

Они с любопытством смотрели друг на друга, ни одна не решалась начать разговор.

— Тебя тоже будут крестить? — первой нарушила молчание Таня.

— Меня еще в прошлом году.

— А как тебя зовут?

— Феврония.

— Ка — а — ак?

— Сперва Фиалкой звали, потому и Феврония.

— Да разве есть такое имя?

— Я была некрещеная, отец назвал, он был у меня коммунист. А потом умер. А тебя?

— Таня — Она тут
же поправилась: — Тася.

— Худая ты

Таня покраснела.

— Хозяин наш загляделся вчера на тебя.

— Брось ты — Таня
покраснела еще сильнее. — Ты не знаешь, мы долго здесь будем жить?

— Разве они скажут!

Тут твякнула собака, и Раиса загнала Таню в дом.

После обеда, — вероятно, по причине присутствия старейшего обед на этот раз был посытнее, пшенная каша с подсолнечным маслом, — Раиса сказала, что Таню хочет видеть старейший.

— А где он?

— У себя.

Таня не очень — то шаталась по чужому дому, она и понятия не имела, где это «у себя».

— Пойди на крыльцо, зайди справа, постучи в стеночку, три раза быстро и два с перерывами.

Таня пошла, постучала — ступеньки вдруг откинулись, открылась лесенка вниз, в подполье.

Снизу показался чернобородый:

— Кто там? А,
Таисия Заходи.

Таня нерешительно сошла.

Конечно, с номером в приличной гостинице обиталище старейшего нельзя сравнить, но «дети подземелья» могли бы позавидовать такому жилищу. Горит электрическая лампочка, стены обиты свежим тесом, две койки, стол, иконы в правом углу

Старейший оправлял фитилек лампы, за столом на табурете Фиалка, стучит на машинке.

Чернобородый закрыл вход, сошел вслед за Таней и, не обращая на нее внимания, принялся раскладывать по столу перепечатанные листки.

Елпидифор повернулся к Тане. Губы жестко сжаты, но глаза улыбаются. Таня поняла: ей следует подойти.

Он размашисто ее благословил и приблизил руку к ее губам. Таня опять поняла: следует поцеловать — и поцеловала.

— Теперь и ты
приближенная

— К вам?

— К господу, к господу.
Глупая

Говорил он незлобиво, даже с оттенком ласки. Таня подумала, что Елпидифор по природе, должно быть, добрый.

— Теперь молись, совершенствуйся. Послух пройдешь при матери Раисе.

Таня рада бы сменить опекуншу,
но
смолчала, «ибо
невозможно без повиновения спастись, от послушания живот
вечный, а от преслушания смерть вечная».

— Слушайся, почитай. Строга, но плохому не научит. —
Старейший замолчал, заставил Таню потомиться, потом сказал: —
Постранствуешь с матерью Райсой, пошлем тебя на будущий год в
школу. Хочешь учиться?

— Чему?

— Большое дело задумал отец Елисей: школы для молодых
христиан пооткрывать
Старейший длинным коричневым пальцем указал на чернобородого: —
— Уставам, правилам церковным, божественному слову.
Проповедники нужны, готовые пострадать за веру истинную.

Отошел и совсем по — дедовски предложил:

— Посиди с нами, отдохни.

И стал перед образами — молиться.

Несчастливый он, должно быть, подумала Таня, с юных лет в
странстве. Зинаида Васильевна рассказывала, сколько он по тюрьмам
да по монастырям мыкался. Все бог да бог, мать потерял в детстве,
жениться не женился, так с одним богом чуть не до ста лет дотянул.
Помрет — не пожалеет никто.

Фиалка все печатала. Медленно, двумя пальцами, — только еще
училась
печатает? Молитвы? Распоряжения келейным? Что она

А чернобородый Елисей все раскладывает и раскладывает
листки по столу, готовит к рассылке.

Вроде бы все бумаги от антихриста, а тут у самих целая
канцелярия!

Фиалка сняла с клавишей пальцы, подергала их.

— Не слушаются больше.

— А вы пойдите вдвоем, освежитесь, — отвлекся старейший от

молитвы. — Погуляйте по огороду, я помолюсь, тоже выйду.

Елисей потянул проволочку, опустил «подъемный мост». Фиалка заторопилась, поманила Таню.

— Пошли, подышим

Вечерние тени плавали в закоулках, из — за забора пахло цветами, где — то бренчала гитара.

— Хорошо, — сказала Фиалка. — Люблю петь.

Таня поинтересовалась:

— А как ты сюда попала?

— Не знаю куда бы я от матери не ушла, — пожаловалась Фиалка. — Отец умер, мать года четыре держалась, а потом появился один шофер, мы на перепутье у него жили, потом другой Мешала я матери, зайдут и уйдут. «Ты меня личной жизни, дочка, лишаешь, — говорила мать. — Вышла бы я замуж, да никто с тобой не возьмет, ушла бы ты хоть к сектантам каким». Ну, свет не без добрых людей, я и ушла.

Они походили по двору, заслушались гитару.

— А ты как? — спросила Фиалка.

— Разуверилась в людях, — призналась Таня. — Один бог не обманет.

— Молись, молись, — посочувствовала Фиалка. — Здесь тебе разувериться не дадут. Здесь жить легко, обо всем за тебя подумают.

Походили меж грядок, присели во дворе на полешко. Темнело. Где — то вдалеке играл оркестр.

— Ты любила танцы? — спросила Фиалка.

Но ответить Тане не пришлось. Кто — то сильно застучал в калитку
Если бы только
Таня знала, кто стучит!
Залился пес, стук на мгновение прекратился и возобновился опять.
Во двор выбежал Виктор Фролович.

— Тихо! — крикнул на пса. — Кто там?

Но к калитке не шел.

Ступеньки крыльца откинулись.

— Эй, вы, скорее, — приглушенно прикрикнул на девушек Елисей и снова нырнул в тайник. Следом скрылись и девушки. «Подъемный мост» поднялся. Пес заливался. Слышно было, как хозяин подошел к воротам, что — то спрашивал, кому — то отвечал. Потом все стихло. Раздался условный стук. Три частых удара и два медленных. Елисей открыл вход, Виктор Фролович поспешно сошел вниз.

— Стучал какой — то мужчина, спросил: «Таня Сухарева здесь живет?» — тихо доложил он старейшему. — Говорю: «Никакой Сухаревой нет». А он свое: «Впустите». Я «Уходи». А он: «Сейчас приведу милицию».

Виктор Фролович только докладывал. Решать полагалось старейшему.

— Позови Раису! — приказал Елпидифор.

Появилась Раиса. Все делалось быстро, без паники, к таким тревогам привыкли.

Елпидифор взглянул на Елисея:

— Ну как?

— Приведет, — уверенно подтвердил Елисей. — Уходить надо.

— Я тоже так полагаю, — согласился Елпидифор. — Матушка Раиса с Таисией и Февронией — на поезд, а мы с Елисеем — на Волгу, на пароход. Езжайте в Сибирь, там много благодетелей. Позже напишу в Барнаул. Мы с Елисеем выйдем через калитку, а вы задом через огород. Идите, я задержусь

Все выбрались, в подполье остались лишь Елпидифор и Елисей, но и они не замедлили появиться во дворе. Раиса собралась, как солдат по тревоге. Одежду и книги — в чемодан, девичьи тряпки — в сумку. Елпидифор поджидал Раису, тоже был уже одет, в длинном черном плаще, в обвисшей шляпе. Рядом Елисей в пальто и картузе. Елпидифор протянул Раисе пачку денег, Тане показалось, что много,

Раиса тут же опустила их в карман.

Виктор Фролович возился у калитки.

— Ну, с богом! — Елпидифор благословил Раису.

Она снова вступала в свои права. Чемодан — Тане, сумку — Фиалке. И засемила на огород.

Через забор ей не перепрыгнуть, вскарабкалась по ветвям вишни и сиганула во мрак.

— Скорее, милые

Двинулись вдоль заборов. Брехали собаки. Раиса шла быстрым привычным шагом — куда только девалась старость! — свернула в проулок, вывела девушек к автобусной остановке у тормозного завода.

Доехали до города, пересели в трамвай, добрались до вокзала. Раиса ввела девушек в зал, посадила в угол, где потемнее.

— Ждите. Я за билетами.

Ждать она себя не заставила.

— Поезд через час.

Взяла всем по булочке и бутылку «Малинового напитка». Делала все осмотрительно, умно, но, видно, нервничала, все посматривала по сторонам.

Подошел поезд Москва — Хабаровск. Раиса заблаговременно вывела девушек на перрон. Привыкла путешествовать, точно рассчитала, где остановится десятый вагон.

В вагоне светло, тепло, пассажиры еще не ложились спать.

Проводница указала места. Таня прильнула к окну. Публика за окном суетится, одни носильщики никуда не торопятся. Радио объявило об отправлении поезда.

Таня все смотрела, какое — то предчувствие не отпускало ее от окна

Поезд тронулся.

Кто — то бежал по перрону вдоль поезда. Какой — то парень

Юра! Таня

рванулась. Ничего не успела ни подумать, ни сообразить, просто инстинктивно рванулась. Побежать, крикнуть!

Раиса схватила ее за руку.

— Куда?

— Юра!

— Какой Юра?

— Мой товарищ, из
Москвы

Поезд набирал ход. Раиса цепко держала Таню.

— Дьявол тебя мучает, наваждение, — шептала она. Какой еще там Юра! Читай молитву, пройдет

Все чаще постукивают колеса, мелькнула за окном водокачка.

— Дьявол тебя
смущает

Юра не Юра, бессмысленно уже бежать к дверям, за окном ночь, огоньки, темнота, пустыня, и уже нет никакого наваждения.

СТРАНСТВО

Всю зиму Таня скиталась с Раисой по маленьким городам Западной Сибири. Фиалка где — то по дороге отстала от них. Нельзя сказать, чтобы благодетели особенно радовались их приходу. Скорее, боялись.

Рядовые сектанты боялись своих руководителей, организацию цементировало беспрекословное послушание, но Раису, казалось Тане, боялись больше всех. Она фанатично верила в бога, ни в чем не отступала от канонических догм и отличалась суровостью, иногда переходившей в жестокость. Она никому и ничего не прощала. Ни малейшего отступления от раз и навсегда установленных правил! Впрочем, не жалела она и себя, на самое себя накладывала епитимьи за малейшие прегрешения.

Если Таня и мечтала о чем в эту зиму, так лишь о том, чтобы вырваться из — под опеки Раисы, хотя надежды на это почти не было.

Приезжали в какой — нибудь городок, Раиса доставала из бездонных своих карманов клочок бумаги с нацарапанным на нем адресом — впрочем, многие адреса она знала наизусть, — и они отправлялись на поиски.

Большей частью благодетели жили на окраинах, в собственных домишках, под охраной свирепых сторожевых псов. Подходили к воротам, стучались, всплескивался собачий лай, спустя какое — то время раздавался хозяйский голос, долго расспрашивал, кто да зачем. Раиса говорила условные слова, калитка отворялась. «Во имя отца и сына и святого духа», — бормотала Раиса. «Аминь», — отвечал хозяин. Их впускали, и на какое — то время они обретали кров и стол.

Начинались бесконечные богослужения. Молились, недосыпая и недоедая. Иногда возникала тревога: приходил кто — нибудь из посторонних или хозяину со страха начинало казаться, что будто кто — то дознался, что у него живут странники. Без промедления прятались, лезли в подполье, на чердак, во всякие тайники, сделанные изобретательно и хитро. Тут были и двойные стены, и ямы с насыпанной поверх картошкой, и норы в завалинках, а один раз пришлось даже сидеть в яме, вырытой под собачьей конурой.

Забирались в тайник и часами сидели ни живы ни мертвы, не подавая никаких признаков жизни.

Тревога проходила — выползали обратно, чаще всего ночью, и опять принимались отбивать поклоны.

Иногда появлялась опасность быть обнаруженными, хозяевами овладевал страх, тогда странники снимались с насиженного места и переходили в другую келью.

Впрочем, как — то к хозяевам, у которых остановились наши странницы, заявила милиция. Искали каких — то людей, осматривали дом. В чулане обнаружили Таню, но почему — то не обратили на нее внимания.

Обстоятельство это встревожило Раису больше, чем если бы к Тане проявили интерес, и утром они незамедлительно покинули свое обиталище.

За зиму Таня хорошо познакомилась с порядками секты. Низовым звеном считались кельи. Они были различны по численности — от нескольких человек до нескольких десятков иноков, инокинь и послушников. Келью возглавлял старший

келейник, кельи объединялись в приделы, руководимые областным придельным, а во главе всех стоял старейший преимущественно, избранный собором, собирающимся раз в несколько лет.

Видовые оберегали странников от общения с миром, сами странники, буруемые религиозным пылом, лишь молились да прятались. Впрочем, если большинство повстречавшихся Тане странников действительно были жертвами своей религиозности, их руководители, всякие келейные и придельные, занимались еще кое — чем: писали какие — то подметные письма, составляли проповеди, запугивали верующих, обещали скорую войну и, главное хотели войны, готовились, как выражались они, к столкновению с антихристом и его слугами.

Они осуждали все, с чем свылась Таня за свою недолгую жизнь. Им было не по нутру все, что принес людям советский строй: человеческое достоинство, школы и книги. Они считали, что христиане не должны служить в армии, не должны защищать родину, пожалуй, даже само понятие родины было им чуждо. Они даже пионеров считали своими врагами. Они называли слугами сатаны коммунистов, комсомольцев, учителей, врачей, милиционеров — короче, всех, кто заботился об общественном благе, кто поддерживал общественный порядок в стране.

Но Таня не придавала этим проклятиям большого значения. Мало ли что кому не нравится! Ей казалось, что все — таки самое главное в ее странстве — это вера; ни о чем не должно тревожиться, и тобой, и всем миром управляет чужая воля

Она совсем обезволилась в своих скитаниях. Тайна точно окутала ее отгораживающей от всех пеленой, девушка точно очутилась в непроницаемом коконе. Романтика блужданий превратила ее в покорную спутницу своей суровой и непреклонной наставницы.

Таня готовилась к иной жизни. Она читала священные книги, запоминала службы. Раиса строго взыскивала с нее за малейшее нарушение уставов, и так, переходя из кельи в келью, Таня все ревностнее усваивала келейные правила.

Особенно тяжело было скрываться в домах, где росли маленькие дети: они легко могли выдать. Целыми днями приходилось прятаться в неудобных тайниках и надолго замирать в неподвижном молчании.

Когда Раиса особенно серчала на Таню, она нарочно выбирала дома с детьми — ни дыхни, ни пикни, лежи, скрючившись, в какой — нибудь щели и повторяй про себя молитвы!

Раиса раздражалась по всякому поводу, могла замахнуться, а то так даже и ударить, и как — то в феврале, в жестокий мороз, в одном платье выгнала Таню на улицу и впустила обратно, когда та совсем уже окоченела.

Но самое страшное произошло в Рубцовске. Нашли нужный дом, Раиса в нем еще не бывала. Наступал вечер.

Постучались. Залаяла, как обычно, собака, но никто не вышел. Раиса толкнула калитку. Почему — то она оказалась незапертой.

— Иди, — сказала она Тане.

За калиткой метался разъяренный пес. Таня испуганно отступила.

— Иди, — повторила Раиса.

— Я боюсь, — пролепетала Таня.

— Я приказываю! — с раздражением сказала Раиса. — Как можешь ты рассуждать?

Таня вошла, собака набросилась на нее, вцепилась в ногу, повалила. Таня закричала. Две недели не могла встать, лежала в подвале, в узкой нише, выкопанной в земле и заделанной досками. Лечить ее, конечно, никто не лечил, приносили раза два в день поест, а сама Раиса сказала, что «заживет как на собаке».

Позже уже, покинув Рубцовск и перебираясь на новое место, Таня осмелилась обратиться к Раисе; на людях Раиса умела сдерживаться.

— Вы не думали, что собака может укусить?

— Почему не думала? — холодно ответила Раиса. — Без повиновения не спастись; пострадала, зато послушалась. Послушание даже выше пустынночества

— А если мне прикажут убить?

— Убей, — подтвердила Раиса. — Грех не на том, кто исполняет, а на том, кто приказывает.

Нет — нет да и возвращались мысли Тани к Москве, вспыхивала тоска по матери

Но не так уж много времени оставалось у нее для размышлений, слишком глубоко была она втянута в круговорот страннической жизни. Окружающие то и дело внушали ей, как сладко пострадать за Христа, и немалую роль играло тут самолюбие: я не хуже, не слабее других, все могу вынести

Как пойманный воробей, не могла она вырваться из сжимающей ее жестокой руки. Все время на глазах у Раисы. Молись, тверди чужие слова и каждое движение подчиняй ее окрикам
Таня как бы погрузилась в состояние анабиоза, все стало ей безразлично.

Она так привыкла рабски следовать во всем за Раисой, что начала бояться незнакомых людей. А еще больше она боялась Раисы. Боялась своих наставников и покровителей. Ей часто давали понять, что ей уже не уйти из секты: накажет бог, обрушит на нее страшные кары, и всегда найдутся люди, желающие стать орудием божьего гнева
У нее не было ни денег, ни документов. Она не представляла себе, как может она куда — то прийти, попросить помощи. Что сказать? Кто поверит? А очутись она снова в Москве! Какой позор ее ждет
Это она понимала. Она боялась Москвы. Теперь уже всё, теперь она человек без роду, без племени, истинно — православная христианка, странница, не имеющая ни имени, ни угла.

Весной приехали в Барабинск. Там Раису дожидалось письмо. Старейший преимуществей приказывал ехать в Тавду. Молодых христианок собирали в школу, мать Феодула будет обучать их всякой премудрости.

Старик оказался верен своему слову. Таня вспомнила обещание взять ее в школу. Тогда она подумала, что это так, мечта, какие могут быть в странстве школы?

— Легкую вам жизнь делают, — ворчала Раиса. — Не потерпела, не пострадала еще достаточно, а уже зовут постигать свет.

Но подчинилась без промедления, помолилась и в тот же день

повела свою воспитанницу на станцию. Церковные уставы одинаково писаны и для послушниц, и для инокинь.

В поезде, по дороге в Тавду, к ним привязался какой-то обходительный парень. Все пялил на Таню глаза, не скрывал своего восхищения, расспрашивал, куда и зачем едут. Но Таня подметила его пытливый взгляд, обращенный не столько на нее, сколько на Раису, и вдруг поняла, что Раисой он интересуется больше, чем ею, только не подает виду, не так — то уж ему интересна Таня, однако сказать об этом Раисе она не осмелилась.

Раиса злилась, исщипала Тане всю руку, чтобы та не смотрела на парня. Они отвязались от него только перед самой Тавдой.

В Тавде Раиса не задержалась, зашла на минуту в лавку купить хлеба, хотела взять еще рыбного филе, — дорога предстояла тяжелая, через лес, Раиса собиралась идти пешком, — но услышала, что рыба из Китая, какой-то серебристый хек, и не решилась взять, китайцы — нехристи, кто знает, не оскоромишься ли еще китайской рыбой, взяла селедки посолонее, и только и видели странниц в Тавде.

Повела Раиса Таню в какой-то не то Чуш, не то Чош, где можно не бояться, что придут проверять у странников паспорта.

Весна пенилась, сияла полным расцветом, все в природе было какое-то ювелирное по отделке и чистоте: листья на березах изумрудные, одуванчики золотые, ранние полевые гвоздики светились, как рубины, и небо — точно из ляпис-лазури.

— Боже, какая красота! — упоенно воскликнула Таня. — Какая радость везде!

— А ты не очень тешь глаза земной радостью, — попрекнула ее Раиса. — Созерцай лучше незримого, который наполняет мир благостью.

Дорога не пылила, земля еще не просохла, над глубокими колеями кудрявилась свежая травка.

Едва вышли из города, затарахтел грузовик. Раиса посторонилась пропустить, оперлась на палку, но грузовик поравнялся и остановился. Дверца приоткрылась, из кабинки высунулся шофер в голубой майке, с рыжими непокрытыми кудрями.

— Далеко, бабушка? Куда путь держите?

— В Чош, — сказала Раиса, хотя на самом деле им предстояло свернуть в сторону.

— Садись, бабушка, подвезу, — предложил шофер. — По пути.

— Растрясет, поди

— Раиса колебалась. — А сколько возьмешь?

— Вас бесплатно, а внучка поцелует покрепче! — Шофер засмеялся. — Не беспокойтесь, бабушка, ничего не возьму, из уважения даже тише поеду.

Раиса не спеша подошла к грузовику, заглянула в кабину, в кузов: там двое парней покуривали сигареты.

— Куда садиться — то?

— На почетное место, рядом с водителем, а внучку
наверх

Раиса палкою ткнула в кузов, строго посмотрела на Таню:

— Садись.

Подождала, пока парни помогли Тане взобраться, села в кабину.

— Куда едете — то? — поинтересовался шофер.

— К племяннику, в гости.

— А кто он у вас?

— Лесник — Раиса
спохватилась, не надо говорить, что лесник. — Не лесник, делает
что — то по лесу.

— Живицу собирает? Дело доходное.

Бабка не очень — то склонна разговаривать.

Шофер погнал машину, спидометр отсчитывал километр за километром.

Вдруг в заднее стекло кабины забарабанила частая дробь. Еще, еще

Шофер остановил машину, выглянул из кабины.

— Что стряслось?

Таня выпрыгнула из кузова, подбежала к Раисе. Розовая, как шиповник.

— Не поеду дальше,
вольничают

А ребята в кузове не так чтобы очень уж вольничали: один обнял за талию, другой поцеловал в щеку. Но Таня до того остро чувствовала свою отрешенность от мира, так ей больно малейшее напоминание о близости с Юрой, что даже небольшая вольность, которая на иную девушку не произвела бы большого впечатления, оскорбляла ее до глубины души.

— Вы что? — заорал шофер, выскакивая из кабины. — Не можете себя держать? Вот высажу
обоих

— Да мы ничего, ей — богу, — забожился один из парней. — Разве мы хотели обидеть? Пусть садится обратно, пальцем
больше

Но и Раиса вылезла уже из кабины. Она не могла дать воли чувствам, но глаза ее метали молнии. Мгновенно она оценила обстановку — ехать или пойти пешком: не хотелось под вечер искать где — то в лесу ночлега — и тут же нашла решение.

— Таисия! — позвала она, властно указывая на кабину. — Садись.

— Да что вы, бабушка? — возразил шофер. — Больше они не
позволят

Шофер тоже не ангел, решила Раиса, но у него хоть руки заняты.

— Таисия, тебе
говорят

Таня знала: уговаривать старуху бесполезно. Они поменялись местами.

Шофер ухмыльнулся, поманил одного из парней.

«Предупреждает вести себя поприличнее», — подумала Раиса.

На самом деле шофер шутил:

— Теперь целуйтесь, желаю успеха!

Поехали. Шофер озабоченно спросил Таню:

— Они на самом деле обидели вас?

— Не очень, — призналась. — Сама не знаю, как вспылила.

— Что бабушка, что внучка, — укоризненно заметил шофер. — Уж очень вы строгие. Неужто и побаловаться нельзя?

— Нам нельзя, — сказала Таня. — Мы монашки.

— Тю! — присвистнул шофер. — Никогда еще не видал живых монашек

И с любопытством принялся посматривать на девушку.

На поддороге он их высадил — на этот раз постучала Раиса.

— Неужто, бабушка, и к вам пристают?

Старуха не удостоила его ответом.

— Спаси господь, — сказала она. — Добрались мы, отсюда нам тропкою.

Раиса бывала в этих местах лет шесть назад, но помнила все памятью следопыта.

Таня поблагодарила шофера, проводила задумчивым взглядом машину и двинулась вслед за Раисой.

Высились вперемежку гигантские березы и сосны, темнели пушистые ели, топорщилась низкорослая ольха. Ветер шелестел в ветвях, деревья точно переговаривались. Отовсюду тянуло странными резкими запахами. Казалось, вступаешь в какой — то таинственный мир

Должно быть, Раиса почувствовала настроение Тани и захотела

ее ободрить.

— Скоро дойдем, — обронила она. — Господь вознаградит тебя за послушание.

ТАЙНАЯ ТРОПА

Показалась широкая просека, и на ней высокая рубленая изба под железной крышей в окружении подсобных построек, и подальше еще одна, чуть поменьше, но тоже рубленая на века.

— Второй прежде не было, — озабоченно заметила Раиса. — Кто еще здесь?

Подошла к избе, постучала о крыльцо палкой. Выглянула какая-то женщина, скрылась, и сейчас же на крыльцо вышел обросший седой щетиной мужчина в синем засаленном ватнике.

— Мать Раиса!

Может быть, он не узнал бы ее, если бы не был предупрежден о ее прибытии.

Раиса на ходу благословила его, вошли. В избе чисто, бело, на стене иконы, крест. Тихо.

— Вот и Душкин, — назвала она Тане хозяина. — Сильвестр Кондратович.

— Кондрат Сильвестрович, — поправил тот инокиню.

Хозяйка низко поклонилась Раисе.

— А где дети? — осведомилась Раиса.

— Двое в Тавде, учатся, — объяснила хозяйка. — А третий в лесу.

— А где старейший?

Душкин неопределенно повел головой.

— Проводим.

— Спокойно у вас?

— Как сказать. Намеднись забрел охотник. Что — то не понял я его

— Новая послушница? — осведомилась хозяйка, указывая на Таню.

— Послушница.

— Много наших съезжается

— А где пребывают?

— Построили в лесу балаган, окромя меня и Рябошапки, никому не найти.

— Рядом его изба?

— Она самая.

— Что за Рябошапка?

— Объездчик.

— Христианин?

— Приехал еретиком, теперь наш.

— Бог воздаст тебе, Кондрат Сильвестрович.

— На этом свете наград не ждем.

— Царствия небесного не минуешь

Хоть сам он не находился в странстве, Душкин был одним из тех, на кого прочно опиралась секта. Происходя из старой кержацкой семьи, глубоко религиозный человек, он хорошо помнил отца, сочувствовавшего Колчаку за то, что тот «пролил кровь за царя», и впоследствии ушедшего и пропавшего где — то в странстве.

Раиса выглянула в окно.

— Когда поведешь?

— Завтра уже, на зорьке, — рассудительно сказал Душкин. —

Рябошапка проводит.

— Позови.

Душкин привел Рябошапку. Он не понравился Раисе, не чета Душкину. Мордастый здоровый мужик, вряд ли воздерживается от плотских утех. Должно быть, и выпить любит, судя по румянцу. И в секту небось вступил лишь для того, чтобы ладить с Душкиным. Хорошо лишь, что от секты теперь не отвертеться, все будет хранить в тайне, чтобы не скомпрометировать себя перед властью.

Но поклонился Рябошапка инокине даже истовее, чем Душкин.

— Что прикажешь, мать?

— Проводишь?

— Поздновато сегодня по болоту, не ровен час, оступимся в трясины

Раиса отпустила его:

— Иди.

Хозяйка опять поклонилась Раисе:

— Ужин собрать?

— Какой там ужин, — отмахнулась старуха. — Два дня по правилам не молились. Таисия, достань требник, становись, да и вы тоже

Указала Душкиным место позади себя, на Таню даже не взглянула, ее она уже выдрессировала, опустилась на колени и принялась отбивать поклоны.

Прежде других поднялась на рассвете Раиса. Разбудила Таню. Хозяева услышали возню. Душкин вышел на улицу, хозяйка закопошилась у печки.

— Собирайся, — поторопила старуха послушницу.

Хозяйка метнулась к Раисе:

— Позавтракать?

Старуха покосилась на нее!

— Все только об
утробе

Вернулся Душкин.

— Рябошапка где?

— Ждет.

— Идти долго?

— Километров двадцать.

— Позавтракаем в пути.

Рябошапка ждал у крыльца, в резиновых сапогах, с легким топориком в руке.

Раиса покосилась на него.

— Чего это ты с железом?

— Тайга!

— Ну, благослови вас
господь

Деревья, деревья. Одни деревья. Стволы, стволы. Голубые просветы. Розовые тени бегут по белым лишайникам. Обвисшие ветви елей. Выцветшая серая хвоя. Гнилые пни. Как не похож этот страшный седой лес на веселые щебечущие леса Подмосковья!

Начиналось утро, но не чувствовалось вокруг звонкого пробуждения природы. Становилось все светлее, и только. Ни щебета птиц, ни шороха невидимых лесных тварей, ни распускающихся цветов. Сучья, валежник, прелые листья — и тишина. Глухая, безнадежная тишина.

Раиса шагала, как автомат. Следом торопилась Таня. Впереди по невидимой тропе пробирался их проводник. Куда он только их заведет?

Так шли, не зная ни времени, ни дороги.

Рябошапка вдруг обернулся:

— Пообедать бы?

— Успеешь, — оборвала Раиса. — Далекое еще?

— Поболе половины.

Тогда она смилостивилась:

— Садитесь.

Без слов глазами указала на мешок. Таня подала. Достали хлеб, лук, селедку. Рябошапка тоже извлек из — за пазухи сверток.

— Погоди, — остановила Раиса. — Перекрести сперва рот.

Встала на колени, рядом опустилась Таня. Раиса оглянулась на Рябошапку. Тот продолжал стоять.

— Ты чего?

Отвернулась, не начинала молитвы, пока не услышала, как Рябошапка стал на колени.

Молилась долго, истомила проводника, потом мотнула головой на его сверток:

— Чего там?

— Сольцо, — с готовностью отозвался тот. — Сольцо, матушка.

— Грех, мерзость, — быстро произнесла Раиса. — Выбрось.

Рябошапка придавил сверток волосатой своей пятерней, точно боялся, что Раиса бросится отнимать.

— Да ты что, матушка? В этаких — то лесах на луковом рационе ног не потянешь

— Отойди в сторону.

Отойти в сторону Рябошапка не возражал.

Они пообедали, зашагали дальше, и, чем дальше шли, тем глубже попадались овражки, тем больше громоздилось бурелома, тем

чаще Рябошапка пускал в ход свой топорик.

— Ну, а теперь господи благослови, — нараспев сказал он, раздвинул кусты ольшаника, и перед ними открылась кочкастая лужайка, поросшая коричневатой зеленью. — Теперь, матушка, на бога надейся, а сам не плошай, — насмешливо предупредил проводник.

Он осторожно ступил на зыбкую почву.

Медленно переходили трясины, земля прогибалась, хлюпала под ногами вода.

Вновь углубились в лес. Пошла такая чащоба, что сам Рябошапка то и дело останавливался и чесал затылок.

Овражки попадались все чаще. Перешли ручей, поднялись в гору, шли какое — то время по седловине, поросшей молодым березняком, и вновь углубились в чащобу.

На крутом склоне Рябошапка остановился:

— Пришли.

Таня не видела ничего, кроме поросшего лесом косогора.

Задорно поблескивая глазами, Рябошапка обернулся к Раисе:

— Ну как, матушка, одобряешь?

Должно быть, старуха умела видеть лучше Тани, потому что впервые улыбнулась проводнику.

Тут и Таня увидела: два приземистых, скособоченных продолговатых строения с крышами, покрытыми пластами свежего дерна.

В одном из жилищ приоткрылась дверь, показалась чья — то голова и тут же скрылась

Ждут их или не ждут?

Уверенными шагами Раиса спустилась к постройкам и скрылась. Таня осталась с Рябошапкой.

И вдруг все ожило. Показались инокини и послушницы, вышли

иноки. Все двигались, как на сцене, медлительно, плавно, даже торжественно.

Затем появилась Раиса, чуть посторонилась дверей и поклонилась

Таня увидела Елпидифора. Сердце ее защемило при воспоминании о Москве, о темной конурке на Шаболовке, перед глазами мелькнул розовый огонек лампадки, и желание ощутить на своей голове руку старейшего вновь овладело ею. Таня склонилась до земли и не столько увидела, сколько почувствовала, что Елпидифор благословляет ее

Так началась ее жизнь в келье, возглавляемой самим преимуществим, начались занятия в духовной школе юных христианок, призванных к подвигу во славу господи бога.

Километрах в двадцати от заимки лесника Душкина, отделенная со стороны Тавды недоступным болотом, огражденная непроходимой тайгой, на склоне безыменной лесистой горки обосновалась новая келья истинно православных христиан.

Жилища возведены руками Душкина, Рябошапки и других приверженцев секты. Одно для мужчин, другое для женщин. Леса вокруг достаточно. Сколотили дома, пристроили сараюшки, обсыпали крыши и стены землей, поверх обложили пластами нарезанного дерна, издали и не подумаешь, что здесь человеческое обиталище.

В этом — то глухом месте и разместилась духовная школа, и тут же вскорости должен состояться собор истинно православных христиан.

Уже ранней весной стали прибывать сюда инокини с послушницами, позже приехали Елпидифор и Елисей, а следом за ними и другие иноки.

Неподалеку в низине соорудили даже коровник, и по поручению Елисея Душкин купил в Тавде корову, — по причине преклонного возраста старейшего подкармливали молоком.

Однако, как Елпидифор ни крепился, близилось его время предстать перед лицом господи, дряхлел он день ото дня, и не раз говорили между собой влиятельные иноки, что на предстоящем соборе придется избрать нового руководителя секты.

Но пока что все шло заведенным порядком — обитатели кельи собирались на молебствия, внимали поучениям старейшего, слушали

проповеди Елисея. На Елисея взирали с особым благоговением, предполагалось, что именно ему предстоит принять от Елпидифора бразды правления.

Своим чередом продолжались и занятия в школе.

Инокони поднимали послушниц еще до света, сами становились на молитву, а девушки погружались в хлопоты по хозяйству. Носили из ручья воду, кололи дрова, топили печи, варили кашу.

Справив дела, послушницы направлялись на занятия к матери Феодуле и матери Ираиде.

Наставница школы Феодула — добродушная низенькая старушка. Носик на ее лице торчит пуговкой, вокруг глаз разбегаются лучики морщин, и, хоть и не положено, снисходительная улыбка частенько раздвигает сухонькие губы, из — за которых поблескивают маленькие, ослепительно белые зубки.

В помощь ей придана мать Ираида. Эта не улыбается никогда. Она тоже невысока и на первый взгляд даже невзрачна, но, отоспись она в теплой постели, посиди подольше на солнышке и прикоснись к ней рука парикмахера, темные ее волосы закудрявились бы, щеки покрылись бы легким румянцем, заискрились бы зеленые глаза, и стала бы она женщиной хоть куда.

Феодуле за семьдесят, Ираиде нет сорока. Обе великие начетчицы. Евангелие, требники и другие богослужебные книги знают назубок.

Феодула, как говорится, дошла до всего своим умом. Достигла высшей премудрости только по соизволению господа. В секту вступила неграмотной крестьянкой и лишь в странстве научилась читать и писать. Читала отлично, писала с ошибками, древнеславянский язык знала лучше современного русского и наизусть вытвердила все церковные службы. Ее не сбить ни в датах, ни в толковании канонических правил. Она вела в школе — как бы определить? — кафедру догматики, что ли.

Ираида — особа иного склада. В свое время окончила даже педагогический институт. Года два учительствовала, но затем — то ли после смерти родителей, то ли от несчастной любви — тяжело заболела, провела несколько лет в психиатрической лечебнице и вышла оттуда типичной религиозной психопаткой. Психопатизм этот, правда, скрыт глубоко внутри, иначе ее из больницы не выписали бы, но в иные моменты она говорила о Христе с таким исступленным

сладострастием, что у специалиста — психиатра характер ее любви к Христу не вызвал бы никаких сомнений. На ее долю досталась, так сказать, кафедра риторики!

Занятия в «таежной академии» мало чем напоминали уроки в обычной школе, но Таня находила в них своеобразное удовлетворение. Собственные мысли нарушали покой ее души, а основное правило всякой духовной школы — принимать все на веру и ничто не подвергать сомнению — облегчало ее отношения с жизнью: пусть все идет, как идет, ни о чем не страдай, не вспоминай, предайся на волю божью

Здесь в лесу, среди странных и даже очень странных людей, Таня пряталась от самой себя. За год странствования она многое бы увидела другими глазами, позволь она себе беспристрастно взглянуться в окружающую ее действительность.

Вера Зубрежка путаных
текстов, монотонное чтение молитв, бездумное послушание, постоянная игра в прятки! Она прилежно соблюдала обряды, страшась увидеть скрывающуюся за ними пустоту.

До обеда Ираида и Феодула разъясняли девушкам всякие богословские тонкости, а после обеда девушки отвечали урок. Исключений не делалось ни для кого, каждая была обязана ответить на вопросы, и, боже упаси, если кто — нибудь из воспитанниц плохо заучивал тексты или запинаясь в ответах, нерадивую ученицу на всю ночь ставили отбивать поклоны.

Иногда обычные занятия прерывались, на беседу с послушницами приходили приближенные Елпидифора — то Елисей, то Григорий. Начинали они тоже с религиозных наставлений, но затем переходили на светские темы, жаловались, что власти притесняют верующих, преследуют слуг Христовых, не дают свободно проповедовать слово божье, допытывались у девушек, как те относятся к властям, готовы ли пострадать за веру, как будут вести себя в случае войны

Ничего определенного иноки не говорили, но на душе у Тани становилось тревожно, нехорошо, появлялось сознание, что ее вовлекают в какое — то недоброе дело

А вообще — то жить в тайге было не так беспокояно и голодно, как в обычном странстве, ежедневно варили обед, днем разрешалось пить чай, и иногда даже с

сахаром
доходил либерализм отца Елпидифора!

Вот до чего

В размеренности и монотонности этой жизни заключалась даже своеобразная прелесть. Молитвы, занятия, хлопоты по хозяйству. Редкие промежутки отдыха. Бездонное небо. Послушание и молчание. Закаты, березы, тишина. И тайна. Все обволакивающая тайна

Вечное нескончаемое странство!

ЗИМА ТРЕВОГИ НАШЕЙ

По возвращении из Ярославля Юра тут же поступил в СМУ. Маляром. Получил второй разряд и сразу приступил к работе.

Как — то зимой, зайдя к Зарубиным, я мельком увидел Юру. Он только что пришел домой и опять куда — то уходил.

— Извините, — бросил он мне на ходу. — Спешу.

Предупреждая мои вопросы, Анна Григорьевна с таинственным видом приложила палец к губам.

— У Юры появились дела, о которых он не говорит ни со мной, ни с отцом, — пожаловалась она, когда в передней хлопнула дверь. — Мы не думаем ничего дурного. Мальчик очень повзрослел и в конце концов сам обо всем расскажет. Но все — таки я не могу не тревожиться. К нему приходила какая — то женщина. Это не роман — пожилая женщина. Он увел ее к себе в комнату. Потом ушел. Завел сберкнижку — копил деньги. В нашей семье никто никогда не копил
Что — то с ним
происходит!

— Взрослеет, вы же сами сказали. У каждого юноши когда — нибудь да начинается личная жизнь.

— Все так, — не без горечи согласилась Анна Григорьевна. — Но для меня — то он остается
ребенком

В какой — то степени я мог бы ее просветить, но, право, не знал, встревожит или успокоит ее мое сообщение, а сам Юра вряд ли был бы доволен моей информацией.

Вскоре после той мимолетной встречи Юра появился у меня.

— Не обижайтесь, что не захожу, — начал он с извинений. — Просто не хватает времени.

Он принялся рассказывать о себе. Оказывается, строить дома небезынтересно. Если бы он не сохранил пристрастия к химии, то стал бы, пожалуй, архитектором. Комсомольская работа предстала перед ним тоже в каком-то ином качестве. На производстве у него появилось много дел, не имеющих отношения к его прямой работе. По-прежнему много читает. И помимо всего, так как впереди еще поиски Тани, приходится уделять часть времени вопросам атеистической пропаганды

— А что за дама к вам приходила?

— Мама уже доложила? Танина мать. Ее вызывали в милицию. Она давно уже заявила об исчезновении дочери, но сперва там как будто не придали ее заявлению значения. А недавно вызвали, подробно обо всем расспросили и сказали, что обязательно найдут. Я иногда захожу к ней. Вот она и пришла поделиться

— Значит, можно ждать результатов?

Юра как-то многозначительно хмыкнул.

— Вы что сомневаетесь?

— Нет, я не о том. Меня тоже вызывали!

— В милицию?

— Почти. Посоветовали расходовать свою энергию более рационально, А Сухареву, сказали, найдут и без моей помощи.

— И вы вняли голосу рассудка?

— Мой рассудок посоветовался с моим сердцем и не внял голосу чужого рассудка.

— И как же там отнеслись к вашему решению?

— Я сказал, что мне очень приятно, что Таню ищут, но что

лично меня заниматься поисками обязывает моя совесть.

— И там

— Сказали, что их дело предупредить, а вообще — то от меня никто ничего не требует.

— И вы решили

— Что я не могу отказаться от поисков.

Признаюсь, мне понравилось решение, принятое и Юрой, и не Юрой: жизнь поставила его перед обстоятельствами, которые формируют характер настоящего мужчины, он не хотел перед ними отступать, и ему не мешали с этими обстоятельствами справиться.

Все — таки я осторожно спросил:

— А вы сами — то надеетесь найти Таню?

— Конечно, — уверенно сказал Юра. — При желании даже иголку найдешь в стоге сена, а я ищу человека.

И еще раз Юра пришел ко мне уже в конце апреля. Пришел с просьбой, но сперва рассказал о том, как он установил местонахождение Тани.

Для этого имелся единственный источник — все та же Зинаида Васильевна Щеточкина. Она, без сомнения, являлась одним из агентов секты. Происшедшие провалы могли ее и напугать, и насторожить, но она не могла по этой причине перестать служить секте. Юра и Петя решили продолжить за ней наблюдение.

Они, конечно, не могли дневать и ночевать возле ее квартиры, но не проходило дня, чтобы кто — нибудь из мальчиков не наведлся на Шаболовку.

К Щеточкиной никто не приезжал, не писал, ее как будто забыли. По — видимому, на какое — то время сектанты решили прервать связи с Москвой.

— До чего же скучно быть сыщиком, — жаловался Петя. — Где бы только набраться терпения?

— Выдержка, выдержка и еще раз выдержка, — назидательно повторял ему Юра. — Сыщиками становятся не ради романтических приключений, а ради необходимости.

И настойчивость принесла свои результаты.

После долгого перерыва в прорези почтового ящика на двери знакомой квартиры забелело письмо. Может быть, Щеточкина и ранее получала письма, но Петя впервые увидел письмо в ее ящике. Он помнил, как много дало письмо, обнаруженное милицией в Бескудникове. Соблазн был слишком велик. Петя извлек письмо с помощью проволоки.

Вечером приехал к Зарубиным и выложил письмо перед Юрой:

— Вот.

— Что это?

— Письмо.

— Как оно попало к тебе?

— Ловкость рук

Судя по штемпелю на конверте, письмо отправлено из какой-то Верхней Тавды.

Начались угрызания совести. Однако искушение было слишком велико.

Мальчики отправились на кухню, зажгли газ, поставили чайник и, когда из носика забила струя пара, принялись расклеивать конверт.

— Чем это вы занимаетесь? — поинтересовался зашедший в кухню Сергей Петрович.

— Отклеиваем интересную марку, — нашелся Юра. — Петя собирает коллекцию

Но едва отец вышел, Юра отдернул руку от чайника так, точно ее обдало паром.

— Ты что? — удивился Петя.

Юра ребром ладони пригладил конверт.

— Не могу. Непорядочно.

— Интеллигентское чистоплюйство? Письмо адресовано такой сомнительной особе, что

— Говори что хочешь, но я не приучен читать чужие письма, понимаешь? Не знаю, что бы сказал отец, если бы смог предположить, что я вскрываю чужое письмо

— Но ведь во время войны, я читал об этом, военная цензура вскрывала немало писем?

— И я об этом знаю, это называется перлюстрацией, делалось это в целях борьбы со шпионажем, но сейчас решительно запрещено

В итоге спора мальчики заклеили конверт, и по дороге домой Петя завернул на Шаболовку и бросил письмо обратно в почтовый ящик.

Об этой перепалке я узнал не от Юры, а от Пети, и гораздо позже, когда последний, в свою очередь, поделился со мной подробностями пережитых ими приключений. Отмечу только черту Юры, проявившуюся в этом инциденте. Характер его еще только складывался, но он уже был твердо убежден, что в борьбе хороши далеко не все средства.

Сам Юра сказал, что они с Петей так и не решились вскрыть конверт и с большими колебаниями договорились лишь осматривать письма снаружи, то есть то, что вообще предоставлялось всеобщему обозрению.

Всего Щеточкина в течение весны получила шесть писем и две открытки, на всех конвертах и на одной открытке стоял один и тот же штемпель погашения: «В. Тавда» и лишь на второй открытке значилось: «Туринск».

Юра поинтересовался: что же это за место — Тавда? Оказалось, небольшой городок на Урале, расположенный в трехстах километрах севернее Свердловска.

А Туринск — город и станция по пути в Тавду, и, так как оттуда

пришла всего одна открытка, она могла быть отправлена по пути из Тавды или в Тавду. Однако, как выяснилось позднее, брошена она была по дороге в Тавду!

Открытки мальчики все — таки прочли, не удержались. Были они довольно бессодержательны, состояли из пустопорожних каких — то фраз или, возможно, такими должны были казаться непосвященным. Но в открытке, посланной из Туринска, сообщалось: «Едем с внучкой в гости в Тавду» — и стояла подпись: «Рая»; а во второй открытке, среди прочих незначительных фраз, было написано, что «дедушка отдыхает у лесника»

К этому времени Юра прочел немало литературы о скрытниках, или бегунах, познакомился со структурой секты, получил понятие о странниках и благодетелях и сделал поэтому кое — какие выводы из тех скудных сведений, которые оказались в распоряжении наших мальчиков.

Раиса — старая знакомая! А что касается внучки, внучкой могла быть названа любая послушница, любая неофитка, но, поскольку Раиса имела отношение к похищению Тани, Юре хотелось думать, что под внучкой подразумевается именно Таня. Здесь имела место больше интуиция и даже телепатия, как модно теперь говорить. А о том, что дедушкой назван старейший преимуций, как именуется глава секты, можно было предположить по обилию писем из одного и того же отдаленного городка, где обрывался железнодорожный путь и вокруг расстилались глухие уральские леса, можно было предположить, что по каким — то обстоятельствам сектанты концентрируются именно в районе Тавды.

Короче, с наступлением лета Юра решил начать поиски Тани в Тавде.

— Неужели вы в самом деле собрались в Тавду?

— Точно и определенно.

— А вы уверены, что найдете там Таню?

— Она уехала вместе с Раисой.

— А где их там искать?

— У лесника.

— Это так

неопределенно

В связи с предстоящей поездкой Юра и пришел ко мне.

— Я не могу сказать папе и маме о цели своей поездки. Скажу, что еду с геологической экспедицией. Такое путешествие мои родители санкционируют. Особенно если вы еще выскажете свое одобрение.

— А чем еще вам помочь?

— А еще — Юра
замаялся, собственно говоря, он только приблизился к главной цели своего визита. — Со мной едет Петя. Я поднакопил денег. Но не хотелось бы, чтобы у нас в этом отношении были связаны руки. Поэтому, если вас не очень затруднит

Я дал Юре денег. Забегая вперед, скажу, что долг этот был возвращен мне копейка в копейку.

— Значит, скоро в путь?

— Да, «зима тревоги нашей позади».

— Стейнбек?

— Шекспир! «К нам с солнцем Йорка лето возвратилось».

Мальчик превратился в мужчину.

Неделю спустя я зашел к Зарубиным, но выполнить поручение Юры мне не пришлось.

На этот раз родители были довольны сыном: работает, много читает, готовится к поступлению в университет, претензий к нему не было.

— Очень посерьезнел, — сообщила Анна Григорьевна. — Едет на Урал, на все лето устроился коллектором в геологоразведочную партию.

— И это его решение мы одобряем, — добавил Сергей Петрович. — Пускай познакомится с жизнью.

ЛЕСНИКИ

Поезд остановился. Мальчики прибыли в Тавду. Казалось, кому стремиться в это захолустье? К удивлению мальчиков, из вагонов вылезло немало пассажиров.

— Гляди — ка! — удивился Петя. — Что они здесь потеряли?

Городок, однако, оказался не таким уж маленьким. Северный деревянный одноэтажный городок и даже, как полагается всякому порядочному городу, без свободных номеров в гостинице.

С ироническим удивлением Петя взглянул на Юру.

— И кого только сюда несет?!

— Да вы что! — обиделась дежурная. — У нас самый крупный в стране фанерный комбинат. Леспромхозы. Недавно нашли нефть

Информация огорчила Юру; чем глуше, тем больше надежд напасть на след похитителей. Не отправятся же сектанты туда, где нефть! Хотя, впрочем, теперь везде леспромхозы, везде нефть

Лесничество помещалось в двухэтажном доме. Чирикали машинки, щелкали счеты, шуршали карандаши.

Петя подошел к машинистке с прической не менее пышной, чем у московских модниц.

— Где у вас комсомольский комитет?

Комитет помещался в закутке под лестницей. Фанерка, синие буквы: «Комитет ВЛКСМ».

Юра деликатно постучал.

— Давай, давай!

Секретарь комитета ростом с Петра Великого, громадный, широк в плечах

Мальчики представились.

— Василий, — назвался, в свою очередь, секретарь. — Вам что, ребята?

— Какая у тебя ручища!

— Чалдон. — Секретарь усмехнулся. — На Урале все такие.

— Мы по поводу сектантов, — сказал Юра.

Василий озабоченно нахмурился.

— Пропагандисты?

— Не совсем, — сказал Юра. — Мы ищем сектантов.

— Из госбезопасности?

— Не совсем. А разве госбезопасность интересуется сектантами?

— Не всеми. Некоторыми. Они такую агитацию ведут иногда

— Против чего агитацию?

— Против работы. Чтобы, например, не работать. Особенно по субботам.

— Это разрешенная секта, — сказал Юра. — Субботники, Адвентисты седьмого дня.

— Ну, я не знаю, — сказал Василий. — Адвентисты или еще как, но только они срывают работу.

— Нет, мы интересуемся одной тайной сектой, — сказал Юра. — Странствующими христианами.

— Таких у нас нет, — сказал Василий. — Все оседлые.

Юра рассказал ему немного о странствующих.

— Есть среди лесников такие, что много молятся?

— Есть такие, что много выпивают, — засмеялся Василий. — А чтобы молились

Тогда Юра рассказал Василию все как есть. Про Таню. Про скрытников. Про письма из Тавды. Поделится планами отыскать

Таню.

— У вас есть лесник, связанный с сектантами.

— Да откуда ты взял!

— Все равно не успокоюсь, пока не познакомлюсь со всеми вашими лесниками. Конечно, с вашей помощью легче

Он имел в виду комсомольцев лесничества.

— Да ты не психуй, никто тебе в помощи не отказывает, — успокоил его Василий. — Только маловероятно, чтоб у нас скрывались сектанты. Впрочем, посоветуюсь с одним лесником.

— С лесником? — испугался Юра. — А если он сам

— Будь уверен! Перфилов покрепче нас закален. Старый коммунист, партизан, еще с Колчаком дрался. Он, брат, тут всех до самых потрохов знает.

— А где же его

— К вечеру будет. Он хоть и на пенсии, а работает помаленьку. Приходите к концу дня.

Мальчики вернулись к концу дня. Василий сидел с каким — то стариком на скамейке возле крыльца. Впрочем, собеседник Василия хоть и сед, и в морщинах, но волосы густы, глаза ясны, выбрит чисто, веет от него таким здоровьем, что вряд ли ему вскоре понадобятся врачи.

— Знакомьтесь, — сказал Василий. — Вот вам и Перфилов.

— Здорово, герои, — поздоровался тот. — Значит, прибыли?

— Я все рассказал, — вмешался Василий. — Так что советуйтесь.

Перфилов посматривал на мальчиков с хитровой улыбкой.

— Что это уж и за девка, что вас понесло за ней на Урал?

— Это наш товарищ, — сдержанно пояснил Петя.

— Неужто в Москве лучше не осталось?

— Может, и есть лучше, да ей — то хуже, чем другим.

— Спасаете?

— Спасаем.

— А она здесь от вас
спасается?
призадумался. — Что же вам присоветовать?

— Старик

— Ищем лесника

Юра опять рассказал о письмах к Щеточкиной.

— А может, он вовсе и не лесник, а объездчик или еще кто.
Попробуем, переберем
людей

Он стал называть фамилию за фамилией, бурчал что — то себе
под нос и тут же отрицательно мотал головой.

— Отставить
Отставить

— Но вдруг

споткнулся: — Душкин
Вот если только Душкин. Этот вправду живет, как старовер. И
Рябошапка при нем. Душкин местный, а Рябошапка прибыл лет пять
назад откуда — то с Балхаша. У Душкина снега зимой не выпросишь,
а с Рябошапкой сразу сошелся.

— А кто это — Душкин?

— Лесник. А Рябошапка объездчик. Вместе работают, на одном
участке. Пожалуй, только они и могут
быть
Благодетелями

Как вы говорите?

— Нелюдим, конечно, но почему вы думаете, что сектант? —
вступился Василий за Душкина.

— А потому! Кто не с нами, тот против нас. Я его лет двадцать
наблюдаю. Не нашим и не вашим, только от нас морду воротит все —
таки посильнее.

— А Рябошапка?

— Тот вообще темная вода, не враз разберешь, что его к нам загнало.

— Значит, думаете

— Особо ничего не думаю. Остальные лесники более или менее ясный народ, а за этих двоих не поручусь.

— А Душкин далеко отсюда живет?

— Километров сорок.

Юра встал.

— Спасибо, завтра же отправимся.

Перфилов потянул его за рукав:

— Сядь, сядь, не торопись. Что из того, что вы пожелаете к Душкину? Ежели сектант, да еще такой скрытный, как говорите, уйдете несолоно хлебавши. Душкин не то что не примет — разговаривать с вами не станет, мужик гордый, упрямый, лесной. Да и далеко, не сразу найдете.

— Так как же быть?

Старик взглянул на Василия:

— Ты не сможешь?

Тот отрицательно покачал головой.

— Никак. Пленум райкома.

Старик опять замолчал, задумался.

— А знаешь что? Отправь — ка с ними Лидию. Лидию и Веньку. С такими спутниками они с Душкиным справятся.

Лицо Юры выразило вопрос.

— Хорошая дивчина, лесотехник, принципиальная. Лесники ее боятся, придира, — объяснил Василий. — А Венька таксатор. Такой же чадон, как я. Все тропки и норы по всей тайге изучил лучше

любого зверя.

— А с работой как же?

— Отпросятся ради вас.

— А как повидать их?

— Найдем.

Петя недовольно поморщился.

— Опять, значит, завтра?

— Ишь какой быстрый! — Перфилов даже улыбнулся, глядя на Петю. — Не завтра, а послезавтра, да и то еще как сказать. Веньке надо дать знать, да и Лида в лесу. Потерпите. Скоро хорошо не бывает.

Двое суток слонялись по Тавде. Уходило драгоценное время. Да еще если бы знать наверняка, что нужен именно Душкин. А то ведь и так может случиться: доберутся до Душкина, а окажется, зря

Одетая как на картинке, Лида ничем не отличалась от столичных модниц. Невысокая, худенькая, хрупкая, только загар не городской — уральский, все ветра хлестали ее по щекам, такой жгучий румянец горит на смуглых щеках. А Венька, хоть и чалдон, Лиде под стать, тоже небольшого росточку, но парень, видать, крепыш и в модной курточке с «молнией», в сравнении с ним Юра и Петя выглядят куда провинциальнее.

Лида и Венька полностью были в курсе дела, когда встретились с приезжими, а когда Юра все же принялся что — то объяснять и даже извиняться, Венька небрежно прервал:

— Мы же понимаем. Как не помочь

На этом объяснения и закончились, Юра почувствовал, что на новых знакомых можно так же положиться, как и на Петю.

Подороги проехали на попутном грузовике, — Венька отыскал шофера на складе райпотребсоюза, — сидели в кузове на ящиках с товарами, предназначенными для какого — то сельмага.

Ехали весело, с песнями, с ветерком, тавдинцы подшучивали над москвичами, пытались угадать, кто из двух питает к пропавшей девушке не только товарищеские чувства, удивлялись расспросам москвичей, все в Тавде тавдинцам было знакомо, привычно, обыденно.

Сошли на развилке — торная дорога шла дальше по берегу реки, а им надо в тайгу, — брели лесной, заросшей травой дорогой, все вглубь, вглубь. Пошли лесовозные трассы, устланные жердями гати, длинные унылые вырубки

— Вот и царство Душкина, — сказала Лида. — Пятьсот четвертый квартал.

По каким признакам определила она границу царства? Одинаковые сосны, березы, ели, да кое — где серые поленницы. Тяжелый таежный лес.

— Слушайте, ребята, — сказала опять Лида. — Я скажу Душкину, что вы геологи, студенты. Не говорите, что москвичи, от командировочных из Москвы всегда беспокойство.

Неожиданно вышли на просеку. Две избы свободно стоят, не мешают одна другой. Сарай. Колодец. Две коровы пасутся в кустах. Далекое белесое небо. Стена леса. Нигде никаких людей.

— А где же люди? — удивился Петя.

Венька веточкой указал на жильё.

— Сейчас появятся.

И правда, на крыльцо вышла женщина, стукнула в сенях невидимая дверь, показался мужик в ватнике, не спеша сошел по ступенькам, пошел навстречу гостям.

— Каким ветром, Лидия Анатольевна?

— Да вот привела двух студентов. Геологи. Может, найдут где у вас под корягами клад.

— Ищем золото, не откажемся и от серебра, — развязно подтвердил Петя. — Берем уголь, железо, нефть

Мужик снисходительно усмехнулся:

— На нашей трассе, кроме пеньков да сучков

Лида представила его:

— Кондрат Сильвестрович Душкин.

— Заходите, гостями будете, — пригласил он пришедших. — Распалим сейчас самоварчик.

Встретил гостей радушно, ввел в избу, пригласил к столу, накормил хлебом, как назвал суп, жена разожгла самовар.

Посуду, однако, для гостей достали из горки, ту, из которой ели сами, отставили в сторону.

Лида глазами указала Юре:
видишь?

За разговорами дождались вечера. На ночь гостям постлали на полу кошму, дали старых одеял. Спать улеглись рано.

Юра долго не засыпал: все ему казалось, что пришли сюда зря. Весь вечер обыденные разговоры о своем хозяйстве, да немного еще о политике. Никаких разговоров о боге, никаких намеков на связь с сектантами. Перфилов дал не тот адрес, изменило ему партизанское чутье.

Когда москвичи проснулись, Лида сидела уже на лавке, а Веньки не было в избе.

Петя улыбнулся Лиде:

— А где Венька?

Лида пожала плечами: кто его знает!

Хозяйка собрала завтрак, позвала за стол. Венька не появлялся.

Хозяин взглянул на Лиду:

— А где Вениамин?

— Должно быть, пошел по лесу, — сказала Лида. — Сейчас

явится.

Завтракали опять супом.

— А что не видно Рябошапки? — спросила Лида. — Не зашел даже поздороваться.

— А его нет, — объяснил Душкин. — Позавчера еще ушел гостевать к соседям, там, должно, и заночевал.

После завтрака Лида повела «геологов» в лес.

— Ну что?

— Непохоже.

— В здешних людях скоро не разобраться. Приглядывайтесь. А нет, так уйдем.

Венька появился лишь к полудню. Первым его заметил Душкин.

— Где пропадал?

— Смотрел лес. Дровишки у тебя что — то тают.

Лида правильно поняла Веньку, тоже заинтересовалась тающими дровами.

— Покажи — ка

Все четверо ушли по просеке.

— Ну, братцы

Венька даже языком причмокнул, когда отошли подальше. — Доложу я вам! Ночью вздумалось мне пройтись, разделить с луной одиночество. Хозяев постарался не разбудить. Иду в тени, за сараями. У Рябошапки огонек. Заглянул в окошко: никого. Смотрю еще: хозяйка спит на кровати. Что — то мне неспокойно. Слышу, говорят за сараем. Я опять в тень. «Собирайся, сейчас пойдём

» Рябошапка!

Кто — то отвечает. Мужик. «Ничего же не видно!» — «Сейчас рассветет». Брезжит. Я все в тени. Рябошапка в хату, потом к сараю. Повел кого — то. Я за ними. Они смело идут, а я как рысь. Однако ушли от меня. Прячут кого — то здесь в лесу.

А ведь так и должно быть, подумал Юра. Видимость одна, а на самом деле все наоборот. Припомнил все, что читал и слышал о видовых. Вот они и есть видовые: Душкин и Рябошапка.

— Видовые, — сказал Юра.

— Какие видовые? — спросил Венька.

Юра рассказал, какие такие видовые.

— Не знаю, какие видовые, — сказал Венька, — но что прячут кого-то — факт.

Лида задумалась:

— А где?

— Трудно поставить шалаш или землянку вырыть?

— Пошли, — решительно произнес Юра. — Пошли искать.

— Эх ты какой приткий, — остудил Венька его пыл. — А где искать?

— Но ведь вы знаете лес?

— Лес знаем, а поди выследи волка.

— Но ведь надо найти?

Венька сочувственно поглядел на Юру:

— Искать надо, а найти ой как не просто! В тайге можно год друг друга искать, да так и не встретиться.

— Что же делать?

— Возвращаться в Тавду.

— Как в Тавду? — испугался Юра. — Я отсюда никуда не уйду.

На этот раз Юру не поддержал даже Петя:

— А что ты здесь будешь делать? Для людей тайга — дом родной, и то не берутся.

Лида вопросительно взглянула на Веньку:

— Ты что предлагаешь?

— Есть у меня один планчик, — сказал он. — Попытаюсь уговорить Вартана Степановича.

— Это, пожалуй, выход, — согласилась Лида. — Придется возвращаться в Тавду.

НА ВЕРТОЛЕТЕ

— Куда мы идем? — спросил Юра.

— На аэродром, к Гевондяну, — пояснил Венька. — К начальнику отряда лесной авиации.

— А при чем тут авиация?

— Увидишь.

Венька увел Юру за город.

— Далекое еще?

— Пришли.

— А где же аэродром?

— Вот.

Таких аэродромов Юра еще не видел. Он летал в Симферополь, в Ригу, аэродромы там, конечно, меньше Внуковского или Быковского, но тоже — сооружения. А тут поросшее низкорослой травкой поле, небольшой деревянный домик и трепещущий по ветру воздушный зонд.

— А где же самолеты?

— Работают. Помогают находить и тушить лесные пожары. Обследуют трассы. Оберегают леса от вредителей. У нас их всего два да вертолет. Иногда перебрасывают людей. Подкидывают на дальние точки продукты

Юра про себя посочувствовал здешним летчикам. Довольно скучно изо дня в день подкидывать продукты и обследовать трассы.

Такая романтика хороша на расстоянии.

В бревенчатой, отмытой до лимонного блеска комнате носатый человек с копной черных волос кричал по телефону:

— Не могу
— не могу! — Увидел посетителей, с сердцем положил трубку. —
Черт бы ее забрал, опять просят вывезти Тузикову!

Юра подумал, что бюрократизм процветает даже на этом маленьком аэродроме. Тузикову необходимо вывезти, а он не хочет! Что значит — не могу? Может, она больна, может, у нее неотложное дело, решается человеческая судьба

На обратном пути Венька рассказал Юре о Тузиковой. Жена начальника отдаленного лесопункта. Постоянно ссорится с мужем и при каждой ссоре удирает в Тавду. А потом все принимаются уговаривать пилотов доставить ее обратно.

— Противная баба, — сказал Венька. — Перепортила нервы всему леспромхозу.

Но Юра этого не знал и про себя назвал Гевондяна бюрократом.

— Что тебе? — внезапно обратился тот к Веньке. — Все машины в разгоне.

— А вертолет? — умоляюще спросил Венька. — Нам крайне нужно обследовать один участок.

— Зачем? — раздраженно спросил Гевондян. — Пожар? Наводнение? Буря?

— Девушка, — выразительно произнес Венька. — Пропала девушка.

— Какая еще девушка? — сердито спросил Гевондян. — Не морочь мне голову.

— Я не морочу, Вартан Степанович, — жалобно произнес Венька и указал на Юру: — Послушайте этого парня, и вы тоже к нам подключитесь.

— Ну, говори, заправляй Гевондяну баки.

Он сел на стол и уставился на Юру влажными карими глазами.

В который раз Юра принялся посвящать в свою историю еще одного человека.

— Ну и что ты хочешь? — более мягко спросил Гевондян, выслушав рассказ Юры.

— Вертолет, — лаконично заявил Венька. — Просмотреть сверху тайгу.

— Нет вертолета, — закричал Гевондян. — Его требуют у меня для Тузиковой!

— А вы не давайте, Вартан Степанович, — посоветовал Венька. — Тузикова доберется на тракторе.

— Ты не знаешь Тузикову, — мрачно сказал Гевондян. — В прошлом году она разбила на аэродроме счеты.

Но Юра видел, Гевондян поддается на уговоры.

— Когда? — спросил он.

— Завтра, — сказал Венька.

— Завтра не могу, — сказал Гевондян. — Послезавтра.

— Не торгуйтесь, Вартан Степанович, — укоризненно произнес Венька. — Завтра, послезавтра — какая разница!

— Вам приходилось спасать людей? — воскликнул Юра. — Послезавтра может быть поздно! Тут вопрос жизни и смерти

— Не разъясняй мне разницу между жизнью и смертью, очень тебя прошу, — сказал Гевондян. — Вертолет нужен всем, а Гевондян один.

Он замолчал, и Венька дернул Юру за руку, чтобы тот не перебивал Гевондяна.

— Ладно, — наконец изрек тот. — Пусть завтра. А кто полетит?

— Я, — сказал Юра.

— Нет, — сказал Венька. — Полечу я.

— Как это ты? — сказал Юра. — Это касается лично меня.

— Это касается не только лично тебя, а лично всех, — сказал Венька. — Что лично ты увидишь с вертолета?

— Ты летал когда — нибудь над тайгой? — в свою очередь, поинтересовался Гевондян.

— Нет, — сказал Юра.

— И не надо, — сказал Гевондян. — Полетит

он — и указал на Веньку.
— Он может сосчитать, сколько шишек лежит под каждой сосной. А ты?

Назавтра Гевондян и Венька вылетели на поиски.

Они бороздили небо во всех направлениях, напряженно всматриваясь в каждый лужок, в каждую горку, в каждый овражек. Ничего не привлекало внимания.

Как вдруг Венька
увидел

— Вартан Степанович!

— Спокойно.

— Вижу!

— Что?

— Корову!

Да, на глухом лесном склоне паслась корова. Поблизости никакого жилья. Однако корова не могли очутиться в лесной пустыне сама по себе.

Гевондян опустил пониже.

Два продолговатых строения, замаскированные травой, и над одним легкий дымок, который вот — вот рассеется в воздухе.

— По — видимому, ты прав, — сказал Гевондян. — Корова — это

немаловажный фактор.

Венька знал эти места, но записал все координаты.

Петя и обиженный Юра ждали возвращения вертолета на аэродроме. Услышали приближающийся рокот, выбежали из домика.

— Ну как? — закричал Петя навстречу Веньке. — Нашли?

— Нашли! — торжествующе крикнул тот.

— Кого? — с замиранием сердца спросил Юра. — Кого вы видели?

— Корову, — серьезно сказал Венька. — Самую доподлинную корову.

СВИДАНИЕ

— Сделаем крюк, минуем заимку Душкина, — командовал Венька, шагая во главе экспедиции. — Лучше десять — пятнадцать километров лишка, чем спугнуть пуганых.

Лида и Венька собирались в путь не так быстро, как хотелось Юре и Пете. Подобрали кое — какой инвентарь, топорики, таганок, кастрюлю, запаслись Салом, крупой, отнеслись к делу со всей серьезностью бывалых людей.

— Знаешь, куда идти? — обратилась перед выходом Лида к Веньке.

— Спрашиваешь! — гордо откликнулся тот. — Местонахождение божьих людей зафиксировано с точностью километр в сантиметре.

Вышли под вечер. Тоже предосторожность со стороны Веньки: «Если кто из их братии околачивается в Тавде, пусть лучше не видит туристов».

Вообще решили не останавливаться ни в деревнях, ни у лесников, чтобы незамеченными добраться до цели.

Переночевали в лесу под Тавдой, шли целый день, и, как Венька ни уверял, что идут наилучшим курсом, пришлось заночевать вторично.

Зато на третий день Венька уже к обеду начал проявлять признаки беспокойства.

— Внимание! Чем ближе цель, тем крепче должны быть нервы.

Невольно ускорили шаг. Под ногами мягко похрустывала хвоя. Шли в гору.

— Тихо, — скомандовал Венька. — Привал.

— Какой там привал! — запротестовала даже благоразумная Лида. — Теперь до конца

— В том — то и дело, что уже конец, — перебил Венька. — За увалом обетованная земля.

— Неужели дошли?

— Потому — то и предлагаю стреножить коней. По моим подсчетам, километра полтора. Дальше я двинусь один.

— Почему? — обиделся Петя. — Мы тоже

— Ни в коем случае. — Лида опустилась на землю. — На разведку идет один Венька. Даже среди лесников он славится как следопыт. Все осмотрит, доложит, а тогда уж решим, как поступать дальше.

Венька скинул с плеча рюкзак, сбросил телогрейку и исчез за деревьями.

— Отдыхать!

Развести костер Лида не позволила, пообедали всухомятку. Лида посоветовала поспать, но никто не заснул, все ждали Веньку.

Уже смеркалось, когда он вернулся из рекогносцировки.

— Все в порядке, — объявил он. — Полная кошелка стариков обоего пола. Но кроме них несколько хорошеньких девочек. Скрываются в халупы при малейшем подозрительном звуке. Вам, конечно, понятно, что подразумеваются не певчие птички, а самолеты. Оценивая положение на фронте и принимая во внимание превосходящие силы противника, полагаю,

что открытое нападение на лагерь успехом не увенчается. Мой наметанный глаз определил соотношение сил шесть к одному

— Перестань балаганить, — остановила Лида Веньку. — Обедай, и будем решать, что предпринять дальше.

Однако Юра отверг все решения. Прежде всего необходимо узнать, находится ли в этом заповеднике Таня. Юра должен отправиться вместе с Венькой и хотя бы издали увидеть его обитателей. Если Таня среди них, на что Юра очень надеялся, прежде чем что — либо предпринимать, он должен с ней встретиться.

Ему не терпелось немедля подкрасться к обители, но Лида не разрешила отходить ночью от бивуака.

Юра и Венька отправились туда с первыми утренними лучами.

На этот раз Юре не пришлось долго мучиться, он сразу нашел Таню среди девушек, сновавших взад — вперед меж построек.

Он нашел ее и не мог допустить, чтобы Таню опять увели у него на глазах!

— Чем крепче нервы, тем ближе цель, — наставительно повторил Венька, заметив состояние Юры.

Они внимательно наблюдали. Девушки кололи дрова, кухарничали, бегали за водой к ручью. Самым подходящим местом для свидания и был берег ручья.

Так и порешили: сесть в засаду, а когда Таня спустится за водой, перед ней появится Юра.

Невидимая птаха все высвистывала и высвистывала одну и ту же протяжную ноту. Начинался утренний розовый пожар. Лес наполнился необычным светом. Все происходило как в сказке. Холодок пробежал у Юры за плечами, и он подумал, что, как сказочный принц, он должен преодолеть все препятствия и разбудить спящую красавицу.

С трудом верилось, что он посреди уральской тайги и в такой чащобе, куда редко и только в чрезвычайных обстоятельствах забредают люди, — такой солнечный наступал мягкий и радостный рассвет. Деревья стояли удивительно неподвижно, на листе поблескивали капли росы, все оживленнее щебетали птицы, и лишь

ручей журчал неумолимо и осторожно, как ночью. Розовые блики сменились желтыми, небо поглубело, ветерок зашелестел листвою, и все залил мягкий белый свет: и прогалину в нехоженном лесу, и откос, поросший ярко — зеленой травой, и песчаное русло узкого ручейка, выбегающего из — под зеленовато — черной коряги.

Тихо вокруг И вдруг
пичуга, что так неумолимо высвистывала в течение всего рассвета свою однотонную песню, захлебнулась и смолкла.

— Тс — с — с — с, — подала Лида сигнал тревоги.

Шепот слился с шелестом ветра, но мальчики сразу уловили в этом шелесте оттенок тревоги и еще неподвижнее замерли на своих постах.

Пичуга смолкла, слышались голоса. Негромкие и звонкие. Точно ручей заговорил веселей и нетерпеливей.

У Юры замерло сердце. Он не мог ошибиться. Год, нет, больше года не слышал он ее голоса. Но он не мог ошибиться

Две девушки в черных платочках с ведрами в руках пробирались из — за деревьев к ручью.

Как же она похудела! Только глаза все те же

Девушки спустились к ручью. Таня рукой отвела листья папоротника. Ручей выбил как бы ступеньку, вода падала с небольшого уступа, и Таня подставила под струю ведро.

Вторая девушка стояла повыше Тани, ждала своей очереди. Она бросила вдруг ведро, с легким стуком оно упало в траву, заломила руки, потянулась и громко вздохнула.

— А что, если выкупаться, Тася? — обратилась она к подруге.

— Дурочка, заметят, — ответила та. — Опять придется поклоны отбивать

Юра не ослышался. Почему Тася? Ведь это же
Таня Таня! А может,
подружка ласкательно ее зовет
так?

Таня наполнила ведра и перешла ручей, освободила место подруге.

И тут Юра
опомнился
ни минуты! Он выскочил из — за куста и опрометью понесся вниз.

Нельзя терять

— Таня! Таня!

«Ах!»

Она даже не сказала это, восклицание замерло в ее глазах.

Ее подружка уронила ведра и побежала.

Таня застыла, точно увидела призрак. Да так оно и было на самом деле! Откуда мог взяться Юра среди этой тайги, в таком месте, о существовании которого не знали даже многие истинные христиане? Юра мог только померещиться. Это было не что иное, как материализация ее греховных мыслей о жизни, которую она навсегда покинула, мыслей, которые она до сих пор не может от себя отогнать

Признайся она Раисе в том, что ей померещился Юра, не избежать суровой епитимьи. Опять придется поститься, иссушать плоть

Таня рванулась
призрак успел схватить ее за руку, его пальцы так цепко обхватили руку, как вряд ли на это способны привидения.

Но

— Юра?!

— Пойдем, пойдем! Не беги! Мне необходимо тебе сказать

Он увлекал ее вверх по другую сторону ручья.

— Идем, идем, — приговаривал он. — Танечка, выслушай

Она поняла уже, что это не призрак, что возле нее самый доподлинный Юра, и тем страшнее, тем невыносимее становилось все происходящее.

— Отпусти меня, — пробормотала она. — Я не должна с тобой говорить

А он вел ее, продираясь меж кустов, безжалостно топча бруснику, вел с такой настойчивостью и силой, что она не могла сопротивляться, подчинилась ему также, как подчинялась Раисе, только страха она не испытывала, какой всегда ощущала перед Раисой.

Они не заметили, как кто — то пробежал мимо, как кто — то стал карабкаться по откосу вслед за убегающей девушкой, хотя Юра знал, что так все и должно происходить, настолько они были поглощены своей встречей.

— Ну вот — Юра
внезапно остановился и отпустил ее руку. — Сядь.

Сесть было не на что, и они продолжали стоять.

— Вот

Юра просто не знал, с чего начать. Он подготовил самые лучшие доказательства против существования бога. Наизусть выучил множество изречений философов — материалистов. Он был вооружен неопровержимыми доводами

Юра мог, конечно, начать антирелигиозный диспут, но скорее он мог убедить в том, что нет бога, щелкающую над его головой белку, чем эту дрожащую, смятенную и обезволенную девочку. И Юра не совершил ошибки, которая могла навсегда развести его с Таней, Юра не затеял спора, который еще неизвестно чем мог кончиться. Он был сейчас на той высоте, на какой находятся люди в моменты самого величайшего просветления: видя утопающую, он не стал рассуждать, каким способом лучше ее спасти и что посоветовать, чтобы она выплыла, он просто поддался непосредственному чувству и кинулся в стремнину, чтобы схватить в руки эту гибнущую драгоценную жизнь.

Все было в этот момент против него: и сама испуганная девушка, которую он не видел более года и которой за этот год ежедневно внушали, что все в мире тлен, суета, грех, что все, кто прежде ее окружал, тянули ее в пропасть; и первозданная природа, окружающая их. Все вокруг было таким, что позволяло, как выражаются поэты, ощутить присутствие бога: и обступившие их могучие березы и сосны, устремившиеся в небо, и само лучезарное

бездонное небо, и шелест ветвей, и дуновение ветра, и загадочные шумы и шорохи, и безмолвие дикого леса, и смолистый аромат, так напоминающий запах ладана, — вся эта поэзия таинственного беспредельного леса легко могла внушить слабому и впечатлительному человеку мысль о существовании какого — то незримого, непостижимого и всемогущего существа.

И Юра, которым всегда владело чувство поэзии, тоже не посмел нарушить очарование окружающего их мира холодными умственными рассуждениями.

— Если бы ты знала, — лишь воскликнул он во всей своей юношеской непосредственности, — как я счастлив, что наконец — то нашел тебя!

И тогда Таня широко раскрыла громадные удивленные глаза и невольно спросила:

— А разве ты Разве
ты искал?

Юра смотрел на нее так, как верующие смотрят на чудотворные иконы.

— Весь год, с первого дня, как ты исчезла, каждый день, каждое мгновение

И было так сказочно, так необыкновенно, так чудесно, что этот красивый и умный юноша не забыл ее, что его слова не остались словами, что он верен тому, о чем они почти никогда между собой и не говорили, что только угадывалось в недосказанных речах и несмелых прикосновениях, — так все это было необыкновенно и чудесно, что Таня заплакала чистыми, радостными и облегчающими душу слезами.

И все вдруг пошло совсем не так, как предполагалось, как должно было идти с точки зрения разума и логики. Не Юра стал спрашивать, убеждать и просвещать бедную Таню, а Таня засыпала Юру беспорядочными житейскими вопросами:

— Юрочка, откуда ты сейчас? Ты ничего не слышал о маме? Как ты узнал? От кого?

И так далее, и так далее — о самом Юре, о Москве, о его поездке

И Юра принялся рассказывать, как он был у ее матери, как нашел Щеточкину, как вынудил ее поехать в Бескудниково, как попал затем в Ярославль, как видел Таню в окне уходящего поезда

— Так это был ты? Ты? — прервала Таня. — Так это тебя, значит, видела я на перроне? А Раиса сказала, что это дьявол соблазняет меня

Юра рассказал, что, потеряв ее след, он решил не поступать в университет, пошел на строительство, чтобы накопить денег, как узнал, где она находится, и как с Петей добрался до Душкина, до Рябошапки и наконец разыскал ее среди здешних непроходимых болот.

И все, что Юра рассказал, было так просто и вместе с тем так удивительно, что Таня снова заплакала, от умиления, от жалости, от любви.

— Что же теперь? — спросила она с замиранием сердца.

— Как что? — удивился Юра. — В Москву. В Москву! Неужели ты думаешь, что я от тебя отстану?

И после ласковых Юриных слов, после всего того, что он рассказал, ей и впрямь показалось страшным вернуться под начало Раисы и опять отбивать поклоны перед закопченными немymi и безучастными иконами.

— Никуда я тебя не отпущу, — повторил Юра. — Я ни в чем не собираюсь тебя убеждать, разберешься сама, но я не дам тебе прятаться от меня, от матери, от всех, кого ты знала и кто не сделал тебе ничего плохого.

И опять он не совершил ошибки и ни в чем не стал ее убеждать, он просто опустился возле Тани на землю, сел на покрытую листьями и сухой хвоей землю, молча взял ее руку, приник к ней лицом и принялся медленно и нежно поглаживать ее по ладони.

И сдержанная молчаливая ласка сделала больше, чем сделало бы все его красноречие. Это было самое главное, чего не хватало Тане в течение прошедшего года. Она опустилась рядом с Юрой и, подчиняясь безотчетному порыву, внезапно поцеловала его в щеку, и раз, и другой, и третий, как целовала она мать, когда хотела в чем —нибудь ее утешить и дать ей понять, что она любит ее и всегда будет

с ней.

Мачтовые сосны уходили в облака, облака медленно проплывали над ними, ветер донес до них запах хлеба, чего — то такого теплого и домашнего, чего так долго была лишена Таня.

Юра поднялся и потянул ее за руку.

— Пойдем.

— Куда?

— Домой.

Таня опять ушла в себя.

— Нет, Юра

— Что нет?

— Я не одна там. Там
девочки

— Какие девочки?

— Такие же, как и я.

— И что из того?

— Может быть, они
тоже

Она не договорила, но Юра понял ее и подумал: «Ради Тани стоило поехать не только на Урал, а за тридевять земель».

— Думаешь там
сладко?

Если она заговорила о том, что другие девушки тоже, может быть, захотят покинуть тайгу, значит, сама Таня приняла решение
возобладал в ней над богом!

Человек

— Пусти меня сегодня обратно. Завтра я
приду

Честное слово!

И Юра опять не совершил ошибки, не стал удерживать Таню. У нее не должно было возникнуть сомнения в том, что Юра верит ей, верит в нее всем сердцем.

ПОГОНЯ

Спутница Тани рысью промчалась вверх и скрылась за увалом.

Смиренности и степенности обучали послушниц На этот раз послушница нарушила все правила. Опрометью пронеслась по вырубке и носом ткнулась в грудь инокине Раисе.

Инокиня качнулась и оттолкнула послушницу от себя:

— Оглашенная! Вот как скажу сейчас матери
Ираиде

Девушка не могла открыть рта.

— Да что с тобой?

— Антихрист!

— Свят, свят Ты в
уме, девка?

— Антихристы у ручья! Как
налетели Один, в
ковбойке, схватил Тасю и
поволок

Раиса кинулась в мужское общежитие. Доложила иноку Елисею. Тот не поверил, позвал инока Григория, и они вместе отправились к увалу.

Прячась за деревьями, приседая на корточки, стали всматриваться по ту сторону ручья.

Сомнений не было: все, что наболтала перепуганная послушница, подтверждалось. Местопребывание странников открыто. В лесу находились посторонние, и не только находились, но, очевидно, интересовались иноками.

В развевающихся полурысках Григорий и Елисей бегом вернулись к Елпидифору.

— Отец, беда!

Иноками овладело волнение. Может, на них случайно набрели, а может, и что — нибудь посерьезнее

Елисей вовсе не хотел попадать в тюрьму. Он знал: за веру его не тронут, но были за ним грешки посерьезнее, у него были поводы избегать столкновения с властями, начнись проверка, кто он да что, ему тюрьмы не миновать.

Отец Елпидифор оставался на высоте.

Жить оставалось мало, и он не боялся ничего.

— Ну! — прикрикнул он на своих соратников. — Да сохранит нас господь и да расточатся враги его!

Елисей и Григорий не так — то уж боялись преимущего, но такова сила его духа, что они не посмели перечить, хотя опасность была налицо.

Тем временем паника распространялась по обители. Инокини крестились, вздыхали, покачивали головами, послушницы шептались и кудахтали, иные увязывали узелки, один инок нет — нет да и посматривал на топор, а другой давно уже растворился в кустах, «яко тать в нощи».

И вдруг из — за горы появилась Таня.

Девушки заверещали:

— Мать Раиса!

Та опередила послушниц, схватила Таню за руку, поволокла к Елпидифору.

— Говори, говори

— Это — Таня не умела врать. — Комсомольцы из моей школы. Из Москвы. Приехали за мной.

Раиса обмерла.

— Свят, свят

И смолкла — Елпидифор только взглянул на нее.

— Пойдем — ка

Всем хотелось услышать рассказ Таисии, но старейший отошел с нею в сторону, и, как ни настраивали иноки уши, услышать ничего не пришлось.

Таня честно все рассказала старцу, и опять он на долго замолчал, как — никак ответственность лежала на нем.

— Отец Елисей, — подозвал он наконец своего ближайшего помощника, — скажи Раисе, пусть не отходит от Таиски.

Не намерен он был ее отпускать.

И опять замолчал.

Все томились.

— Уходить, — наконец изрек преимуций.

Иноки побежали было за узелками

— Куда? — крикнул преимуций. — Молитесь! Уйдем ночью. Авось бог милует

В обители воцарилось тягостное молчание. Укладывали в мешки нехитрое имущество, собирали вещички.

Девушки перешептывались, старухи бормотали молитвы. Отец Елисей положил возле себя топор. Допоздна ждали нападения. Кто знает, чего надумают нехристи!

Относительно спокойно чувствовал себя один Елпидифор, ему терять было нечего. Тревожнее всех провели ночь, хоть и по разным причинам, Таня и Елисей. Елисей решительно не хотел иметь дело с милицией. А Таня
Таня по — прежнему была обуреваема сомнениями и колебаниями, но предпринять ничего не могла. Фактически она находилась под конвоем, кто — нибудь из иноков обязательно находился возле нее.

После полуночи Елпидифор велел собраться всем странникам.

Первым опустился на колени и приказал молиться. Многим было не до молитвы, но ослушаться не посмел никто.

Наконец преимуший встал. Разделил всех на три группы. Трех молчаливых иноков тут же отправил в путь. Затем отпустил несколько дряхлых старух. Наиболее близкие к нему иноки и инокини и воспитанницы школы шли вместе с Елпидифором.

Уходили незаметно. Неслышно крались меж деревьев, осторожно перешли ручей и пошли,
пошли
странство. Снова в путь, в

Вечером комсомольцы держали военный совет. Главная цель, которую они поставили на сегодня перед собой, достигнута: Юре удалось поговорить с Таней. Но дальше в оценке положения мнения разошлись. Петя и Венька считали, что Юре не следовало отпускать Таню. Зато Лида считала, что Юра поступил правильно: в конце концов, Таня не безвольное существо, у нее своя голова на плечах, и не надо снимать с нее ответственности за свое поведение.

Во всяком случае, следовало положиться на то, что утро вечера мудренее. Предосторожности ради палатку решили разбить подальше от скита и по очереди не спать.

Всю ночь прислушивались — не подкрадывается ли кто —нибудь с недобрыми намерениями. Ветер шелестел в ветвях, а им казалось, что кто — то подбирается к палатке. Где — то с грохотом упало дерево, а Петя уверял, что это выстрел

Наконец рассвело. Опять ждали у ручья. Ждали кого —нибудь, кто придет за водой. Но никто не шел. Ребята с тревогой принялись посматривать на часы. Венька вызвался сходить на разведку, посмотреть, что делается у сектантов.

Вернулся, запыхавшись:

— Ребята! Никого!

— Чего никого?

— Никого нет, удрали!

— Что же делать?

— Догонять! Пойду вперед, буду по пути делать отметки. Мне тут известны все тропы, а вы постарайтесь не отставать. Думаю, ушли недалеко. Ночью здесь никто не рискнет идти, ушли только с рассветом

Венька скрылся.

У Юры защемило сердце. Как же так, думал он, обещала и не пришла? Неужели обманула? Не может быть! Что же произошло? Неужели он нашел Таню, чтобы снова ее потерять?

Петя оглядывается:

— Юрка, не отставай!

Отстать — то он не отстанет, но удастся ли ему еще увидеть Таню?

Юра и Петя давно бы сбились со следа, не заметили бы знаков, которые оставлял Венька: надломленную ветку, царапину на стволе, наколотую на хвою ягоду
Одна Лида видела эти вешки.

Юра прибавлял шаг, начинал бежать, задыхался.

— Не торопись, — твердила Лида. — Сбавь темп, иначе не выдержим, отстанем.

Юра ничего не понимал: идти быстро — отстанем, идти тихо — догоним.

— Тайга, — объясняла Лида. — По такому лесу нельзя бежать — собьет с ног.

Малахитовые какие — то ели вперемежку с белесыми березами. Сосны с пунцовыми стволами. Заросли мелкорослой и жалкой ольхи, и опять ели и кривые щербатые березы. А под ногами то мох, то брусника, обломки сухих ветвей и прелые прошлогодние листья.

Все непонятно в этом лесу, никакой тропки не замечал Юра среди кочек, овражков и буераков, а Лида уверяла, что они точно идут по следу.

Юра шел, но уже не верил, что идут они по следу людей, которые увели Таню; опять он ее потерял, опять поиски, опять год, два, три, а может быть, и

никогда

Внезапно Лида остановилась, указала на примятую траву:

— Недавно тут прошло человек пятнадцать. Отдыхали или, во всяком случае, останавливались. Видите?

Юра и Петя не видели ничего.

— Здесь лежало что — то тяжелое, какая — то поклажа, — показывала Лида. — Здесь лежал человек, здесь сидели женщины.

Нет, ничего не видно!

Лида прутиком указала на перетертые листья, на втоптаные с двух сторон следы, на вмятину с человеческий рост, усмехнулась, подняла из кучки прутиков и травинок женскую шпильку.

Шпилька в тайге

Оказывается, и в тайге теряют женщины шпильки!

— Теперь недалеко, — уверенно произнесла Лида. — Полчаса еще, час.

Петя удивился:

— Как вы можете знать?

— Пройдет еще час, расправятся ветви, сдвинутся листья

Эта девочка читала все в лесу, как по книге.

— Скоро нагоним.

— Неужели мы так быстро сумели покрыть разделяющее нас расстояние? — недоверчиво спросил Юра.

В свою очередь, Лида удивленно посмотрела на Юру.

— Не так уж быстро, мы идем часов шесть.

Юра взглянул на часы:

— А мне казалось, часа

два

Он не чувствовал голода, не замечал усталости.

— Еще немного

Тронулись дальше.

— А это что?

Лида наклонилась. На кустике можжевельника покачивался клочок бумаги. Точно опавший листок. Она поднесла к глазам и тут же передала Юре:

— Тебе.

Клочок тетрадной бумаги, и на нем карандашом всего одно слово: «Юра». Почерк Тани! Кто — кто, а Юра не мог ошибиться.

Значит, они действительно прошли здесь. Значит, Таня думает о нем. Значит, уверена, что Юра устремится вслед

— Юра!

Он не слышал.

Откуда — то появился Венька.

— Тише вы!

— Откуда ты?

— Тише! Все эти монахи тут, за оврагом. На лужке расположились, завтракают. Лучок черным хлебом закусывают.

— А Таня с ними?

— Всю дорогу идет меж двух монахинь. Конвоируют.

— Тебя не заметили?

— Меня?!

— Давайте обсудим

— А чего обсуждать? — Юра весь напрягся, точно приготовился

к прыжку. — Я иду за ней!

— А если полезут драться? Там такие дяди

— А много их?

— Чертова дюжина. Четыре мужика и девять женщин.

— Старики?

— Трое вполне на уровне, да и старик не даст маху.

Юра махнул рукой.

— Иду!

СУМАСШЕДШЕЕ ПИАНИНО

Вчетвером поднялись на взгорок. На лужайке под ярким солнцем табором расположились беглецы. Странное это было зрелище. Все в черном, в каких — то полурясках, в черных платочках, в скуфейках, сидели они кружком, а посередине стоял и ораторствовал высокий худой старик в длинной рясе и уродливом черном колпаке.

Прошло еще несколько мгновений, и старик в рясе увидел преследователей.

Юра сбежал с пригорка. Где же Таня?
каким — то чернобородым дядькой.

Вот! Рядом с

— Таня!

Она рванулась, но чернобородый схватил ее за руку.

— Остановись! — прокричал старик в рясе.

Юра так и не понял, ему или Тане.

Голос, однако, такой, что хоть бы и на сцену. Сумрачно посмотрел на Юру:

— Что надобно?

Юра указал на Таню.

— Мы никого не держим

Старик заговорил спокойнее, сдержаннее, взял себя в руки.

— Антихристово семя! — вдруг пронзительно выкрикнула одна из старух. — Убить мало вас, нечестивцев!

Петя, Лида и Венька тоже спустились на лужайку, стали чуть поодаль от Юры. Солнечный свет ярко освещал всех. Четыре комсомольца и тринадцать странных существ. Одни против других. Обычно они вели себя тише, скромнее, эти скрытники, когда их обнаруживали в тайниках. Но сегодня их больше, и чувствуют они себя посмелее. У косматой старухи дрожат губы, вот — вот разразится новыми ругательствами. Но высокий старик властно простер руку.

— Вам чего? — медленно и даже как — то плавно произнес он. — Вам, собственно, чего, молодые люди? Шли бы своею дорогой, оставили бы честных христиан в покое.

Но Юра смотрел на одну Таню.

«Неужели я зря приехал за тобой на Урал? — мысленно обращался он к ней. — Неужели ты забыла, как сидели мы с тобой в Третьяковке? Как бродили по набережным»

Косматая старуха тряслась все сильнее. Таня стояла потупившись. Чернобородый не отходил от нее.

— Таня! Таня! — продолжал Юра вслух, никого уже не стесняясь. — Я не могу без тебя! Не хочу без тебя! Что бы я для тебя только ни сделал

И то, что обычно говорят наедине, с глазу на глаз, где — нибудь при свете луны, в тени цветущей сирени, звучало здесь, при ярком солнце, в присутствии двух десятков людей, еще значительно и торжественнее, чем обычно. С каждым словом Юра все сильнее чувствовал громадность своей любви.

И Таня сдалась, рванулась и упала на руки Юре.

— Таисия! — вскрикнул старик. — Неразумная! Опомнись!

Он пошел прямо на Юру, но старика опередила все та же бесноватая старуха, подскочила к Юре и ударила палкой по голове.

Петя бросился было на помощь, но Юра движением руки остановил Петю, старуха до крови рассекла ему на голове кожу, но Юра не снизошел даже до того, чтобы рассердиться, он стоял перед стариком, готовый защищать Таню.

— Таисия! — выкрикнул старик хриплым, срывающимся голосом. — Возвратись в келию!

Таня не ответила, и тогда старик обратил свой гнев против Юры.

— Ты! Это ты во всем виноват! — закричал старик. — Змий, хитрый змий, порождение змеи и ехидны! Корень гнева и ярости, да изган ты будешь во мрак и скверну!

Он распалялся все больше. Волосы выбились из — под клобука, рука воздета к небу

Позади виселись темные ели, гул несся по лесу. Страшен был старик в гневе, и недоумевали его приверженцы, видя, как ироническая улыбка все заметнее кривит губы осыпанного проклятиями юноши.

— Таисия! — воззвал опять старик. — Уйдешь ты от этих козлиц?

Девушки в черных платочках с любопытством выглядывали из — за спины старика.

Таня еще шагнула назад и молча покачала головой.

Тогда старик отступился от нее и размашисто перекрестился.

— Пеняй же на себя!

Он поднял над головой обе руки и завопил протяжным неистовым голосом:

— Горе вам, чуждым богу и неугодным ему! Попадете вы по смерти в снедь змию! Преданные сатане, готовьтесь быть ввергнутыми в пещь

огненную!

Косматая старуха заслонилась от ужаса.

— Да будет вам анафема,
анафема!

Старик анафемствовал. Это было самое страшное, что он мог сделать, — отлучение от бога, от церкви, самое ужасное наказание в арсенале христианской религии.

— Кто не возлюбил Иисуса, да будет отлучен до пришествия господина! Анафема, анафема, маран — афа!

Он сделал все, что мог.

Таня заплакала. Даже Лида чувствовала себя подавленной, так наэлектризовал окружающих гневный старик. Один Юра неожиданно усмехнулся и произнес странное и никому не понятное выражение.

— Сумасшедшее пианино, — сказал он, глядя старику прямо в глаза. — Вы — сумасшедшее пианино.

Он тут же повернулся к своим спутникам и предложил:

— Пойдем?

— Нет, — сказала Лида. — Я хочу попробовать уговорить других девушек. Таня, скажи им

— Девочки! — произнесла Таня слабым голосом, приближаясь к черным платочкам. — Может быть, вы тоже

Юре стало не по себе. Счастливый тем, что нашлась Таня, и еще более счастливый, что она ушла от этого воронья, Юра забыл, да и не то что забыл, даже не подумал о других девушках, которые находились не в лучшем положении, чем Таня

Но тут произошло непредвиденное обстоятельство: на сцену выступило новое действующее лицо.

Откуда — то из — за деревьев никем не замеченный

появился лесник не лесник, охотник не охотник, мужчина в серой кепке, в потертой кожаной куртке, в высоких болотных сапогах, с двустволкой за плечами, пожилой мужчина с чисто выбритым и безразличным каким — то лицом.

Он встал между двух враждующих лагерей, и сейчас же, вслед за ним, откуда — то вынырнула великолепная могучая овчарка.

— Куш! — приказал незнакомец собаке, хотя она уже сидела возле его ног, и неторопливо обратился к окружающим: — Извиняюсь, товарищи, но что это тут у вас происходит?

— Спасаем девчонку, вот что, — не без запальчивости объяснил Петя. — Из рук вот этих — Он не знал, как назвать сектантов.

В глазах незнакомца вспыхнула и погасла смешинка.

— Кого и от кого?

— Видите ли, — пришел Юра на помощь другу, — вот эти фанатики заманили в свою секту нескольких девушек, и мы хотим, чтобы они поняли

— Э, так нельзя

Незнакомец укоризненно посмотрел на Юру и неодобрительно покачал головой.

— Гражданин начальник! — вдруг обратился к незнакомцу чернобородый. — Оградите вы нас от оскорблений!

Незнакомец повернулся к чернобородому:

— Кто же это вас оскорбил?

— Да не меня, а старца, — пожаловался чернобородый и указал пальцем на Юру. — Назвал человека пианином.

— Как? — удивился незнакомец.

— Пианином.

— Разве это обидно?

— А как же! — воскликнул чернобородый. — Пианином там или балалайкой

— А вы что скажете? — обратился незнакомец к оскорбленному. — Вы — то чего молчите?

Однако старик продолжал молчать, он еще не принял решения, как себя следует вести.

— Чего же набрали воды в рот? — упрекнул его незнакомец и опять обратился к комсомольцам: — Нет, товарищи, вы превысили свои функции, и, кстати, есть ли у вас при себе документы?

Юра независимо посмотрел на незнакомца и перевел взгляд на Лиду.

— Ты его знаешь? — вполголоса спросил он.

Лида слегка помотала головой:

— Нет.

— А вы кто такой, чтобы проверять у нас документы? — вызывающе спросил Юра. — Вы бы предъявили сначала свои!

— Я представитель охотнадзора, моя фамилия Власов, — представился незнакомец. — И кроме того, я член дружины по охране общественного порядка.

— Интересно, среди кого вы наводите здесь порядок? Среди зверей? — насмешливо спросил Юра. — Вы браконьер, — сказал он, гордясь своей проницательностью. — Потрудитесь не соваться в чужие дела.

Незнакомец, однако, не обиделся и опять обратился к комсомольцам:

— Кто тут у вас старший?

И хотя среди них не было старшего, три мальчика разом посмотрели на Лиду — и по должности, и по опыту старшей была она.

— Я, — ответила Лида, выступая вперед.

— Отлично, — сказал незнакомец, копаясь в боковом кармане, переступая с места на место и незаметно уводя Лиду в сторону. —

Вот мой охотничий билет.

Он протянул Лиде какую-то книжечку, что-то сказал, она кивнула, и он еще что-то сказал.

— Извините, — звонко сказала Лида. — У меня нет документов — Она смущенно пожала плечами. — Кто же берет с собой в тайгу документы!

— Вот то-то же, — укоризненно произнес незнакомец. — А еще поднимаете шум.

— В следующий раз будем умнее, — послушно согласилась Лида. — Кто же знал

Незнакомец повернулся к сектантам:

— Ну, а вы что тут делаете?

— Идем, — мрачно ответил их предводитель, сердито глядя из-под насупленных бровей на незнакомца.

— Куда?

— По грибы, — еще мрачнее ответил старик.

— Ну и идите, идите, отцы, — добродушно напутствовал их незнакомец и уже гораздо строже обратился опять к комсомольцам: — А вас я бы попросил не приставать к незнакомым людям и не мешать им заниматься своими делами.

— Пошли, — решительно сказала Лида и принялась взбираться на пригорок.

— Лида, так нельзя, — возмущенно возразил Юра. — Он же явно попустительствует этим фанатикам!

— Пошли, пошли, — твердо повторила Лида и стала взбираться еще быстрее.

Лида струсила, но Юра не решился перечить, она лучше знает законы тайги. Хорошо, что Таня с ними. Она взбиралась на пригорок следом за Лидой. Венька тоже послушался Лиду. За ним Петя И Юре ничего не оставалось, как повернуться и пойти вслед за всеми.

— Вот так — то лучше, — заметил ему в спину незнакомец, и Юра услышал, как он еще утешил сектантов: — Ничего, ничего, отцы, идите, в обиду вас не дадим.

С полчаса вся компания молча пробиралась по тропке.

— Куда теперь? — прервал молчание Петя.

— Обратно, — не без юмора разъяснил Венька.

— А куда же пойдут те? — поинтересовался Петя.

— К медведям.

— Без шуток.

— А я без шуток. В той стороне только медведи.

— Разве они здесь водятся?

— Сколько угодно.

— А почему их не боятся?

— Потому что летом медведь не опасен, а такой компании испугается любой зверь.

— Все — таки не понимаю, — не удержался Юра. — Почему мы уступили?

Лида ласково улыбнулась:

— Поймешь, Юрочка, поймешь.

— А кто это?

— Охотник.

— С овчаркой? На кого же он охотится?

— На кого —нибудь да охотится.

— Не надо было нам уходить.

— Надо!

— Нет.

Однако Лида не хотела продолжать спор.

К Юре подошла Таня:

— Она сильно тебя ударила?

Он потрогал голову.

— Обойдется.

— Может, перевязать?

— Потом

Шли медленно, чувствовалась усталость. Лес к вечеру казался еще страшнее и нелюдимее. Путь преграждали ветви елей, обросшие бледным зеленоватым лишайником. Птицы смолкли. За тусклыми стволами стлались тени. Солнце висело прямо за спиной. Под ногами похрустывала хвоя. Скорей бы привал!

Молчание нарушил Петя:

— Послушай, Юрка, как это ты обругал старика?

Юра хмыкнул:

— Я не ругал.

— Ну, обозвал.

— Сумасшедшее пианино.

— Действительно, — сказала Лида. — Какое бессмысленное выражение.

— Это не мое выражение.

— Все равно бессмыслица!

— Это выражение Ленина. Впрочем, извините, перепутал. Сам не понимаю, как оно у меня вырвалось. Не пианино, а фортепьяно.

— Но как же это понимать — сумасшедшее фортепьяно?

— Очень просто. Я читал зимой Ленина. Есть у него такая книга: «Материализм и эмпириокритицизм». В ней объясняется разница между идеализмом и материализмом

— Ну?

— Вот Ленин и приводит там выражение французского философа Дидро.

— Расскажи!

— Дойдем сперва до привала.

Они еще засветло добрались до палатки.

Разожгли костер, разулись, поставили на огонь кулеш со свиной тушенкой, расположились у костра.

— Теперь давай, — напомнил Петя. — Обещал

Последний отрезок пути Юра мучительно ломал голову, напряженно вспоминая прочитанное, ему еще не приходилось выступать с лекциями на философские темы.

— Может, отставим?

— Нет уж, давай, — не согласился Петя. — Наедемся кулеша, разморит, и завалимся спать.

— Вы, конечно, проходили историю партии?

— Конечно, — неуверенно отозвался Венька. — А что?

— Вы, конечно, знаете, что коммунисты и комсомольцы по своим убеждениям материалисты?

— Конечно, — подтвердил Венька.

— Ну, а эти самые
верующие
идеалистами.

являются

В самой чаще уральской тайги полыхал костер, потрескивали

горящие сучья, взлетали золотистые искры, булькал закипающий кулеш. Вокруг костра расположились две девушки и три парня, и один из них впервые в жизни разъяснял своим товарищам разницу между идеализмом и материализмом.

— Материализм, ребята, считает основой всего природу. Она, так сказать, начало начал, а мысль, мышление, дух возникли уже после того, как появился человек, это, так сказать, производное природы. Сперва жизнь, бытие, а затем уже возникает мышление.

— Конечно, — согласился Венька. — Сперва каша, а потом уже философия.

— Не так просто! Дидро называл идеалистами философов, которые считали, что все в мире существует только в связи с их собственными переживаниями, без меня, мол, и мира не существует.

— Ну и дурни, — сказал Венька. — Какие же это философы, если даже ребенку понятно, что все существует помимо него?

— А ты помолчи, — остановила Лида. — Ты слушай.

Венька обиделся:

— А я что делаю?

— Вот и молчи.

— А сам Дидро считал, что люди — это лишь инструменты, одаренные памятью и способные ощущать и объяснять происходящее. Предположим, говорил он, что фортепьяно обладает способностью помнить и чувствовать. Разве оно не станет повторять мелодии, которые исполнили на его клавишах? Наши чувства и есть не что иное, как клавиши, по которым ударяет природа.

— А что же такое сумасшедшее фортепьяно? — спросила Лида.

— А это когда какое —нибудь чувствующее фортепьяно начинает воображать, будто в нем заключена вся гармония вселенной!

Кулеш кипел, все были голодны, но ребята медлили с ужином, их увлек старинный спор энциклопедиста Дидро с епископом Беркли. Во всяком случае, девушек интересовало, почему Юра назвал Елпидифора сумасшедшим пианино.

— А что сказал Ленин? — еще раз спросила Лида.

— Ленин спрашивал: от вещей мы идем к ощущениям и мыслям или от мыслей и ощущений к вещам? — Юра хорошо помнил это место. — Первой точки зрения держался Энгельс. И вот тех, кто воображает, что он один существует в мире, кто считает себя центром Вселенной, кто, извините, думает, что он пуп земли, — таких людей Ленин называл сумасшедшими фортепяно!

Таня засмеялась.

— Ты чего? — удивилась Лида.

— Елпидифор — сумасшедшее фортепяно!

— А ты думаешь, он нормальный? — воскликнул Венька. — Ты сама тоже была не вполне
— Он пальцем повертел у виска.

— Ладно, ладно, — примирительно сказал Петя, — давайте — ка, разумные фортепяно, поднажмем сейчас на кулеш.

Они перелили кулеш из котелка в миску, и все застучали ложками. Вселенная сияла над ними тысячью звезд. Лес окружал их неразгаданными тайнами. Они многого, многого еще не знали, но то, что мир существует помимо них и вне их, это они знали, как и то, что, пока они существуют в мире, им предстоит непрерывно изменять и совершенствовать этот лучший из всех существующих миров.

ДЕВУШКА В КУСТАХ ЖИМОЛОСТИ

В день отъезда трое москвичей отправились прощаться в лесничество. Лида, Венька, Василий, Перфилов — всем им хотелось пожать руку, поблагодарить, пожелать самого доброго

Юра с чего начал, тем и кончил — зашел в каморку под лестницей.

Василий обрадовался:

— Ты нужен. С тобой хочет поговорить один человек. Просил разыскать.

— Кто такой?

— Увидишь.

Повел Юру на второй этаж, открыл дверь в чей — то кабинет.

— Заходи.

У окна стоял человек в военной гимнастерке без погон. Юре показалось, что они встречались.

— Здравствуйте!

Ба, охотник! Тот самый, который помешал разговору Юры и его товарищей с сектантами.

Без особого энтузиазма пожал Юра протянутую руку.

— Вы нам чуть всю музыку не испортили, — весело сказал незнакомец. — И зол же я был на вас!

— Не понимаю.

— Для того и пригласил, чтобы объяснить.

Указал на диван, сел рядом:

— Э — эх, вы!

— Что я?

— Кустарь — одиночка.

— Это как понимать?

— Догадываетесь, где я работаю?

— Теперь догадываюсь.

— Лида не сказала?

— Нет.

— Дисциплинированная девушка. Конечно, вы правильно поступили, что искали свою
приходится? Подруга? Кем она вам

— Товарищ.

— Правильно, говорю. Но нам чуть не испортили всю музыку. Мы этими истинно православными христианами давно интересуемся. Знаете, что это за секта?

— Знаю.

— И что же знаете?

— Морочат людям головы. Сбивают с пути неуравновешенных девушек

— Не только. Тащат людей в прошлое. Враждуют с нашим обществом. Ждут войны

— А я чем помешал вам?

— Игрой в Шерлока Холмса. Прятаться эти люди умеют, недаром зовутся скрытниками. Не случайно же появился я в лесу и заступился за этих «грибников». Они было взволновались, но, кажется, успокоились. Решили, что спасали вы лишь свою барышню. А что было бы, если бы распался весь их университет? Опять ищи по всему свету! Главный козырь Елисея — создание собственного агитпропа. Сразу сделали бы далеко идущие выводы и ускользнули

Ведь люди

людям рознь. Есть верующие, искренне верующие, таких большинство, им надо помогать выбраться из трясины. Но есть деятели другого склада среди их наставников. И опять же не все. Елпидифор, например, тот на самом деле фанатик, всю жизнь провел в тайниках, у него уже давно не все дома. А вот Елисей и еще кое — кто, эти и хитрее и подлее. Пользуются простодушием людей и обделяют свои делишки. Вербуют рабов божьих, а превращают в собственных рабов. Елпидифор — то действительно воображает, что спасает христианские души, а

Елисей

Неизвестно еще,

чем грозило знакомство с ним вашей Тане!

— Так что же мне надо было делать?

— Обратиться к нам, а не самостийничать.

— Но я не особенно напортил?

— Будем надеяться.

— Теперь — то вы их разоблачите?

— Все в свое время. Не так это, кстати, просто

— А я не могу быть вам полезен?

— Одну жертву вы спасли, теперь закрепляйте успех. Пока у вашей Тани только порыв, а ее надо сделать сознательной атеисткой

Собеседник Юры прошелся по комнате, остановился, вдумчиво посмотрел на юношу:

— Вот что, Юра, дам я вам один совет. Если хотите, совет старшего товарища, совет коммуниста. У нас в государстве религия — дело частное. Никому не возбраняется верить хоть в бога, хоть в черта, государство в эти дела не вмешивается. Но для партии религия не частное дело. Ленин говорил, что религия есть один из видов духовного гнета, что людей приводит к религии какая — нибудь беда, нужда, одиночество, и коммунисты не могут безразлично относиться к темноте, в которой оказываются люди вследствие своих религиозных верований. За людей надо бороться, помогать им улучшать свою жизнь и в самом высоком, духовном, и в самом, так сказать, обыденном, житейском, материальном смысле. Все взаимосвязано. Настоящий человек не может быть счастлив, если кто — то рядом несчастен

Собеседник Юры вдруг перешел на ты, заговорил совсем задушевно.

— Ты комсомолец, и, в общем, доказал, что ты настоящий комсомолец, выволок свою Таню из болота. Но теперь это надо закреплять, закреплять, помочь ей твердо стать на ноги. Ведь все у нее как будто началось с пустяков. Обиделась. Чего — то недопоняла. Пошла помолиться. Может быть, даже наперекор тебе. А тут — умный поп. Все так деликатно, ненавязчиво. А она девица с воображением, и чем дальше в лес, тем больше дров. Поп ее к богу зовет, в небесные сферы, а ей уже мало этого, в лес потянуло. Ну, а лес и есть лес, темнота. Самая доподлинная темнота эта секта. Связи с обществом порваны, документы уничтожают, мол, антихристовы бумажки, от службы в армии уклоняются, прячутся в тайниках, бегут в пустынные места. Попадешь к ним — не захочешь, а одичаешь; а уйти страшно, умеют запугать — Он даже руку

положил на плечо Юре. — И еще. Таня Таней, но не она одна нуждается в помощи. Присматривайся к окружающим: У Тани одна беда, у других другая. Прийти к людям на помощь, вовремя прийти — это и значит быть настоящим коммунистом.

Он пытливо посмотрел на Юру, и тот вдруг почувствовал, сколько у этого человека забот.

— Ведь все, что случилось, это и для тебя должно стать уроком!

— Спасибо.

— Ну, а теперь счастливого вам пути.

На этот раз, прощаясь, Юра пожал руку новому знакомому уже с искренним уважением и еще раз зашел к Василию.

— Ну как?

— Порядок.

И от всего сердца пригласил Василия к себе в гости, в Москву.

До отхода поезда оставалось время, и ребята бродили по Тавде, — вряд ли, думали они, им придется еще сюда попасть.

Городок поднимался в гору. Одноэтажные деревянные домики походили один на другой. Просторные улицы заросли травкой.

Юра и Таня шли, держась за руки. Петя деликатно от них отстал. Таня без усталости рассказывала о Бескудникове, о Ярославле, о Тавде.

Лес подступал вплотную к городу. Березки стояли, как невесты, белые, чистые, нарядные.

— Я точно исповедуюсь, — задумчиво произнесла Таня. — Ничего не могу от тебя утаить.

— А я не поп, — обиженно сказал Юра. — Не хочешь — не говори.

— Тебе я не могу не говорить

Лес возле города ничем не походил на суровую, темную тайгу,

солнце било сквозь ветви, везде пушились кусты можжевельника.

Они вступили в заросли жимолости. Высокий кустарник сплошь был усыпан бело — розовыми цветами. Розовая пена лилась до земли. Таня нырнула и спряталась.

— Опаздываем на поезд!

Таня показалась среди цветов:

— Правда?

— Вот и нашел!

Она обхватила ветви, прижалась лицом к цветам. Юра хотел запомнить ее такой навсегда. Светлая, синеглазая, чистая, она действительно казалась каким — то существом не от мира сего.

— До чего красиво, — прошептала она. — Умереть можно среди цветов

Юре стало страшно, точно она вправду могла умереть среди этих цветов, — такой хрупкой и нежной казалась она в розовой пене жимолости.

Он подошел к ней и, повинуясь безотчетному порыву, осторожно потянул через голову с тоненькой и такой беспомощной шеи шнурок с крестом.

— Зачем? — испуганно спросила Таня.

Он неуверенно подержал в руках шнурок с медным крестиком и повесил на ближнюю ветку.

— А ты знаешь, — сказал он, — что получится из этих цветов к осени?

— Что? — беспечно спросила Таня.

— Волчьи ягоды, — задумчиво сказал Юра. — Эти розовые цветочки превратятся в ядовитые волчьи ягоды.

Этот неожиданный — негаданный телефонный звонок раздался в конце июня.

— Юра?!

— Хочу зайти к вам.

Кого угодно мог я ждать в тот день, но только не Юру. Да еще вместе с Таней!

Юра загорел, похудел, как будто даже немножко вытянулся, но, в общем, это был все тот же Юра. Гораздо больше меня интересовала его спутница.

Она подошла ко мне, как к старому знакомому, и первая протянула руку:

— Здравствуйте. Юра рассказывал мне о вас, а вам обо мне, вероятно, еще больше.

Юра принялся рассказывать о злоключениях Тани на Урале

А она — улыбалась!

— Ну, как? — поинтересовался я. — С богом покончено?

Таня помедлила.

— Не знаю, — нерешительно протянула она.

И я тут же увидел, как в глазах Юры мелькнула тень тревоги

Они ушли, а мне почему — то вспомнился рассказ Юры о том, как он бродил с Таней по Тавде. Нет, не похожа она на Варфоломея, она существует сама по себе. Будь я художником, я бы нарисовал ее в зарослях цветущей жимолости

И опять я подумал: «Что же все — таки толкнуло эту девочку к богу?»

Сходила в церковь, познакомилась со священником, поиграла в богоискательство и испугалась возмездия. Плохо было Тане? Конечно, плохо. А гордость не позволяет сказать об этом открыто

За стеклами шкафов поблескивают корешки книг.

Малейшая вина виновата! «Бери в руки розги и секи. Секи шибче, секи, не смущаясь! Смело пиши всякое лыко в строку»

Это иронизирует Щедрин.

А вот Достоевский: «Есть такие вещи, которые никогда не возьмешь силою
Вспомните басню — ведь не дождем, не ветром сдернуло плащ с путника, а солнцем»

Доброты у нас подчас мало, доброжелательности друг к другу. Вот о чем нам надо подумать!

В данном случае никому другому, как Юре, и не дано спасти Таню.

Если он сумеет не напоминать, если сумеет забыть то, что произошло. Тогда и Таня сумеет забыть

«Вот едет сейчас Юра в метро, — продолжал размышлять я. — В пестрой рубашке, в модных брючках, в узконосых ботиночках. Чистой воды стилинга! Какая — нибудь девица заглядится на него: с таким парнем можно и потанцевать, и посидеть в ресторане. Кто — нибудь из пассажиров постарше пренебрежительно скосит глаза и подумает, что перед ним

продукт времени“. Но никто не подумает, что Юра взаправдашний рыцарь, что он действительно продукт времени — продукт нашего времени, революционного, героического, романтического»

На следующий день он не утерпел, забежал ко мне один.

— Ваше впечатление? — спросил он. — Как Таня?

— Юра, вы уверены, что ничто уже не повторится?

— Не знаю, но все — таки есть для нее нечто, что сильнее всякого бога, — раздумчиво сказал Юра. — Мы пришли к ней вчера домой, мамы ее еще не было. Таня посмотрела на меня, чуть улыбнулась и взяла со стола книгу. Раскрыла и показала свай комсомольский билет. Ей предстоит еще много неприятных объяснений, неизвестно, оставят ли ее в комсомоле, но билет свой

она сохранила.

— А вы не боитесь, что достаточно ее ранить — и она снова

— И это я понимаю, — согласился он. — Но я бы не простил себе, если бы оставил ее в беде.

— А вы действительно готовы связать с нею свою жизнь?

— Не знаю, — еще задумчивее сказал Юра и порозовел, как и тогда, когда впервые рассказывал мне о Тане. — Ничего я еще не знаю.

А я я посмотрел еще
раз на Юру и пожалел о том, что не у всех есть такие друзья.

1966